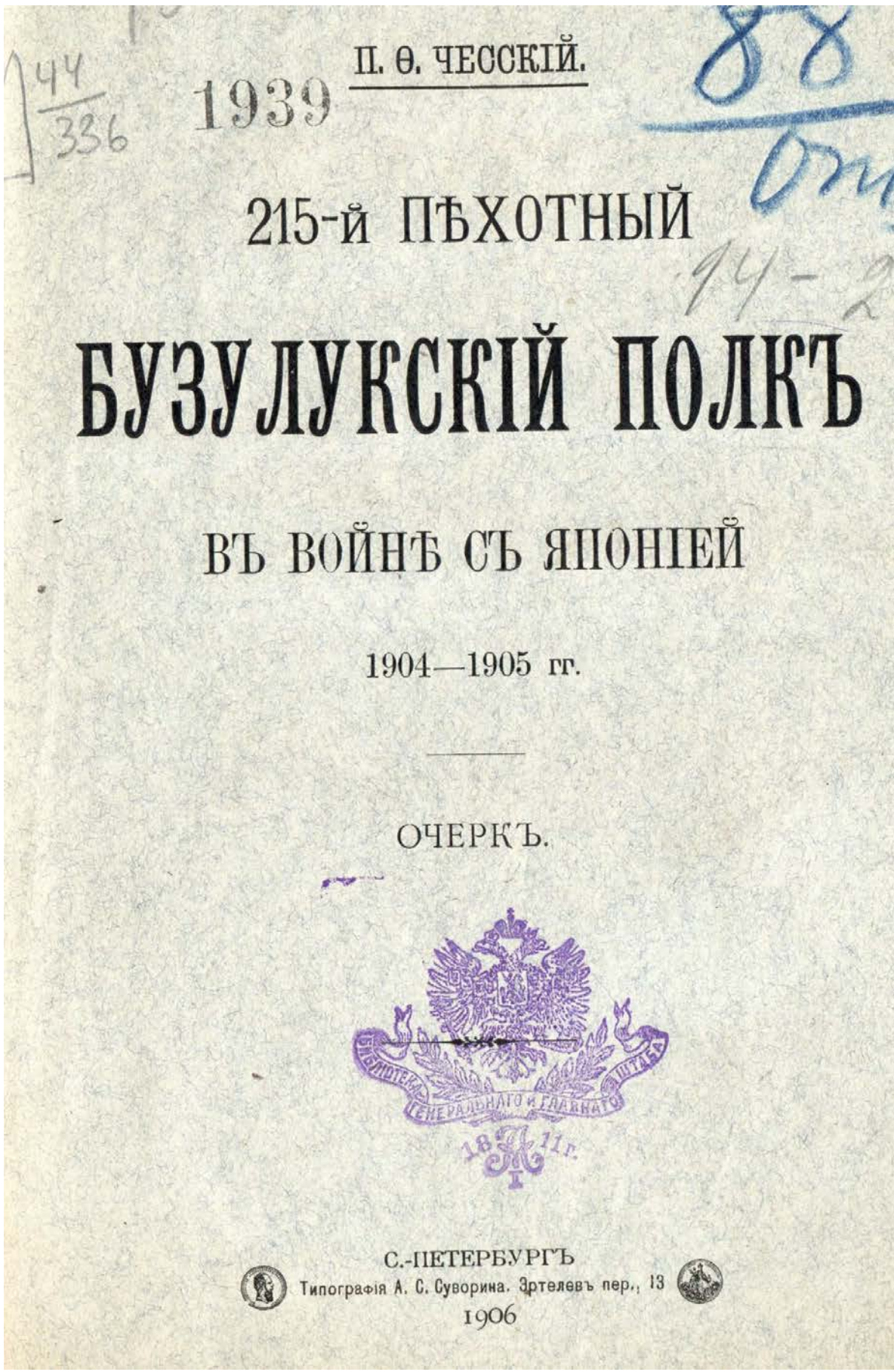


**П.Ф. ЧЕССКИЙ.**

**215-й ПЕХОТНЫЙ  
БУЗУЛУКСКИЙ ПОЛК  
В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ  
1904-1905 гг.**

**ОЧЕРК.**

С.-ПЕТЕРБУРГ  
Типография А.С. Суворина. Эртелев пер., 13  
1906



44  
336

1939 П. Ф. ЧЕССКИЙ.

88  
Отм  
44-2

# 215-й ПЕХОТНЫЙ БУЗУЛУКСКИЙ ПОЛКЪ

## ВЪ ВОЙНѢ СЪ ЯПОНИЕЙ

1904—1905 гг.

ОЧЕРКЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ



Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., 13



1906

## ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие....	III
I. Краткая история полка...	3
II. Мобилизация...	19
III. Высочайший смотр...	24
IV. Проводы...	27
V. В пути...	29
VI. Тахэ - Янтай...	31
VII. Янтайский бой...	89
VIII. Августовские переходы...	54
IX. На позициях...	58
X. Бои 1-го-3-го октября...	73
XI. Октябрьское затишье...	86
XII. Дело штабс-капитана Андронникова...	90
XIII. В отряде генерала Грекова...	92
XIV. Полковые охотничьи команды в делах с японцами...	107
XV. В Ляохейском отряде генерала Косаговского...	113
XVI. Атака деревни Мамыкай 12-го января...	125
XVII. Накануне мукденских боев...	144
XVIII. Бой у деревни Сыфантай, 16-го февраля...	155
XIX. Бой у деревни Цаеньза (Чаничан), 17-го февраля...	163
XX. 18-е февраля...	184
XXI. Бой у деревни Тунхайцза, 19-го февраля...	187
XXII. Бой у деревни Янсынтунь. 21-го февраля...	192
XXIII. Бой у деревни Кандятунь, 22-го, 23-го и 24-го февраля...	196
XXIV. Отступление от Мукдена...	205
XXV. После мукденских боев...	212

[1]

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Материалами к составлению настоящего очерка послужили журнал военных действий Бузулукского полка, приказы и приказания начальствующих лиц, диспозиции и реляции боев, письменные и словесные распоряжения и донесения, а также мои личные, как участника войны, наблюдения в период пребывания полка в Маньчжурии.

В первую главу вошла сохранившаяся в полку историческая памятка, местами исправленная и дополненная мною.

Сознаю пробелы своего труда и прошу читателя не судить меня строго, ибо условия, при которых приходилось работать, выставляли много затруднений как в добывании материалов, так равно и в разработке их. Особенное внимание я обратил не на внешнюю отделку очерка, а на правдивое изложение и освещение фактов и различных сторон походно-боевой жизни полка - и в этом отношении, мне кажется, достиг своей дели. Приношу глубокую благодарность отчетному отделению полевого штаба 2-й маньчжурской армии за ознакомление меня с некоторыми официальными документами, касающимся минувшей войны, полковнику генерального штаба графу Каменскому - за предоставленные [2] в мое

распоряжение планы и карты районов Маньчжурии, и всем гг. офицерам и нижним чинам, тем или иным способом содействовавшим моему труду. Вместе с тем обращаюсь с просьбой к гг. офицерам и нижним чинам Бузулукского полка и, вообще, ко всем лицам, имевшим близкое общение с полком на театре войны, прислать мне, не позже 1-го января 1907 года (адрес см. на обложке), свои впечатления о деятельности и жизни полка, подробные описания различных боевых эпизодов, заметки, дневники и т. п. и, кроме того, свои фотографические карточки (обратно не возвращаются), для помещения в предполагаемом мною, значительно расширенном и дополненном, втором издании сего очерка.

Автор.

28-го ноября 1905 года.

Деревня Лунгфуншань.

[3]

## I.

### **Краткая история полка.**

27-го сентября 1851 года, по Высочайшей воле, изъявленной в предписании командиру Самарской инвалидной роты окружным генералом внутренней стражи четвертого округа от 15-го октября 1851 года, было приступлено к формированию Самарского гарнизонного батальона из Самарской инвалидной роты. С 7-го января 1852 года началось постепенное укомплектование гарнизонного батальона партиями нижних чинов, прибывающими из гарнизонных батальонов: Симбирского, Нижегородского, Казанского и Пермского. К 15-му января 1852 года батальон был окончательно сформирован в составе 23 офицеров, 58 унтер-офицеров, 13 барабанщиков, 701 рядовых и 23 нестроевых нижних чинов. Кроме того, при батальоне считались расположенные в уездных городах инвалидные команды: Самарская, Бугульминская, Бугурусланская, Бузулукская, Николаевская, Ставропольская, Новоузенская и Сергиевская, которые во всех отношениях подчинялись командиру Самарского гарнизонного батальона. Командиром батальона был назначен майор Магнушевский. [4]

15-го января 1852 года, в 7 часов утра, все гг. офицеры и нижние чины, по приказанию командира батальона, были собраны в манеже и разбиты на три роты.

Каждая рота подразделилась на четыре капральства, а капральство на четыре десятка.

В строевом отношении батальон в трехротном составе разделялся на шесть взводов, в которых назначались фланговые унтер-офицеры, линейные жалонеры и знаменные ряды. По выдаче обмундирования и вооружения, было приступлено к фронтальному обучению нижних чинов батальона, начиная с одиночной выправки, на что обращалось особое внимание, разделив предварительно людей по достоинству и разрядам, но так, чтобы означенное разделение людей не смешивалось в капральствах. Деление нижних чинов на разряды имело в то время большое значение, так как высшие разряды составляли лучшие люди, на которых в строевом образовании обращалось не столь большое внимание, как на низшие разряды, что давало возможность скорее поставить строевое обучение на один уровень. Для передачи правильного фронтального образования и пригонки амуниции при батальоне составлялась учебная команда, в которую назначалось по четыре унтер-офицера и по четыре рядовых от каждой роты, а от инвалидных команд - по два унтер-офицера и по два рядовых; при этом, командирование нижних чинов в учебную команду для прохождения курса несколько не зависело от срока на военной службе как рядовых, так и унтер-офицеров.

Для заведывания этой командой назначался особый офицер, который пользовался правами ротного командира. [5]

Что же касается довольствия нижних чинов, то при батальоне, дабы нижние чины не довольствовались на обывательских квартирах, была устроена особая кухня, при чем довольствие производилось по особо составленной раскладке, утвержденной командиром батальона; семейные же нижние чины довольствовались самостоятельно, каждый отдельно. 16-го января 1855 года Самарский гарнизонный батальон и подведомственные ему инвалидные команды, по Высочайшему повелению, были подчинены командиру отдельного Оренбургского корпуса, и батальон переименован в Оренбургский линейный № 11, с зачислением в состав 1-й бригады 23-й пехотной дивизии. По обмундированию и вооружению батальон был приравнен к остальным оренбургским батальонам; содержание же батальона и инвалидных команд осталось прежнее, то есть внутреннее-гарнизонное. В это время командиром батальона был подполковник Подревский, переведенный 24-го сентября 1854 года из гренадерского Его Величества короля Прусского полка, а майор Магнушевский переведен командиром Астраханского гарнизонного батальона. В строевом отношении батальон разделялся так же, как и прежде, но программа строевого обучения была значительно расширена по Высочайшему повелению, после донесения на Высочайшее имя о результатах инспекторского смотра. Прежде обращалось особое внимание только на фронтную выправку солдата, теперь же было повелено ввести обучение и рассыпному строю, для чего половину штата барабанщиков заменили горнистами, и было приказано выбрать по 24 человека с роты расторопных, ловких и смысленных людей в застрельщики, в состав которых [6] ни вице-унтер-офицеры, ни унтер-офицеры не входили, а назначались рядовые и по одному ефрейтору от каждого капральства.

Батальон, в составе трех рот, существовал до 12-го октября 1855 года, когда последовал приказ военного министра о переформировании батальона из трехротного состава в четырехротный, с увеличением штата офицеров и нижних чинов; таким образом, штат батальона получился следующий: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 27, унтер-офицеров 80, музыкантов 17, рядовых 920 и нестроевых 97; недостающих по штату офицеров и нижних чинов было приказано назначить из общего числа сверхштатных чинов 23-й пехотной дивизии.

В виду увеличения штата чинов батальона и прибытия новых элементов, как нижних чинов, так и гг. офицеров, дабы сплотить последних во всех отношениях, а особенно в единомыслии, взглядах и единении во внутренней жизни, командир батальона неоднократно был показан лично живой пример всех вышеозначенных достоинств, поэтому нельзя умолчать, что, несмотря на молодые годы части, товарищеский дух воина настолько привился в батальоне, что во время Крымской кампании, когда наша армия нуждалась в материальной помощи, батальон, по одному слову командира, принял живое участие в несчастье, постигшем на войне сотоварищей, пожертвовав в пользу раненых сбор в 179 рублей.

За такое душевное отношение к своим товарищам батальон удостоился Высочайшей благодарности. Вскоре после этого, именно 27-го мая 1857 года, командир батальона, подполковник Подревский, за [7] отлично усердную службу был произведен в полковники.

23-го июня 1857 года Государь Император, по всеподданнейшему докладу командира отдельного Оренбургского корпуса, генерал-адъютанта графа Перовского, всемилостивейше повелеть соизволил: производство на вакансии в следующие чины гг. офицеров оренбургских линейных батальонов, с № 1-го по № 9-ый включительно, подчинить тем же правилам, какие существуют в войсках армии, то есть, не ограничиваясь трехлетнею

выслугою в чине, а рассчитывая вакансии по всем батальонам; что же касается гг. офицеров №№ 10-го и 11-го линейных батальонов, как состоящих на внутреннем гарнизонном содержании, то производство их на вакансии установить по каждому батальону особо.

В шестидесятых годах все Поволжье страдало от холерной эпидемии, в батальоне же, благодаря деятельности командира батальона и его ближайших помощников, хотя и были несчастные случаи, но смертность была сравнительно незначительна: в среднем умирало в год от 30 до 50 человек. Вообще, процент смертности в Самарской губернии был несравненно больший, вследствие чего в некоторых уездах проявились народные волнения: волнения эти иногда подавлялись гражданскими властями, а иногда принимали такой характер, что гражданские власти прибегали к помощи и содействию войск; так, в 1859 году, 5-го июня, была командирована 1-я рота батальона, в составе 131 человека при 15 унтер-офицерах и 2 офицерах, в помощь гражданским властям в Николаевский уезд, Самарской губернии; 16-го июля была командирована [8] 3-я рота, в составе 120 рядовых при 8 унтер-офицерах и 2 офицерах, в Бузулукский уезд, Самарской губернии. За это командир батальона получил Высочайшую благодарность, а нижние чины - денежную награду в размере одного рубля.

Как было выше сказано, батальон состоял в первой бригаде 23-й пехотной дивизии Оренбургского отдельного корпуса.

По Высочайшему приказу от 28-го февраля 1860 года, подразделение на бригады и должности командиров бригад в 23-й пехотной дивизии были уничтожены, а взамен этого в дивизии был оставлен один генерал-майор в должности помощника начальника дивизии, с содержанием бывшего командира бригады. Таким образом, батальон должен был состоять в подчинении начальника дивизии и его помощника. 29-го июля того же года, по Высочайшему повелению, командиром отдельного Оренбургского корпуса и оренбургским и самарским генерал-губернатором был назначен генерал-от-артиллерии Безак, с оставлением в звании генерал-адъютанта. В 1861 году, 24-го сентября, Высочайшим приказом, командир батальона, полковник Подревский, был уволен в отставку, а на его место назначен подполковник Курковский. Батальон, под именем Оренбургского № 11 линейного, существовал до 13-го августа 1864 года, когда, Высочайшим приказом, он был переименован в Самарский губернский батальон трехротного состава, в 600 рядовых, и подчинен самарскому губернскому воинскому начальнику, состоящая же при нем Самарская инвалидная команда, переименованная еще в 1862 году, 24-го июля, в Самарскую губернскую [9] команду, была совершенно упразднена. Командир батальона, подполковник Курковский, Высочайшим приказом 28-го февраля 1866 года, был произведен за отличную службу в полковники. В 1868 году, 8-го октября, по Высочайшему повелению, Самарский губернский батальон был переформирован из трехротного состава, в 600 рядовых, в двухротный, в 400 рядовых; излишних людей, прослуживших 12 лет, было приказано уволить во временные отпуска, а остальных отправить на пополнение отдельных команд. Высочайшим приказом от 29-го июня 1869 года, командир батальона, полковник Курковский, уволен в отставку; вместо него 11-го июля того же года был назначен подполковник Ворганин, а затем, 24-го августа 1870 года, его сменил полковник Вечей.

Высочайшим приказом от 26-го августа 1874 года, Самарский губернский батальон двухротного состава, в 400 рядовых, переименован в Самарский местный батальон и подчинен самарскому уездному воинскому начальнику. 12-го сентября того же года, Высочайшим приказом, командир батальона, полковник Вечей, оставлен за штатом, с зачислением по армейской пехоте, а вместо него, тем же приказом, назначен командиром батальона самарский уездный воинский начальник, полковник Николай Иванович де ля-

Крой. В феврале месяце 1877 года 2-я рота Самарского местного батальона, в составе 3 офицеров, 16 унтер-офицеров, 185 рядовых и 79 новобранцев, всего 283 человека, была выделена на формирование Оренбургского № 2 линейного батальона. На пополнение же кадра Самарского местного батальона было прислано из Саратовской [10] местной команды 65 человек и из Астраханского батальона 124 человека, и, таким образом, 2-я рота Самарского местного батальона была вновь укомплектована.

31-го августа 1878 года Самарский местный батальон переименован в 95-й пехотный резервный батальон (кадровый). Командиром батальона, вместо полковника де ля-Крой, Высочайшим приказом от 13-го октября, был назначен Ромуальд Эдуардович Домбровский. Батальон, с переименованием в 95-й кадровый, переформирован в пятиротный состав. Штат батальона: офицеров 36, классных чиновников 3, строевых нижних чинов 645 и нестроевых 83 человека. На укомплектование его, при увеличении штата, вошла часть офицеров и нижних чинов расформированного, по Высочайшему повелению, 48-го пехотного резервного батальона. 95-й пехотный резервный батальон со дня формирования вошел в состав 24-й пехотной резервной дивизии и был подчинен Самарскому губернскому воинскому начальнику, пользовавшемуся правами начальника дивизии.

В мирное время батальон составлял кадр 77-го запасного пехотного батальона, формируемого в городе Самаре, и 79-го запасного пехотного батальона, формируемого в городе Бузулуке. При батальоне содержался неприкосновенный запас для: 1) управления 24-й пехотной резервной дивизии, 2) подвижного ее лазарета и 3) штаба 2-й бригады той же дивизии. Цель батальона в мирное время, как и всех пехотных резервных войск, усилить действующую пехоту. содержать гарнизоны в укрепленных пунктах и исполнять местную внутреннюю службу. В военное время из состава резервных войск [11] выделяются кадры для формирования запасных батальонов.

Одновременно с переформированием батальона в пятиротный состав, была сформирована учебная команда, в состав которой, по распоряжению губернского воинского начальника, от всех местных команд, расположенных в губернии, командировались нижние чины для обучения. При учебной команде в первый раз сформировался писарской класс, специально только для строевой подготовки.

В 1880 году. 7-го апреля, батальону пожаловано простое армейское знамя при Высочайшей грамоте:

«Божиею милостию, Мы, Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, Нашему

95-му резервному пехотному кадровому батальону. В ознаменование особого Монаршего благоволения 95-му резервному пехотному кадровому батальону, Всемилостивейше жалуем батальону сему знамя и повелеваем, освятив оное, по установлению употреблять на службу Нам и отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственными.

Александр».

В 1881 году в батальоне последовало изменение в вооружении и обмундировании: были введены малокалиберные винтовки (4-х линейные), мундиры двубортные без пуговиц и без цветных клапанов на воротниках, измененного образца шинели с белыми клапанами на воротниках, вместо кепи - фуражки с белым околышем, барашковые шапки с гербом и кокардой, светло-синие погоны с шифровкой, так же, как и на околыше фуражки, «95 Р.». [12]

24-го апреля 1881 года командир батальона, полковник Домбровский, Высочайшим приказом, уволен в отставку генерал-майором, а 1-го мая вместо него назначен полковник Александр Александрович Соколов. В том же году, 30-го августа, приказом по военному ведомству, должность губернского воинского начальника была упразднена, и батальон подчинен начальнику 20-й местной бригады: штаб г. Саратов. Таким же приказом от 14-го ноября, батальон был размещен по уездным городам Самарской губернии: 1-я рота в г. Ставрополе, 2-я рота в г. Бугульме, 3-я - в г. Бугуруслане, 4-я - в г. Бузулуке, 5-я же рота со штабом была расквартирована в г. Самаре. Кадр для 77-го и 79-го запасных батальонов был передан уездному воинскому начальнику.

23-го октября 1882 года начальник 20-й местной бригады назначил торжественное освящение Высочайше пожалованных 95-му и 96-му резервным пехотным кадровым батальонам знамен. Накануне, т.е. 21-го октября, в церкви Святые Троицы, в г. Самаре, в 2 часа дня была отслужена панихида по в Бозе почившем Государе Императоре Александре Николаевиче, в память пожалования знамени в Его царствование, на которой присутствовали все гг. офицеры, классные чиновники, нижние чины 5-ой роты, учебная команда, писарской класс, писаря канцелярии батальона и все нестроевые. Командирам 1-й, 2-й, 3-й и 4-й рот, расположенных по уездным городам, было приказано сделать соответствующее распоряжение об отслужении 21-го октября панихиды, в присутствии нижних чинов рот, в городских церквях. По окончании панихиды, все гг. офицеры, классные чиновники [13] и назначенные от каждой роты по одному фельдфебелю, унтер-офицеру, ефрейтору и рядовому, составив отдельную команду, прибыли на квартиру командира батальона для торжественной прибавки Всемиловнейше пожалованного знамени. На следующий день, 22-го октября, было совершено торжественное освящение знамени. После божественной литургии, отслуженной епископом самарским в старом Казанском кафедральном соборе, на площади, перед последним был произведен церковный парад, в составе 5-й роты, учебной команды, нестроевых и всех нижних чинов, прибывших из рот, расположенных в уездных городах.

После молебствия и присяги, командир батальона, полковник Соколов, обратившись ко всем чинам батальона, сказал:

«Сегодня совершилось торжественное освящение Всемиловнейше пожалованного вверенному мне батальону знамени. Поздравляю всех чинов батальона с этой Монаршею милостью. Я счастлив, что на мою долю выпала честь поздравить вас с нею и быть вашим командиром в этот торжественный и незабвенный для каждого из нас день. Принеся под осенением этой военно-священной хоругви присягу на верность службы нашему обожаемому Монарху и дорогому отечеству, будем всегда верны данной нами перед лицом Всевышнего Бога клятве служить верно и нелицемерно, быть охранителями спокойствия и благоденствия жителей мирных и страшною грозой врагов внутренних и внешних; если же, по повелению нашего великого Государя вступим в бой с врагами отечества, то не пожалеем своей жизни до последней капли крови, исполняя долг свой, и докажем, [14] что мы достойны Всемиловнейше пожалованного нам знамени. Эта священная хоругвь, под сенью которой станем мы теперь, должна, по существующим законам, прослужить в батальоне сто лет. Много будет новых молодых поколений, которые после нас будут служить под осенением ее, и только память о нас, участниках сегодняшнего торжества, останется в их воспоминаниях.

Покажем же им нашу честную, верною службою и исполнением нашего долга примеры, достойные русского солдата. Научим же их с благоговением и любовью смотреть на эту священную хоругвь, напоминающую нам Царя и отечество. Научим же их в борьбе с



врагами отечества не пожалеть своей жизни до последней капли крови за Царя православного и за Русь святую».

В день торжества командирами 95-го и 96-го резервных кадровых батальонов была послана военному министру телеграмма такого содержания:

«95-й и 96-й резервные пехотные батальоны, в день освящения и принятия Всемиловнейше пожалованных им знамен, просят ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувства беспредельной верноподданнической преданности и всегдашней готовности жертвовать жизнью за Царя и отечество. Полковник Соколов, полковник Миллер».

На эту телеграмму от военного министра был получен ответ такого содержания:

«Командиру 95-го пехотного резервного батальона.

Государь Император, по прочтении телеграммы вашей, Высочайше соизволил повелеть: поздравить батальоны с торжеством освящения знамен и благодарить [15] вас и всех чинов сих батальонов за верноподданнические чувства. Генерал-адъютант Ванновский».

По случаю этого торжества, приказано было устроить обед нижним чинам батальона по усиленному окладу и выдать на каждого по чарке водки; гг. же офицеры совместно с гг. офицерами 96-го пехотного резервного батальона, во главе с командирами батальонов, чествовали торжественный день за товарищеским завтраком.

В 1883 году, приказом по казанскому военному округу, 5-я рота батальона была командирована для отбытия общего лагерного сбора с 1-го по 30-е августа под г. Казанью, в составе 4-х офицеров, 7 унтер-офицеров, 2-х барабанщиков, 68 рядовых и 11 нестроевых.

В 1884 году, тем же приказом по округу, для отбывания общего лагерного сбора в г. Саратове, из г. Бузулука 15-го июля была отправлена 4-я рота, которая вернулась обратно 3-го сентября; 5-я же рота с 11-го июля по 7-е сентября, вместо 4-й роты, была командирована в г. Бузулук для несения караульной службы, а на следующий год была отправлена для содержания караулов в г. Инсаре, с 20-го июля по 20-е августа того же года. В том же году, Высочайшим приказом от 28-го июня за № 163, было установлено старшинство 95-го пехотного резервного батальона с 27-го сентября 1851 г. и утвержден 100-летний юбилей 27-го сентября 1951 года.

9-го марта 1886 года, Высочайшим приказом, командир батальона, полковник Соколов, был назначен командиром 44-го пехотного Камчатского полка, и таким же приказом от 16-го марта, командиром [16] батальона был назначен полковник Франц Иванович Домбровский, который вступил в командование 19-го мая того же года.

С 1-го по 30-е августа батальон, в составе четырех рот (1-й, 2-й, 3-й и 4-й), участвовал в общем подвижном сборе между Пензою и Кузнецком, в который выступил 27-го июля, и возвратился 6-го сентября.

С 1887 года, в виду формирования 6-й роты, штат батальона начал постепенно увеличиваться; так, в 1888 году к штату было добавлено: 1 младший штаб-офицер в чине подполковника, 2 капитана и 4 младших офицера, в 1890 году добавлено еще 2 капитана и 1 подпоручик. Таким образом, в 1891 году штат батальона образовался следующий: гг. офицеров 52, классных чиновников 3, строевых нижних чинов 585, вольноопределяющихся 6 и нестроевых 36. Согласно приказа по округу, в 1888 году роты, стоявшие в отделе по

уездным городам Самарской губернии, возвратились в г. Самару: 22-го сентября возвратилась из г. Ставрополя 1-я рота, 4-го октября - из г. Бугульмы 2-я рота и 17-го октября - из г. Бузулука 4-я рота и из г. Бугуруслана 3-я рота. С этого времени батальон в полном составе занял постоянную стоянку в г. Самаре.

В 1889 и 1890 годах батальон в четырехротном составе (2-й, 3-й, 4-й и 5-й роты) участвовал ежегодно, с 1-го по 30-е августа, в общих подвижных сборах: в первый раз под г. Саратовом, а во второй - между Кузнецком и Саратовом.

Высочайшим приказом 1891 года от 25-го марта, 95-й пехотный резервный батальон (кадровый) переименован в 300 Бузулукский резервный батальон, [17] вследствие чего, приказом по военному ведомству от 28-го мая того же года, была изменена шифровка на погонах и на околышах нижних чинов, вместо 95 Р на: 300. При мобилизации из батальона развертываются 2 полка: полк 1-й очереди - 300-й Бузулукский и 2-й очереди - 301-й Бугульминский.

Приказом по военному ведомству от 29-го марта того же года, в виду увеличенного штата чинов батальона, была сформирована 6-я рота, которая 8-го декабря 1892 была переименована в 3-ю роту, а 3-я еще 15-го сентября того же года была выделена на формирование 192 пехотного резервного Дрогичинского полка. 22-го июля 1892 года, Высочайшим приказом, командир батальона, полковник Домбровский П, был назначен командиром 139-го пехотного Моршанского полка, а вместо него, этим же приказом, назначен полковник Василий Николаевич Прокопович.

В 1893 году, 26-го ноября, 4-я рота, в составе 3-х обер-офицеров и 64 нижних чинов, была командирована в село Сороку, Самарской губернии, Бузулукского уезда, для содействия гражданским властям по выселению крестьян Тамбовской и Орловской губерний, самовольно поселившихся на земле купчихи Протасовой.

До 1894 года батальон входил в состав 20-й местной бригады, 30-го же сентября этого года он вошел в состав 50-й пехотной резервной бригады и подчинился в прямом отношении начальнику бригады, генерал-майору Иванову. Штаб бригады г. Пенза. 50-я пехотная резервная бригада в это время была в 3-х-батальонном составе, а имену: Оровайского, Мокшанского и Бузулукского. В 1896 [18] году из каждого батальона было выделено по одной роте на формирование четвертого батальона - Инсарского в г. Пензе. Из Бузулукского батальона была выделена 2-я рота, в составе 82 нижних чинов и 5 обер-офицеров, и отправлена 22-го декабря. В конце 1896 года, вследствие народных волнений, возникших при всеобщей российской переписи, батальон выступил в г. Бугульму, в помощь гражданским властям, откуда возвратился 15-го января 1897 года. Взамен выделенной 2-й роты на формирование Инсарского батальона, 6-я рота была переименована во 2-ю, так что батальон опять стал пятиротного состава. В 1897 и 1898 г.г. батальон ежегодно участвовал в общих подвижных сборах под г. Пензой. В 1899 году, на основании приказа по военному ведомству 26-го мая, номера бригады и батальона были изменены: бригада перенумерована в 54-й, а батальон в 215-й; соответственно этому и шифровка была изменена на околышах нижних чинов, вместо шифровки 300 на: 215, а на погонах номер бригады. при мобилизации полк второй очереди изменил также нумерацию, вместо № 301-го на: № 283, и назывался Бугульминский. В это же время была прислана новая скоба на знамя с надписью. « Н. I. Самарский внутренний гарнизонный батальон. 1899 г. 215-го Бузулукского резервного

батальона». В июне месяце, 1-го числа, 3-я и 4-я роты батальона были командированы в ставропольский уезд, самарской губернии, в помощь гражданским властям, для выселения крестьян, занявших самовольно землю, принадлежавшую графу Орлову-Давыдову, откуда возвратились 12-го июля. 15 -го августа батальон, в четырехротном составе, выступил в подвижной сбор между гг. Самарой и [19] Симбирском и возвратился 27-го августа. В 1900 году, 27-марта, командир батальона, полковник Прокопович, произведен в генерал-майоры и уволен в отставку, а командиром батальона, Высочайшим приказом от 4-го августа, назначен полковник Павел Николаевич Малюженко, который вступил в командование с 8-го сентября. На долю этого командира выпало формировать резервный полк двухбатальонного состава.

## **II. Мобилизация.**

1-го июня 1904 года, по Высочайшему приказу, была объявлена мобилизация 54-й пехотной резервной бригады, развертываемой в пехотную того же номера дивизию, в составе четырех полков четырехбатальонного состава, при чем 1-й батальон 215-го пехотного резервного Бузулукского полка должен был составить кадр 215-го пехотного Бузулукского полка, а 2-й батальон - кадр 283-го пехотного Бугульминского полка, предназначенного в состав 71-й пехотной дивизии.

1-го июня, в 5 часов утра, полк, стоявший лагерем невдалеке от г. Самары, со всем своим имуществом выступил в город, где для расквартирования новых частей были уже отведены: большинство училищных зданий, некоторые казенные учреждения, дома заводчиков, несколько частных домов, а для офицеров - имевшиеся в городе гостиницы и номера. Однако, отведенных квартир оказалось недостаточно, в виду чего городская [20] управа немедленно приступила к постройке на Полицейской улице, у высокого берега г. Самары, двух деревянных барачков, на 1.000 человек каждый.

С объявлением мобилизации мирная жизнь города оживилась. Уже на следующий день, 2-го июня, прибыла первая партия запасных нижних чинов самарского уезда в числе 383 человек и была тотчас же разбита по-ротно, а затем 3-го июня прибыли запасные нижние чины ставропольского уезда в числе 527 человек (следовало 534) и самарского уезда - 412 человек (следовало 473). В последующие дни одна за другой прибывали все новые и новые партии запасных: 4-го июня - 491 человек самарского уезда (следовало 507), и ставропольского уезда - 534, 5-го июня - 349 человек самарского уезда и 185 человек сенгилеевского уезда, 6-го июня - 299 человек сенгилеевского уезда (следовало 300), 7-го июня - 449 человек сенгилеевского уезда (следовало 450) и, наконец, 8-го июня последняя партия сенгилеевского уезда в 629 человек (следовало 634).

Все партии прибывали своевременно, согласно маршрута, за исключением партии ставропольского уезда, которая опоздала на одни сутки. Количество людей в партиях не сходилось с составленной мобилизационной ведомостью всего на несколько человек, которые прибывали одиночным порядком, оправдываясь опозданием к отправлению парохода, или же болезнью.

Выдача запасным нижним чинам мундирной одежды и снаряжения была закончена 4-го июня, а оружия и принадлежностей к нему на 5-й день мобилизации, к каковому времени был сформирован и обоз полка. [21]

Насколько успешно шло укомплектование полка людьми, настолько скверно

пополнялся конский состав. Последняя партия лошадей, вместо того, чтобы быть доставленной, согласно присланного маршрута, на 5-й день мобилизации, прибыла только на 9-й. Со слов командированного для приема лошадей офицера, выяснилось, что в городе не было даже составлено описи лошадям, подлежащим учету воинской повинности, так что опись эту предварительно пришлось составлять особой комиссии. а это сильно тормозило принятие лошадей, и неудивительно, что отправка их в полки замедлялась. Несмотря на встретившиеся затруднения, мобилизация полка была закончена 13-го июня, с прибытием дополнительной партии запасных самарского уезда в числе 55 человек. и полк был готов к походу, но, по некоторым соображениям, выступление в поход всей дивизии было отложено. Тем временем в полку производились строевые занятия и проходил курс стрельбы. Нечего и говорить, что занятия с запасными нижними чинами сравнительно далеких сроков службы, начиная с 1887 года, совершенно отвыкших от дисциплины и позабывших все то, чему их раньше учили, являлись более, чем необходимыми. Ведь в этой громадной, четырехтысячной толпе, собравшейся из различных углов самарской губернии, одетой и обутой весьма разнообразно, от щегольского платья и лакированных сапог или ботинок горожанина до лохмотьев и лаптей бедного мужика, были прямо старики, сгорбленные и неуклюжие, обремененные большими семьями и производившие, конечно, впечатление не солдат, а мирных граждан почтенного возраста, [22] ничего общего не имеющих с военной службой. С немалым трудом удалось в течение трех слишком недель приучить утих людей сколько-нибудь к строю, к дисциплине и дать им воинскую выправку при крайне неблагоприятных к тому обстоятельствах комплектования состава офицеров полка, прибывших со всех концов России, незнакомых друг другу, с различными взглядами и своеобразными характерами и, естественно, взаимно не сплоченных и совершенно не знавших чуждых им солдат-самарцев.

В дополнение всего, и командир полка, полковник Малюженко, назначенный на новую должность Высочайшим приказом от 1-го июня, представлял из себя больного, полуслепого человека, очень доверчивого и слишком доброго, чтобы взять в руки вновь сформированную часть.

Плохо ли, хорошо ли, а строевые занятия с запасными нижними чинами велись ежедневно и наряду с ними прилагалась забота о надлежащей постановке пищевого довольствия, а также и о санитарном надзоре в развернутой части. Горячая пища и хлеб собственной выпечки выдавались ежедневно в установленном количестве. Во избежание же распространения заразных болезней, принесенных запасными, как-то: чесотка, трахома и венерические болезни, общими усилиями полковых врачей производилась немедленная изоляция больных, отправляемых, тотчас же по обнаружении болезни, в местный лазарет, а вещи их тщательно дезинфицировались. Всем запасным была привита предохранительная оспа, давшая около 10-12 процентов успешных прививок. [23]

Число оставленных больных в лечебных заведениях перед выступлением полка в поход выразилось: 1 офицер, 86 нижних чинов и 181 слабосильных нижних чинов было передано самарскому уездному воинскому начальнику. Кроме того, с 1-го июня по 2-е июля уволено из полка за неспособность 78 нижних чинов и 5 нижних чинов получили годовой отпуск по болезни.

Касаюсь самой постановки санитарной и медицинской частей в полку перед выступлением в поход, следует заметить, что они имели довольно существенные недочеты. Во-первых, санитарный обоз не был снабжен приспособлениями Яковлева, которые получились только дорогой и были выданы на стоянке под Мукденом, у деревни Тяхэ.

Медицинское снабжение состояло из хирургических инструментов старого образца 1876 года, а врачебных сумок с их содержимым не было прислано вовсе.

Фляги фельдшерские и санитарные стеклянные, а не алюминиевые, оказались очень непрактичными в походе и частью побились в дороге, частью полопались во время морозов. Все эти недочеты, представлявшиеся на первый взгляд ничтожными, имели очень большое значение в боях, где недостаток в том или другом предмете до крайней степени осложнял медицинскую деятельность...

29-го июня в приказе по самарскому гарнизону за № 95 объявлялось:

«1-го июля назначен Высочайший смотр войскам 5-го Сибирского корпуса и горным восточно-сибирским батареям, отправляющимся на Дальний Восток. 215-му Бузулукскому, 283-му Бугульминскому полкам [24] и горным батареям построиться на Вокзальной площади, фронтом к вокзалу, позади обозы названных полков. Упомянутым частям войск прибыть на площадь в 10 1/3 часов утра и встать по линиям, обозначенным линейными. Форма одежды походная, с полным снаряжением, в мундирах и орденах». К этому времени мобилизованный полк состоял из 56 штаб и обер-офицеров, священника, 5 врачей, 2 классных чиновников и 3.840 нижних чинов.

### **Ш.**

#### **Высочайший смотр.**

1-е июля для города Самары было торжественным и радостным днем. Город и железнодорожная станция разукрасились флагами, обвились зеленью и цветами и в этом пышном, праздничном наряде ждали прибытия Высокого Гостя.

День стоял ясный и жаркий. Ослепительные лучи солнца весело переливались в прозрачно-голубом небе и золотым блеском заливали красавицу Волгу и дома, и улицы громадного города, и безграничное нарядное море народа, с раннего утра запрудившего Вокзальную площадь и прилегающие к ней кварталы.

На лицах у всех сияла счастливая улыбка, и душой овладевало необыкновенно отрадное, трепетное чувство, объединившее и одинаково взволновавшее всех. Русский народ желал видеть у себя своего Царя, принять Его и излить свою сердечную любовь и привязанность к Нему.

В 10 1/3 часов утра Бузулукский и Бугульминский полки построились на Вокзальной площади, лицом [25] к вокзалу. В 11 часов утра показался Царский поезд. Взоры всех присутствовавших устремились в одно место. Наступила полнейшая тишина, и казалось, что все замерло. Но вот где то там, у вокзала, раздалось «ура», всколыхнуло толпу и, как вешний гром, раскатилось оно по всему городу и не стихло, а все более и более росло и гремело, неудержимо вырываясь из глубины груди десятков тысяч русских людей.

На великолепной гнедой лошади, в сопровождении Государя Наследника Михаила Александровича, Великого Князя Сергея Михайловича и блестящей свиты, появился Государь на Вокзальной площади, здороваясь, объехал фронт полков и встал у царской палатки. Пропустив войска церемониальным маршем по-батальонно, Его Величество подъехал к Бузулукскому полку. Все офицеры полка были вызваны перед серединою его. Государь благодарил за смотр и благословил полк в поход на Дальний Восток прекрасной иконой святителя Николая, архиепископа, мирликийского Чудотворца, осчастливив следующими милостивыми словами:

«От лица Государыни Императрицы и Своего благословляю вас, братцы, сею иконою, надеясь, что вы так же храбро и мужественно отразите сильного и коварного врага, как в

старину геройски дрались ваши деды и отцы. Уверен, что вы поддержите славу и историческую честь русского оружия и до конца исполните свой воинский долг, не щадя живота своего до последней капли крови, когда судит вам Бог встретиться лицом к лицу с врагом. Желаю вам всем успеха и счастливого возвращения домой». [26]

Напутственное благословение Державного Вождя полк выслушал коленопреклоненно, среди благоговейной тишины.

В эту великую по своему смыслу минуту все от мала до велика, войска и народ, прониклись неподдельной горячей любовью к родному Царю-батюшке, в ясных глазах которого можно было заметить грусть и страдание за дорогой его сердцу народ, с готовностью отдававший своих лучших сынов на служение родине в предстоявшей трудной и опасной борьбе с врагом.

Государь Император, благословив полк, передал икону командиру полка, а от сего последнего принял Царское благословение полковой священник.

Затем Государь объехал ряды полка, милостиво выражая благодарность за молодецкий вид и отличную строевую выправку.

После смотра, войска встали шпалерами по Москательной улице, по которой Его Величество отбыл и городской собор, оттуда к памятнику Императора Александра II и, наконец, обратно на вокзал, при несмолкаемых кликах «ура».

Посещение обожаемым Монархом города Самары и милостивая, прочувствованная речь его оставили навсегда в сердцах войск и народа светлое и святое воспоминание, а икона, коей благословлен полк, отныне стала для него великой святыней. [27]

#### **IV.**

##### **Проводы.**

2-го июля граждане города Самары, в лице своих представителей - городского головы и гласных думы, чествовали полк поднесением ему в благословение на поход художественной работы иконы святителя Алексия, митрополита московского, патрона города Самары. Чествование началось молебном перед фронтом полка, отслуженным епископом самарским. По окончании молебна, преосвященный принял из рук самарских граждан икону святителя Алексия и, произнеся напутственное слово, благословил его командира и весь полк. Еще ранее, а именно 1-го мая, прибыли в Самару, во главе с городским головой, члены управы города Бузулука, привезшие с собой в благословение своему родному полку от граждан города прекрасную икону-складень, высоко художественной работы, с изображением посередине смоленской Божией Матери, по правую сторону - святой равноапостольной Марии Магдалины, по левую - святого Архистратига Михаила. С благословения епископа самарского, икона была встречена полковым священником с крестным ходом из гарнизонной церкви на вокзал и обратно, в сопровождении всего полка со знаменем. Сии иконы, поднесенные в знак особенного расположения местного населения к полку и в воздаяние оказанных им услуг в течение пятидесятилетнего квартирования в городе Самаре, были взяты в поход, а Царское благословение, икона святителя Николая, сопутствовала [28] полку не только в походах, но и в боях, носимая знаменщиком на груди.

4-го июля, с 6 часов утра, полк начал по-эшелонно выступать из города Самары для следования по железной дороге в Маньчжурию. Весь этот день вокзал и улицы, по которым проходили войска, были усеяны народом. Лучшие пожелания неслись уходившему в неведомую, далекую страну полку.

Глубокое горе близких людей смешивалось здесь с радостной надеждой на счастливое будущее, на успех полка в грядущих боях, на славную победу над коварным врагом.

Но вот часть полка поместилась в вагоны длинного поезда. Осталось всего несколько минут до отправления.

Наступила трогательная минута расставания.

Густая толпа публики осадила поезд. Сюда собрались представители всех классов общества, без различия положений и возраста, ибо почти у каждого было дорогое существо, покидающее, быть может, навсегда родную губернию, родной город, родную семью.

Торопливые рукопожатия, горячие прощальные поцелуи отцов и детей, матерей, жен, - и поезд, дрогнув, медленно покатился вперед, сопровождаемый сплошным гулом народа. Кучи людей, обливаясь слезами, бросились вслед за убежавшими вагонами, протягивая к ниш дрожащие руки и точно стараясь задержать их.

- Папа, милый, не уезжай, возьми нас с собой! - раздались голоса детей, и крепившиеся до сих пор воины не сдержали душивших их слез и разрыдались. [29]

Огромная пропасть отделила вдруг этот живой поезд от покидаемой родины, и все почувствовали ужас происшедшего разрыва...

Последний эшелон полка выступил из города Самары 6-го июля, в 2 часа 29 минут дня.

## V.

### В пути.

Шесть воинских поездов, перевозивших полк со всеми его обозами из Самары в Манчжурию, шли друг за другом, делая суточные перегоны в среднем от 170 до 200 верст, при небольших сравнительно остановках на станциях. Офицеры ехали в особом на каждый поезд вагоне второго класса; нижние чины были размещены в товарных вагонах, специально приспособленных для перевозки войск. В вагонах были устроены двухрядные досчатые, в виде нар, полки для отдыха, на которых люди спали. Там, где происходили более продолжительные остановки поездов, с нижними чинами велись строевые ученья и гимнастические занятия. Пища, заказываемая в пути на продовольственных пунктах, отличалась большей частью свежестью и обилием. Со дня выступления в поход нижним чинам выдавался чай и сахар, кипятком же можно было получать почти на всякой станции бесплатно.

Стоявшая все время прекрасная погода, теплый и чистый воздух, напоенный ароматом роскошных сибирских и маньчжурских степей, вселяли в людях бодрость, здоровье и силы. [30]

Заболееваемость за всю дорогу была очень незначительна. В лечебные заведения пришлось отправить: из 68 нижних чинов, заболевших перемежной лихорадкой, 7 человек, из 67 случаев острых заболеваний кишечника - 4 человек, с прочими заболеваниями (ревматизм, ангина, ушные болезни и друг.) - 28 человек, с сифилитическими заболеваниями - 29 человек, венериков - 41 человек и с механическими повреждениями - 2 человек.

Подойдя к железнодорожной станции Байкал, на берегу озера Байкала, эшелоны были пересажены частью на ледокол «Байкал», частью на пароход «Ангару» и перевезены по озеру, на протяжении сорока верст, на другой берег, к станции Мысовой, откуда по железной дороге отправились дальше. Во время переезда по озеру от качки у некоторых нижних чинов наблюдались головокружение, тошнота и рвота, а у одного нижнего чина головокружение

дошло даже до упадка деятельности сердца, однако, по перевозке на сушу, он быстро оправился.

2-го августа, в 12 часов дня, первый эшелон полка (1-й батальон) прибыл на станцию Мукден, конечный пункт движения по железной дороге, проехав от Самары 6.609 верст в течение 29 дней. Тотчас же приступили к выгрузке эшелона, по окончании которой, в 3 часа дня, батальон, не дожидаясь прихода остальных эшелонов полка, походным порядком двинулся к деревне Тяхэ, отстоявшей от Мукдена в 7 верстах.

Проселочная дорога, ведущая к деревне, вследствие сильного дождя и глинистой почвы, сделалась очень трудной для движения, особенно для обоза, в виду чего последний, несмотря на короткий переход, [31] отстал. Люди едва шли, глубоко завязая в густой, растворенной дождем глине, облеплявшей сапог до того, что нога становилась невозможно тяжелой. Повозки буквально тонули в грязи, и лошади не в силах были тащить их. И только после долгих стараний, общими усилиями людей и лошадей, удалось доставить обоз в деревню Тяхэ. Сюда батальон пришел в 6 часов вечера и расположился биваком в тенистой роще, на опушке деревни.

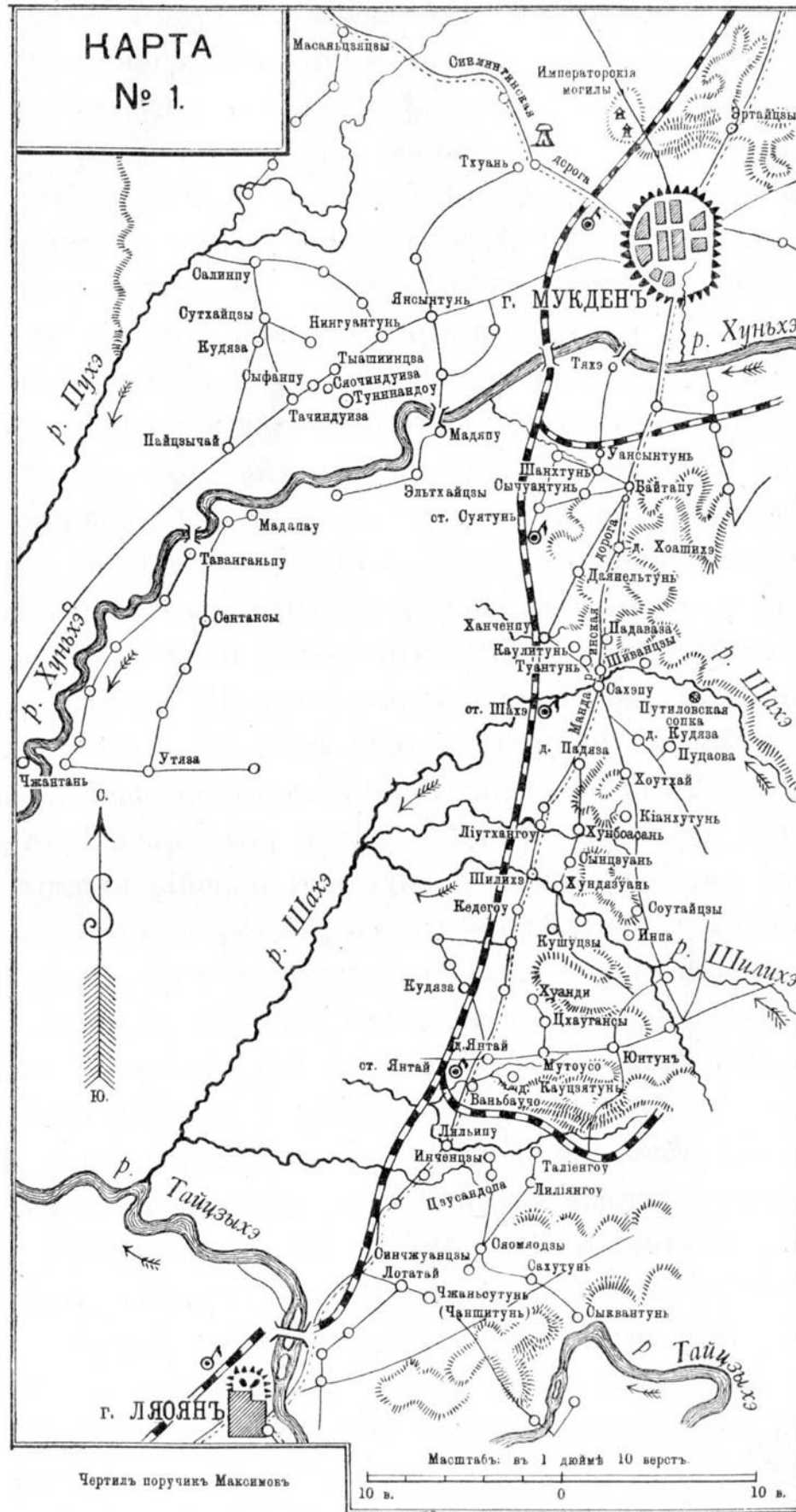
## **VI.**

### **Тяхэ - Янтай.**

3-го августа боевым порядком прибыли со станции Мукден и остальные эшелоны и встали биваком недалеко от 1-го батальона, среди цветущих гаоляновых полей. Для нижних чинов и офицеров были разбиты походные палатки с подстилкой снизу циновок или просто жестких стеблей гаоляна.

Из-за невылазно грязных дорог, размываемых ежедневно проливными дождями, доставка продовольственных продуктов производилась весьма неаккуратно, и потому пищевое довольствие полка первое время было поставлено плохо. Ощущался недостаток то в мясе, то в хлебе, - приходилось нередко прибегать к сухарям. Плохая пища, скверные гигиенические и санитарные условия, грязная питьевая вода вызывали многочисленные острые заболевания кишечника, выразившиеся в коликах, рвоте, поносе, иногда кровавом, но в большинстве случаев болезни эти скоро и бесследно проходили после нескольких приемов опийной настойки. [32]





За две недели, с 1-го по 16-е августа, было 602 таких заболеваний кишечника, из которых 59 человек потребовалось отправить в лечебные заведения. Затем заболеваемость быстро уменьшилась, так что в следующую неделю заболело 50 человек, причем из них никого не понадобилось отправить в лечебные заведения.

С 5-го августа, приказом по 54-й пехотной дивизии, полк вошел в состав Мукденского отряда, назначенного для прикрытия пяти мостовых переправ через реку Хуньхэ, у города Мукдена.

Командование отрядом принял начальник дивизии, генерал-майор Орлов.

По полученной 4-го августа диспозиции Мукденскому отряду, полк с четырьмя батареями 72-й артиллерийской бригады назначался, на случай тревоги, в боевую часть и должен был оборонять участок от форта № 3 вправо до берега реки Хуньхэ, занимая форты №№ 3-й, 4-й, 5-й и все укрепления, редут и окопы вправо от форта № 3 до реки. Командовать боевую часть был назначен командир 2-й бригады 54-й пехотной дивизии, генерал-майор Фомин.

Никакой тревоги не было, но тем не менее полк все время держал себя настороже.

С 7-го августа в сторожевое охранение от полков, по очереди, стал назначаться батальон, занимавший линию ветки от Китайской Восточной железной дороги на Фушунские копи. Кроме того, от полка высылалась рота для охраны железнодорожного моста через реку Хуньхэ.

Приказом по 54-й пехотной дивизии от 7-го августа, общее начальство над бивачным расположением [33] полка было поручено командиру 26-й артиллерийской бригады, генерал-майору Алиеву.

Тяжелые дни настали для полка. Не говоря уже об изнурительности сторожевой службы, люди страдали от дурной, дождливой погоды, от непривычного климата, от плохого питания, по целым дням, вдобавок, расходуя свободные от службы часы на вырубку гаоляна впереди укреплений.

Такие условия походной жизни не могли, конечно, не отразиться на состоянии духа офицеров и солдат, тем более, что, как сказано выше, появилось много желудочных заболеваний, отчего численный состав заметно ослаблялся. До 14-го августа полк простоял на одном и том же месте, пока не получилось приказание по дивизии о переходе к деревне Шахэ, севернее Сахэпу. Полк назначался в авангард, под начальством генерал-майора Фомина. Правая колонна (генерал-майор Алиев) состояла из 216-го пехотного Инсарского полка и 24-х полевых орудий 26-й артиллерийской бригады, а левая колонна (генерал-майор Петеров) - из 214-го пехотного Мокшанского полка. От Бузулукского полка, как авангарда, был выслан вперед головной отряд, в составе первого батальона, который, в свою очередь, выслал походную заставу и дозоры.

Согласно приказу по дивизии, полк выступил в 11 часов утра 14-го августа и следовал через деревни Уансынтунь - Шанхтунь - Сычуаньтунь - Даянелтунь - Каулитунь - Туаньтунь - Сахэпу, совершив переход в 18 верст с большим привалом у деревни Даянелтунь. Обоз шел вслед за полком, и для прикрытия его была назначена 13-я рота, [34] следовавшая сзади него. Охотничья команда находилась во главе 2-го батальона.

Движение сильно затруднялось невылазной грязью, так как накануне прошел большой дождь, и полк прибыл на бивак уже по наступлении темноты, а обозы, заночевав в дороге, подъехали лишь на другой день. По прибытии на бивак, по распоряжению начальника дивизии, были высланы 6-я и 16-я роты для занятия предмостных укреплений на реке Хуньхэ, а сторожевую линию бивака занял 3-й батальон, сменившийся вскоре батальоном Инсарского полка. Вообще, сторожевое охранение несли поочередно Бузулукский и Инсарский полки.

На биваке у деревни Сахэпу полк простоял четыре дня.

17-го августа, вечером, получился приказ начальника дивизии, за № 4, следующего содержания:

«Деревня Шахэ (Северное), 17-го августа 1904 года, 8 часов вечера.

Наша армия в бою под Ляояном с обеими японскими армиями.

Командующий армией приказал частям вверенной мне дивизии перейти к станции Янтай.

Для чего:

I. Авангард: г.-м. Фомин.

I. Выступить завтра, 18-го августа, в 4 часа утра, и следовать Мандаринской дорогой на деревни Падяза - Лиутхангоу - Шилихэ - Кедегоу - Янтай. Большой привал у дер. Кедегоу до 12 часов дня. Ночлег у ст. Янтай.

215-й п. Бузулукский п. . . . 3 батал.

Всего . . 3 батал.

[35]

II. Главные силы: г.-м. Алиев.

II. Выступить завтра, 18-го августа, в 5 часов утра, и следовать тою же Мандаринской дорогой. Большой привал, пройдя речку, у деревни Шилихэ. Ночлег у ст. Янтай.

216-й и. Инсарский п. . . . 3 батал.

26-й артиллер. бригады . . . 16 п. ор.

Всего . . . . . 3 батал.

16 п. ор.

III. Охранение. Для охранения левого фланга движения выслать обе охотничьи команды в направлении деревень: Хоутай, Кианхутунь, Хунбоасань, Синзуань, Хундязуань, Кушуинцзы, Цхаугансы, Мутоусо. Охотничьим командам выступить одновременно с авангардом и двигаться: команде Бузулукского полка - на высоте авангарда, команде Инсарского полка - на восток от главных сил; обеим поддерживать связь с колоннами.

IV. Обозам первого разряда с походными кухнями следовать в хвосте своих частей; кухням на походе варить обед.

V. Обозам 2-го разряда выступить в 6 часов утра и следовать за главными силами. В прикрытии назначается по две роты от каждого из полков, под общим начальством штаб-офицера от Бузулукского полка, коему подчиняются и все обозы 2-го разряда.

VI. Дивизионному лазарету выступить в 9 часов утра и перейти к Шилихэ. [36]

VII. Дивизионный обоз, 72-я артиллерийская летучая парковая бригада, полевые подвижные госпитали №№ 103 и 104 остаются у Мукдена.

VIII, Я буду при главных силах, куда и присылать донесения.

IX. Заместители: г.-м. Алиев, г.-м. Фомин.

X. Сторожевому охранению, при подходе к нему авангарда, собраться на линии застав к Мандаринской дороге и присоединиться к колонне главных сил.

Командующий дивизией, г.-м. Орлов,

Начальник штаба, генерального штаба  
подполковник Глобачев».

В 5 часов утра, 18-го августа, полк двинулся по Мандаринской дороге, превратившейся от дождей в сплошное топкое болото, и к месту нового бивака прибыл в 4 часа дня, сделав переход в 25 верст. Тотчас же людей накормили горячей пищей и дали им некоторый отдых, за исключением 1-й и 4-й рот, назначенных в сторожевое охранение. Поздно вечером получился приказ начальника дивизии за № 5, которым предписывалось:

«Деревня Янтай, 18-го августа 1904 года, 8 час, 50 мин. вечера.

Наша армия в бою под Ляояном с обеими японскими армиями.

Для обеспечения левого фланга позиции 17-го корпуса частям вверенной мне дивизии завтра, 19-го августа, перейти к деревне Чжансутунь (Чаншитунь).

[37]

Для чего:

I. Авангард: г.-м. Фомин.

216-го п. Инсарского п...3 1/2 бат.

Выступить в 4 часа утра и следовать через деревни Ваньбаучо - Инченцзы - Цзусандопа - Сяомяоцзы - Синчжуанцзы к деревне Чаншитунь.

1-го Аргунского каз. п. ...2 сотни.

Всего 3 1/2 бат.

2 сотни.

II. Главные силы: г.-м. Алиев.

215-го п. Бузулукского п. . 3 1/2 бат.

Выступить в 5 часов утра и следовать тою же дорогою к деревне Чаншитунь.

26 арт. Бригады.....16 п. ор.

Всего 3 1/2 бат.

16 п. ор.

III. Охранение. Для обеспечения левого фланга начальнику авангарда выслать 1/2 сотни казаков в направлении на деревни Кауцзятунь - Талиенгоу - Лилиянгоу - Таухуатунь.

IV. Обозам 2-го разряда, под общим начальством 215-го пехотного Бузулукского полка подполковника Лисичкина, имея в прикрытии по 40 человек слабосильных от каждого полка, оставаться на месте бивака 216-го пехотного Инсарского полка, у деревни Янтай. [38]

V. Дивизионному лазарету перейти к дер. Сяомяоцзы.

VI. Заместители: г.-м. Алиев и г.-м. Фомин.

VII. Я буду находиться при главных силах, куда и присылать донесения.

Командующий дивизией, г.-м. Орлов.

Начальник штаба, подполковник Глобачев».

Кое-как переночевав на размытом поле, под проливным дождем, полк 19-го августа, в 5 часов утра, после завтрака, вместе с артиллерией, под начальством г.-м. Алиева, в качестве главных сил, выступил с бивака под дер. Янтай и направился по линии ветки железной дороги на копи Янтай, куда, как сообщали разведчики, двигались уже и японцы. 1-я и 4-я роты, находившиеся в сторожевом охранении, присоединились к полку на линии железной

дороги, у деревни Танченцы. 5-я и 14-я роты выделились в прикрытие к артиллерии и на их долю выпала нелегкая задача. Орудия и зарядные ящики вязли в грязи, лошади выбивались из сил, то и дело останавливаясь и отказываясь идти дальше. Нижние чины 5-й и 14-й рот сделали все возможное, чтобы выручить беспомощную артиллерию: они тащили вместе с изнуренными лошадьми орудия, несли на себе с утра до вечера артиллерийские снаряды, пока батареи не добрались до своих позиций.

Сколько чрезмерного, невероятного труда было положено здесь голодными, мокрыми, замученными людьми!

В 4 часа пополудни полк, в составе 3 1/2 батальонов, встал биваком у каменноугольных копей [39] Янтай, откуда тотчас же выступили 7-я и 8-я роты на позицию, для смены рот Сретенского сибирского полка.

Около 7 часов вечера, по приказанию начальника отряда, г.-м. Орлова, полк перешел ближе к намеченной для боя позиции.

В сторожевое охранение были посланы 13-я, 14-я, 15-я и 5-я роты.

Около 12 часов ночи получилось приказание выступить 20-го августа, в 4 часа утра, и атаковать четырехголовую сопку: 215-му пехотному Бузулукскому полку с правой стороны, 216-му пехотному Инсарскому полку с левой (диспозиция Янтайскому отряду № 6<sup>1</sup>).

Ночь прошла тревожно. Нервы у всех были напряжены. Кое - где слышались ружейные выстрелы, глухие и таинственные в ночной темноте.

Люди не спали: одни молились, готовились к первому боевому крещению, другие тихо беседовали, вспоминали родную Россию, свои семьи, друзей и не то со страхом, не то с любопытством заглядывали в сокрытую тайну завтрашнего дня: что-то он скажет?

## **VII.**

### **Янтайский бой.**

Свежая, тихая ночь, тревожная и томительная, близилась к концу.

Звезды потухали.

Синее небо и окружающая мгла серели, принимая белесоватый оттенок. [40]

Мало-помалу прояснялся восток, и вскоре вдали, на бледно-голубом горизонте, всплыло величественное, яркое солнце, брызнув потоком живительных, сияющих лучей.

Впереди и слева, причудливо группируясь, виднелась цепь зеленых сопков с рельефными очертаниями, обведенными дымчатой полосой утреннего тумана.

Справа, на необозримое пространство, расстилалась волнообразная равнина, поросшая густым и высоким лесом гаоляна. с едва заметными полосками низкорослой чумизы, бобов, мака, картофеля.

Там и сям, из гущи гаоляновых полей, выглядывали темно-синие кудри небольших берестовых рощиц, - признак китайских деревушек.

Солнце медленно поднималось по чистому и широкому небу.

День обещал быть погожим.

Бивак, затерянный в бесконечных сплошных зарослях гаоляна, закипел жизнью.

Еще до рассвета вчерашняя диспозиция за № 6, об атаке четырехголовой сопки, была отменена.

В 5 часов утра получилось приказание занять позицию влево от Инсарского полка и батальона Сретенского полка. Полк поспешно двинулся вперед и занял указанную позицию. Батальоны расположились в таком порядке: 1-й батальон по гребню сопки, имея 1-ю и 2-ю роты в боевой линии, 3-ю и 4-ю - в батальонном резерве; 2-й батальон влево от 1-го, имея

впереди 5-ю и 8-ю роты и 7-ю роту в своем резерве; 3-й батальон составил полковой резерв, к которому должны были подойти 13-я, 14-я и 15-я роты со сторожевого охранения. [41]

Этот памятный день решал участь ляоянского боя и именно здесь, у Янтайских копей.

Отряд, которым командовал генерал-майор Орлов, состоял из 215-го пехотного Бузулукского полка, 216-го пехотного Инсарского полка, 11-го пехотного Псковского полка, одного батальона Сретенского сибирского полка, 26-й артиллерийской бригады, нескольких казачьих сотен и горных орудий.

В сущности, задача отряда ограничивалась первоначально охранением левого фланга нашей армии, а затем, по прибытии 1-го Сибирского армейского корпуса, под начальством генерал-лейтенанта Штакельберга, отряд совместно с этим корпусом и при содействии соседних частей, должен был задержать начавшую обходить нас армию генерала Куроки и отбросить ее.

Само собой разумеется, что такая сложная операция не могла быть выполнена маленьким отрядом генерала Орлова без содействия 1-го корпуса, а потому отряду следовало воздержаться от каких бы то ни было самостоятельных действий против целой японской армии и насколько возможно бдительнее и осторожнее следить за всяким ее движением, не ввязываясь в серьезный бой до подхода корпуса генерала Штакельберга, прибытие которого было назначено ранее полудня 20-го августа.

Но генерал Орлов, движимый, вероятно, с одной стороны, желанием атаковать своими слабыми сравнительно силами японцев и тем отвлечь их от натиска на соседний 17-й корпус, нуждавшийся в посторонней помощи, с другой стороны, исполняя разноречивые приказания высших начальников, поступил иначе. Трудно, впрочем, сказать, какие побуждения [42] руководили в это время начальником отряда и какие цели он преследовал, так как никто из офицеров не был осведомлен относительно предстоявшего дела и даже, кажется, вместо отмененной диспозиции, повой дано не было, но все же, судя по ходу дела и по всем перипетиям боя, высказанное предположение будет правильным.

В 6 часов утра наши батареи открыли одиночный огонь по показавшемуся в различных местах из-за сопки противнику.

Японцы не отвечали, точно чего-то выжидая; очевидно, они не видели нашего, скрытого в складках местности передвижения. Но вот любопытство свежего, необстрелянного полка, впервые встретившегося со врагом, взяло верх над благоразумием. Офицеры и солдаты, один за другим, повывлазили на вершину сопки и вглядывались в зеленую, роковую даль. Японцам только этого и нужно было. Они сразу сообразили, что за гребнем сопки скрываются войска, и тотчас же направили сюда огонь своих батарей. Несколько шимоз и шрапнелей разорвалось далеко впереди полка. Неудача была большой. Это ободрило людей. В рядах слышались насмешки над промахами врага.

- Постой, мы еще тебе покажем! - грозили солдаты в сторону японцев.

- Вы замечены японцами! - прозвучал голос подъехавшего к полку командира бригады, генерала Фомина. - Отступайте на деревню!.. Позиция слишком выдается, продолжал он и сам повел полк на знакомую ему по предыдущей рекогносцировке позицию. [43]

Огибая с тыла артиллерию, полк зашел в гаолян и сбился с направления. Пришлось остановиться, при чем генерал Фомин лично поехал отыскивать дорогу, но в это время прискакал ординарец и передал приказание начальника отряда: полку принять вправо и двигаться на огонь противника.

Полковник Малюженко перестроил полк в боевой порядок, назначив 1-й и 3-й батальоны в боевую линию, а 5-ю, 7-ю и 8-ю роты в полковой резерв. Сюда же подошли 13-я,

14-я и 15-я роты со сторожевого охранения. Однако, 13-я и 14-я роты, по указанию старшего адъютанта штаба 54-й дивизии, капитана Щелокова, были немедленно посланы в прикрытие к батарее, отходившей со своей позиции, а 15-я рота присоединилась к 7-й роте, составив вместе с ней полковой резерв, под начальством командира 2-го батальона, подполковника Акацатова. В ту же минуту к командиру 3-го батальона, подполковнику Соколову, подъехал казачий унтер-офицерский разъезд и доложил, что впереди находятся наши. 3-й батальон смело двинулся вперед, рядом с ним 1-й батальон.

Чаща гаюляна поглотила рассыпавшиеся цепями роты, и все вдруг перемешалось, перепуталось. Люди не видели друг друга, не видели своих частей, своих начальников, а те подчиненных. Батальоны словно куда-то провалились, опутанные непроницаемой растительностью.

2-я рота, под командой штабс-капитана Беглюка, отбилась от 1-го батальона, потеряла его и пошла Бог весть куда. К счастью, натолкнулась она на случайно проезжавших генерала Фомина и полковника Малюженко. [44]

- Ваше превосходительство, от 1-го батальона отбился. Ради Бога, укажите, куда идти. Ничего не вижу, не знаю, - обратился штабс-капитан Беглюк к генералу.

- Я и сам ничего не знаю. Мы тоже ищем полк, - ответил Фомин.

- И я не знаю, - смущенно проговорил полковник Малюженко.

- Да вот что: нагоняйте 3-й батальон. Он вот там. Я послал его на поддержку Инсарскому полку, - добавил генерал и указал направление.

Вторая рота, спотыкаясь о борозды и прокладывая себе путь через густые ряды толстых, упругих стеблей гаюляна, кинулась разыскивать 3-й батальон и вскоре присоединилась к нему.

Отовсюду сыпались уже градом вражеские пули.

В воздухе, над головами, зловеще шипела и лопалась шрапнель.

Дико и разрушительно грохотала наша и японская артиллерия.

Полуденное солнце пекло невыносимо.

Голодные, изнуренные люди задыхались от жары, глотка пересыхала, язык прилипал к гортани. Из воспаленной груди офицеров вырывались хриплые команды.

Разгорался жестокий, упорный бой, страшный своими жертвами и печальный по стратегическим результатам.

Первые наши цепи с близкого расстояния были встречены убийственным огнем японцев, засевших в гаюляне и поджидавших нас. Цепи остановились и, в свою очередь, открыли дружный, усиленный огонь. Японцы прибегли к хитрости. Выбросив [45] белые флажки, местами с красными значками, они закричали по-русски:

- Не стреляйте, свои, свои!

Так как где то впереди, но где именно - неизвестно, находились Инсарский и Псковский полки, а связи с ними никакой не было, некоторые роты, введенные в заблуждение, прекратили было стрельбу, чем прекрасно воспользовались коварные японцы. быстро нанеся нам значительные потери.

Тем временем господствовавшая над местностью сопка, которую с утра занимала наша артиллерия, перешла в руки японцев и на ней взвился японский флаг.

Положение отряда становилось затруднительным. Прекрасно сознавал это и генерал-майор Орлов.

Около 12 часов дня он доносил генералу Штакельбергу:

«Наступаю на Сахетунь - Сыквантунь. Пока продвинуться далеко не могу. Развернулись на два фронта: на юг и на восток. Как только вы продвинетесь вперед, то я

пойду на вашем левом фланге».

Командир полка решил усилить боевую линию и выслал в подкрепление 1-му и 3-му батальонам 5-ю, 8-ю и 15-ю роты, оставив в полковом резерве только 7-ю роту со знаменем, под командой капитана Малахова.

Ободренные приливом новых сил, батальоны бурной волной хлынули на японцев, но были отбиты с большими потерями. Численный перевес и удобные позиции были на стороне противника.

За убылью офицеров, роты переходили из рук в руки и расстраивались. [46]

Командовавший 1-й ротой капитан Барановский был ранен в начале боя и оставил строй. Роту принял штабс-капитан Кутуков, и не успел он подать команды, как пуля пронизала ему челюсть, язык и выбила зубы. Его заменил поручик Шадрин, также получивший вскоре серьезную рану. Несмотря на тяжкие страдания, Шадрин продолжал командовать ротой до конца боя, пока его, совсем ослабевшего, не вынесли насильно из сферы огня, а рота, окруженная японцами, пробилась штыками. Большинство рот, во главе со своими доблестными офицерами, не щадя себя, выказывало редкие примеры мужества и храбрости. Их ничто не страшило, и они, преданные своему долгу, самоотверженно умирали за свою родину.

Близость японцев, искусно укрывавшихся за всякой естественной преградой, неоднократно вызывала полк на лихие атаки, которые, к сожалению, увенчаться успехом не могли. вследствие разрозненности рот, потерявших в гаоляне из виду одна другую. Кроме того, когда та или другая рота бросалась в атаку, японцы встречали ее залпами или пачками, а затем сами убегали, не принимая штыкового удара. Так случилось со всеми ротами, за исключением 8-й. Незабвенный командир ее, капитан Щерба, любимец солдат и офицеров, с криком «ура» бросился на японцев, выгнал их из гаоляна и только после этого отступил на прежнее место. То же самое, но в обратном порядке, проделали и японцы. Капитан Щерба вторично бросился в атаку. Японцы не сдвинулись с места, ошетинились, и первой жертвой атаки сделался Щерба, поднятый ими на штыки. Жалкие остатки роты, лишившись своего героя-командира, рассеялись. [47]

Не менее, чем 8-я рота, пострадала и 5-я рота, командуемая капитаном Чередеевым.

Когда рота рассыпалась в цепь, не дальше, как в 50-ти шагах от нее показались японцы. Капитан Чередеев, не долго думая, обнажил шашку и с криком «ура» кинулся в штыки. Японцы моментально исчезли, но потом вдруг появились с фланга роты и открыли продольный огонь. Несколько десятков солдат, пораженных пулями, свалились. Роте ничего не оставалось, как отступить, чтобы не быть отрезанной. Люди подались назад и залегли в бороздах. В это время капитан Щерба повел правее в атаку 8-ю роту и, поравнявшись с 5-й ротой, крикнул Чередееву:

- Пойдем вместе, помогите мне!

Капитан Чередеев ответил:

- Подождите, обстреляю позицию и пойдем.

И с этими словами встал на колени и с иконой в руках начал читать вслух молитвы.

С фланга снова показались японцы и обстреляли роту. Чередеев и несколько нижних чинов упали убитыми. Рота перешла в командование к младшему офицеру, штабс-капитану Барклаю, который почему-то нашел нужным покинуть с расстроенной ротой боевую линию.

В таком же положении, как и 5-я рота, очутились в начале боя 3-я, 4-я, 9-я, 10-я, 11-я и 15-я роты.



Командир 3-й роты, капитан Савицкий, бросившись с ротой в атаку, был убит. Роту принял штабс-капитан Ананьин, продолжавший отчаянно драться с японцами. Он был ранен, но роты не покидал и отступил лишь по приказанию. [48]

4-я рота в первые минуты боя потеряла своих офицеров.

Командир ее, капитан Барковский, и младший офицер, подпрапорщик Чаплыгин, один за другим были тяжело ранены и их вынесли с поля сражения, а рота осталась под командой фельдфебеля Кудинова.

Храбрый командир 9-й роты, капитан Львов, был ранен во время атаки двумя пулями сразу и упал. Впоследствии, перед концом боя, когда почти все роты отступили, два нижних чина, старший унтер-офицер 12-й роты Аким Повыдчиков и младший унтер-офицер 11-й роты Егор Чугункин, не взирая на близость неприятеля и адский огонь с его стороны, подошли к раненому капитану Львову и лежавшему вблизи него подполковнику Соколову, тоже тяжело раненому, осмотрели их раны, перевязали и предложили вынести их по очереди из-под огня. На это капитан Львов сказал:

- Братцы, оставьте меня, мне больно!

Действительно, рана была настолько серьезна и больной так сильно страдал, что герои решили не беспокоить его и покинули в гаоляне, а Соколова осторожно подняли и унесли. Командиру 11-й роты, капитану Стражевскому, пуля пробила навылет голову, после чего рота, никем не руководимая, смешалась с другими частями. Капитан Стражевский в страшных мучениях валялся на поле почти до конца боя. пока два нижних чина 12-й роты, старший унтер-офицер Ермаков и рядовой Кульков, под градом пуль, рискуя собственной жизнью, не оказали ему своей помощи. Они [49] бережно посадили его на ротную лошадь и доставили на перевязочный пункт.

Славные офицеры 15-й роты, штабс-капитан Ножин и подпоручик Аггеев, были убиты чуть ли не в одно и то же время. В командование вступил храбрый и распорядительный фельдфебель Маринцев, отлично руководивший ротой в течение всего боя. При отступлении роты фельдфебель Маринцев, совместно с нижними чинами своей роты, подобрал под учащенным неприятельским огнем раненого командира 1-го батальона, подполковника Хоментовского.

В самый разгар боя, у полкового резерва, где находились командир полка, полковник Малюженко, командир 7-й роты, капитан Малахов, и полковой адъютант, подпоручик Петров, неожиданно появился начальник штаба 1-го корпуса и объявил, что корпус уже приближается к Янтаю.

- Поезжайте в боевую линию и ободрите этим известием батальоны! - приказал начальник штаба подпоручику Петрову. Тот поехал, передал приказание и вернулся на прежнее место.

Здесь произошла горькая для русского сердца сцена.

Две или три роты одного из соседних полков, занимавшего позицию где то впереди, с фланга, в беспорядке врезались между резервом и боевой линией Бузулукского полка, уходя с поля сражения,

Зачем, куда они шли, - непонятно.

Капитан Малахов пробовал остановить их, но ни просьбы, ни угрозы не подействовали на обезумевших людей.

Между тем японцы громадными силами с фронта и с флангов ожесточенно напирали на поредевшие, изнуренные полки. [50]

Псковцы и Инсарцы пятились назад.

Бузулукский полк еще стойко, хотя и бесполезно держался. Генерал Фомин бодрил солдат своим присутствием в боевой линии и личной отвагой.

Полковой резерв подвергался обстрелу и опасности с фланга.

Здесь были уже раненые.

Подпоручик Петров упал с лошади, пораженный пулей в лопатку. Вслед за ним убило и его лошадь.

Невдалеке, из-под сильного огня, несли раненого генерала Фомина. Рядовой 4-й роты Тихон Литовченко самоотверженно спасал героя генерала, напрягая все силы, чтобы вынести его в безопасное место, за что получил из рук Фомина его собственную шашку на память.

2-й батальон, так славно отстаивавший честь полка, потерял своего командира, подполковника Акацатова, раненым.

Колоссальная убыль офицеров расстраивала полк, наводила на него ужас.

Люди, как сумасшедшие, бросались из стороны в сторону, давились отовсюду врагом и гибли.

Некоторые роты уже отступали.

Это было около 3-х часов пополудни, когда в отряд приехал генерал Штакельберг. По приказанию его, генерал Орлов прибегнул к последнему средству.

Верхом на лошади влетел он в ряды полка и хотел вести его в атаку, но тут же был ранен в бок, и его увезли.

Какой-то злой рок тяготел над отрядом. [51]

Держаться долее не было никакой возможности, и все полки, сбитые в бестолковые, предоставленные самим себе кучки, двинулись назад, к железной дороге.

Японцы одержали победу в то самое время, когда головные части 1-го корпуса приближались к станции Янтай.

Полк отходил под прикрытием 5-й казачьей батареи и своей пешей охотничьей команды, под начальством поручика Рылова, которая с раннего утра до вечера молодецки действовала на левом фланге отряда.

К вечеру все роты полка собрались у железной дороги, на посту № 8, где и остались на ночлег.

Сотни несчастных раненых были брошены на поле сражения, так как убрать их было некогда, да и некому.

Изнемогающие от жажды и страданий, многие из них подползали к грязному, илистому ручейку и здесь глотали вонючую воду и умирали или беспомощно завязали в топкой глине, не будучи в состоянии выбраться оттуда.

Правда, полковой врач Просвирнин объезжал поле сражения, всеми силами помогая страдальцам, но его помощь была каплей утешения в море страданий.

Другие врачи полка, Кочкин, Трейман, Пономарев и Блитштейн, безотлучно работали на полковом перевязочном пункте, открытом с утра у деревни Талиенгоу, в овраге, под железнодорожным мостиком, а с отступлением полка с позиций перенесенном на пост № 22, у железной дороги. Несмотря на то, что перевязочный пункт около 4-х [52] часов вечера подвергся ружейному и артиллерийскому обстрелу, продолжавшемуся около четверти часа и возбуждавшему минутную панику среди отступавших частей внезапно, врачи добросовестно исполняли свои высокие обязанности, будучи обременены массой раненых как Бузулукского полка, так и других частей.

В этом злосчастном бою участвовало 42 офицера, 1 подпрапорщик, 5 врачей и полковой священник.

Из них убито: 6 человек, ранено и контужено: 11 офицеров, 1 подпрапорщик и 1 врач и взят в плен раненым капитан Львов. Нижних чинов убито 50 человек, ранено 388, без вести пропало 232.

На другой день, 21-го августа, в полк приехал командир 5-го Сибирского армейского корпуса и ободрил нижних чинов к последующим боям, а офицеров сердечно благодарил, сказав, между прочим, что большой урон в предыдущем бою офицеров лучше всего свидетельствует о честном отношении их к исполнению долга службы.

Да, он был безусловно прав.

На неудачно выбранной позиции и в преотвратительнейшей боевой обстановке полк дрался мужественно и отступил только после долгого и упорного сопротивления по единственной и чрезвычайно важной причине своего полнейшего бессилия перед превосходившей нас в несколько раз армией японцев. Подоспей своевременно 1-й корпус, дело приняло бы совершенно другой оборот, и нам не пришлось бы отступать.

Командир полка, полковник Малюженко, чувствуя себя больным, просил корпусного командира [53] освободить его от занимаемой должности, что и было удовлетворено. В командование полком вступил командир 4-го батальона, подполковник Крючков.

За выбытием г.-м. Орлова, командующим дивизией был назначен г.-м. Столица.

Около 2-х часов пополудни полк выступил по Янтайской железнодорожной ветке и, свернув с нее на Мандаринскую дорогу, встал биваком под деревней Янтай.

Здесь люди, после двухдневной голодовки, пообедали и отдохнули.

Новый начальник дивизии, при первом же представлении ему полка, вместо ободрения и поощрения на дальнейшую боевую деятельность, упрекнул офицеров и нижних чинов в янтайском поражении.

Упрек этот окончательно растравил и без того жестокие нравственные раны неповинного в неудаче полка и омрачил святое воспоминание о тех безответных героях, груды тел которых, как лучшие и правдивые свидетели пережитого и переиспытанного, остались у подножия Янтая, где на могилах их наш враг торжествовал свою победу.

И не только от нового начальника дивизии, но отовсюду посыпались на полк нарекания, и волей неволей, скрепя сердце, участникам приходилось терпеть их до тех пор, пока не наступило для полка счастливое время снова встретиться с врагом и рядом блистательных боев смыть незаслуженную обиду, доказать свою боевую мощь и стяжать себе навсегда крепкую славу.

[54]

### **VIII.**

#### **Августовские переходы.**

22-го августа, утром, по приказанию командующего дивизией, полк с бивака под Янтаем перешел к бивачному расположению артиллерии и Инсарского полка (на Мандаринской дороге), откуда в 12 часов дня, по вновь полученному приказанию, начал отступать по Мандаринской дороге на дд. Цхаугансы, Кушуцзы, Хуньдязуань, Синьзуань, Кианхутунь, Хоутхай, Шиванцзы (рядом с дер. Сахэпу).

Предыдущий 25-ти верстный переход крайне изнурил людей, в виду чего дальнейшее движение по размытой дождем дороге совершалось медленно, с частыми остановками и одним большим привалом, где люди пообедали, и только около 2-х часов ночи полк едва добрался до бивака.

Как на зло, всю ночь непрерывно шел дождь.

Люди промокли и иззябли. У многих не доставало палаток, так что укрыться от дождя

было некуда.

Дождливая, холодная ночь сменилась пасмурным днем. Так же пасмурно и уныло выглядели бледные, изнуренные солдаты, заброшенные в чужую, неприветливую страну. Еще на рассвете командующий дивизией прислал приказание о переходе к Мукдену. В 8 часов утра, 23-го августа, полк, почти без сна и отдыха, двинулся по Мандаринской дороге, следуя за Инсарским полком и имея в арьергарде 1-й батальон. Вместе с полком выступил и обоз, застрявший вскоре на половине дороги в грязи. [55]

Вначале людей заставили вытаскивать из болота тяжело нагруженные телеги, но так как путь предстоял далекий и повсеместно грязный, а люди выбивались из сил, было решено прекратить эту свое-образную доставку обозов и часть их оставить на полпути до утра следующего дня.

Вместо этого, нижние чины принялись за исправление у дер. Байтапу дороги.

До позднего вечера работал полк не разгибая спины, а затем, изнуренный и обессиленный, принужден был заночевать в грязи, под открытым небом и проливным дождем. В довершение всех бед, людям не выдали горячей пищи, так как не было возможности приготовить ее.

В 7 часов утра, 24-го августа, полк продолжал движение на Мукден, прибыл туда в 11 1/2 часов утра и расположился биваком вблизи города. Проголодав более суток, люди получили, наконец, горячую пищу, но отдохнуть здесь все-таки не уда-лось, ибо в 2 1/2 часа дня командующий дивизией словесно приказал выступить по направлению к д. Фынъян. Достигнув моста через реку Хуньхэ, полк, по вторичному приказанию командующего дивизией, был повернут обратно, на прежний бивак у гор. Мукдена, и прибыл туда вечером. Здесь уже ожидали людей горячая пища и ночлег.

25-го августа полку было приказано с бивака под гор. Мукденом выступить в 7 часов утра и перейти на Синминтинскую дорогу, пересекши железнодорожное полотно южнее мукденского вокзала. За полком следовали 5-я и 7-я батареи 26-й артиллерийской бригады и Инсарский полк. Перед выступлением нижние чины пообедали и чувствовали себя [56] гораздо бодрее, нежели накануне, да и дорога, благодаря теплой солнечной погоде и легкому ветру, подсохла. Пройдя к 12 1/2 часам дня около 10 верст, полк, по личному приказанию командующего дивизией, встал биваком у дер. Тхуань. Тотчас же 3-й батальон занял сторожевое охранение впереди бивака, а 14-я рота была выслана в дер. Эртайцзы, в прикрытии к дивизионному обозу 54-й пехотной дивизии.

У дер. Тхуань полк простоял два дня и отдохнул. Сюда же возвратились из командировки 6-я и 16-я роты.

27-го августа, в 12 часов дня, после обеда, полк выступил на деревню Янсытунь, куда прибыл в 7 часов вечера, и остановился на ночлег. С 7 часов утра следующего дня движение продолжалось по направлению к деревне Тыашиинца.

Авангард составлял Чембарский полк, а главные силы - 2-я бригада 54-й пехотной дивизии и три батареи 28-й артиллерийской бригады, под начальством генерал-майора Путинцева. Впереди отряда шли саперная рота, исправлявшая дорогу, и телеграфная, которой было поручено восстановить телеграфное сообщение со штабом армии и со штабами 4-го и 5-го Сибирских армейских корпусов.

Около 2-х часов дня отряд подошел к месту назначения и расположился биваком у деревни Сыфанпу. Две роты от полка были высланы на линию сторожевого охранения деревни Туннандоу - впереди деревни Тачиндуиза и к северу на две версты, в связь с охранением Чембарского полка у деревни Туннандоу.

29-го августа, утром, полк перешел к биваку Чембарского полка (севернее деревни

Тыашиинца) для [57] занятия позиции фронтом на юг. Сторожевое охранение и полковой обоз остались на своих местах, при чем, на случай наступления противника с юга, в прикрытие к обозу была назначена рота. На скорую руку построил полк окопы и к 2-м часам дня снова вернулся на бивак. После обеда 1-й батальон занялся вырубкой гаоляна впереди позиции, дабы обеспечить наилучший обстрел местности.

Приказом по дивизии, полк вошел в состав отряда, охраняющего правый фланг армии, с оставлением у деревни Сыфанпу. Для разведывания и охранения юго-западной стороны бивака были назначены 3-й батальон и охотничья команда, которые заняли деревни Пайцзычай, служа в то же время поддержкой Терско-Кубанскому полку и подчиняясь командиру этого полка. На охотничью команду, кроме того, была возложена обязанность тщательно наблюдать за обоими берегами р. Хуньхэ от деревни Мадяпу вниз по течению. Обозы 2-го разряда сосредоточились у деревни Масаньцзяцзы и с ними установилось сообщение при помощи летучей почты.

Осмотрев совместно с начальниками отдельных частей позиции, командующий дивизией приказал спясть сторожевое охранение, а взамен его, в целях всестороннего освещения прилегающей к противнику местности, стали высылаться отдельные заставы по очереди от каждого полка.

31-го августа, в 7 часов, утра, согласно приказанию командира корпуса, полк занял позицию фронтом на юго-запад по указанию, данному накануне командующим дивизией.

1-й батальон с батальоном Инсарского полка составили общий резерв и расположились за артиллерийской [58] позицией; позиция 2-го батальона простиралась вправо от 1-го, к деревне Кудяза.

В 4 часа пополудни весь отряд прослушал молебен, отслуженный главным полевым священником маньчжурской армии перед чудотворной иконой Сергия Радонежского.

Вечером присоединились к полку 13-я и 15-я роты, прикрывавшие дивизионный лазарет, и полковой обоз 2-го разряда у деревни Тхуань.

## **IX.**

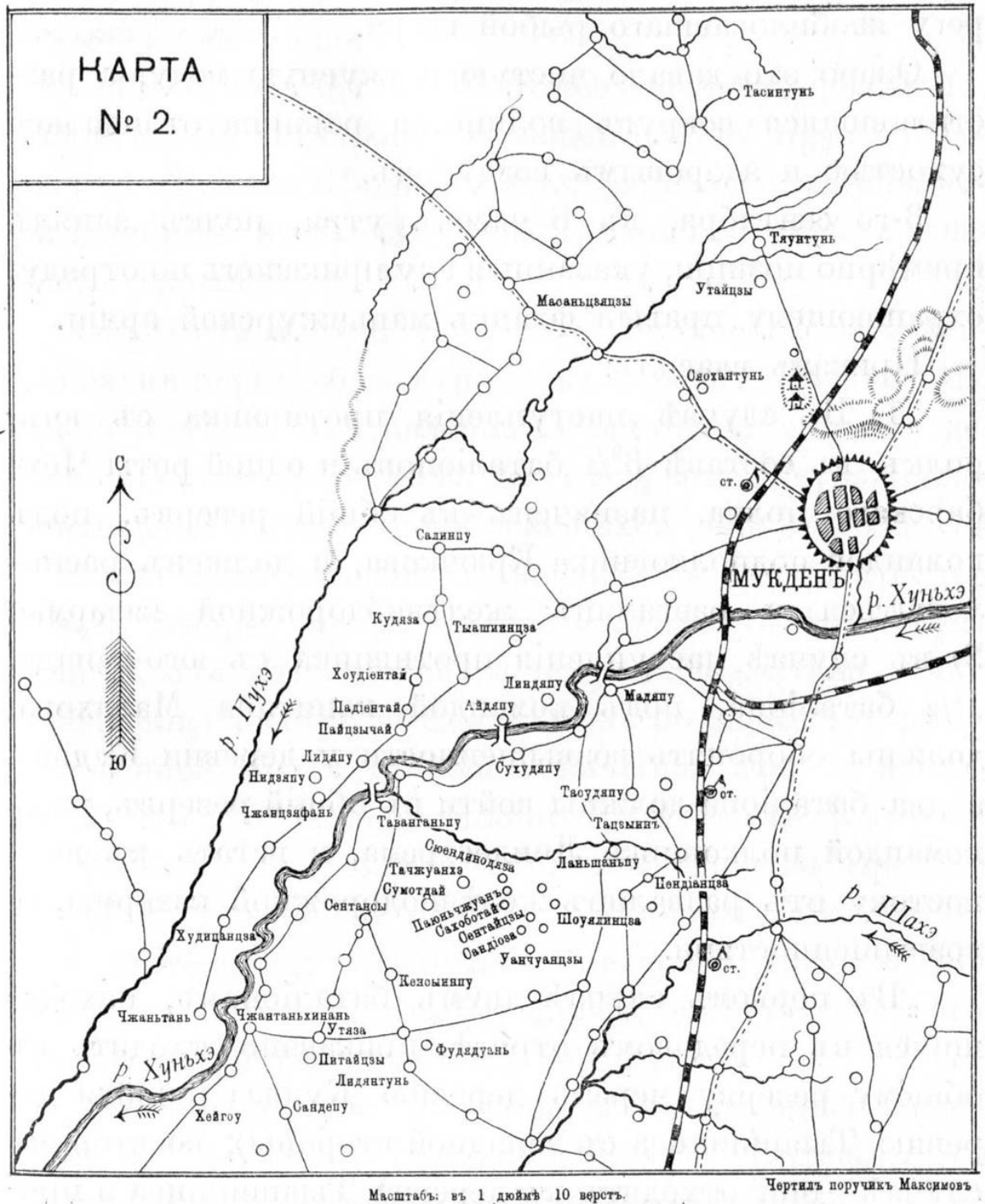
### **На позициях.**

Наступил сентябрь. Период дождей и тяжелые непрерывные переходы кончились.

Воздух похолодел. Появились сильные сухие ветры, вздымавшие клубы песка и пыли.

Поля пожелтели. Во многих местах посевы были уже убраны, и местность сделалась непривлекательно-однообразной.

1-го сентября командующим армией было приказано выделить от 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 13-й, 15-й и 16-й рот полка вторые взводы, по 50 человек каждый, на укомплектование 1-го Сибирского армейского корпуса. Согласно этому распоряжению, 550 нижних чинов, а затем еще, по дополнительному требованию, 250 человек, всего 800, под командой четырех офицеров, поручика Зубова и подпоручиков Шкурко, Серякова и Федорова, также получивших, по собственному желанию, назначение в 1-й корпус, расстались с родным полком и направились через Мукден в г. Фушун. Вследствие [59] значительной убыли людей, полк, по личному приказанию командующего дивизией, был временно переформирован в строевом отношении в 2-х-батальонный состав. Командующим 1-м батальоном был назначен капитан Малахов, а 2-м - капитан Гуминский. [60]



Около 10 часов утра 13-я, 15-я и 16-я роты отправились к 3-му батальону в деревню Пайцзычай, а 1-й сводный батальон перешел биваком к соседней деревне Кудяза, расположившись на песках, на берегу изобиловавшего рыбой озера.

Озеро это давало чистую и вкусную воду, а расстилавшаяся вокруг волнистая равнина отличалась сухостью и здоровым воздухом.

3-го сентября, в 8 часов утра, полк занял примерно позиции, указанные ему приказом

по отряду, охраняющему правый фланг маньчжурской армии.

Приказ гласил:

«1) В случае наступления противника с юга, полк, в составе 3 3/4 батальонов и одной роты Чембарского полка, назначен в общий резерв, под командой подполковника Крючкова, и должен расположиться у развалин железнодорожной казармы; 2) в случае наступления противника с юго-запада, 1 1/2 батальона, под командой капитана Малахова, должны оборонять возвышенности у деревни Кудяза, а два батальона должны войти в общий резерв, под командой полковника Линдестрема, и встать к юго-востоку от развалин железнодорожной казармы, за возвышенностями.

В первом случае двум батальонам, находящимся в передовом отряде, приказано отходить к общему резерву через деревню Кудяза (обойдя деревню Тыашиинца с западной стороны); во втором случае - они отходят к деревне Тыашиинца и присоединяются к общему резерву.

Обозы 2-го разряда, под общим начальством капитана Суханова, вытягиваются из деревни Сяохантунь через деревни Утайцзы, Тяунтунь к деревне [61] Тасинтунь. В прикрытие назначается рота от Бузулукского полка. Движение начать по особому приказанию. Донесения посылаются к общему резерву».

В тот же день отряд вошел в соприкосновение с противником.

Под вечер был обнаружен японский разъезд, силою около эскадрона, появившийся на правом берегу р. Хуньхэ. Наши казаки разъезды обменялись с японцами несколькими выстрелами. и затем эскадрон скрылся.

Спустя два дня, поручик Вилинский, находившийся в передовом отряде в деревне Нидзяпу, во время проверки выставленных заставами впереди деревни постов, заметил в сумерках двух подозрительных лиц, пробиравшихся из гаоляна в занятую нами деревню, и, желая их задержать, позвал дозоры, но в этот момент был ранен одним из них пулей в ногу выше колена, а оба незнакомца быстро убежали. Судя по характеру рапы, нанесенной пулей крупного калибра, можно заключить, что это были не японцы, а хунхузы. Как бы то ни было, начальник отряда немедленно принял меры к выяснению местной обстановки и к наиболее бдительному охранению bivачного расположения. Однако, до 19-го сентября ничего особенного со стороны противника замечено не было.

7-го сентября, в воздаяние за перенесенные труды, лишения, горести и страдания, полк услышал из далекой России дорогое для него Государево слово, сразу поднявшее угнетенный дух солдат и навеки соединившее в искренней и горячей любви Царскую Семью и войска. [62]

Телеграммой на имя командующего маньчжурской армией от 12-го августа Государь Император всемилостивейше выразил следующее:

«Сегодня, во время совершения таинства святого крещения Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича, Ее Величество и Я, в душевном помышлении о наших доблестных войсках и моряках на Дальнем Востоке, в сердце молитвенно призывали их быть восприемниками новокрещаемого Цесаревича, да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всеми теми дорогими для Нас и для всей России от высших начальников до солдата и матроса, которые свою горячую любовь к родине и Государю выразили самоотверженными подвигами, полными лишений, страданий и смертельных опасностей. Николай».

Высочайшая телеграмма была объявлена в приказе по войскам маньчжурской армии за № 600, которым предписывалось неизгладимые слова обожаемого Монарха прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах в присутствии всех офицеров, при возможно

торжественной обстановке, и самый приказ хранить особо от всех приказов.

В 5 часов вечера 3-й и 4-й батальоны, стоявшие биваком при деревне Пайцзычай, перешли к деревне Хоудиентай и расположились квартирно-бивачным порядком. В фанзах поместились преимущественно больные, число которых в последние дни увеличилось. Вообще, с первых чисел сентября заболеваемость в полку достигла довольно больших размеров; [63] было даже 8 случаев брюшно-тифозных заболеваний, хотя болезнь эта энергическими стараниями полковых врачей ограничилась единичными случаями, не приняв эпидемического характера.

Условиями, вызвавшими большинство заболеваний, нужно признать скверное питание, частые голодовки, питье сырой воды во время отступления в связи, с утомлением людей от трудных переходов по грязи, при сырой погоде и при подавленном психическом настроении.

Сказать по правде, хозяйственная часть в полку сильно хромала. О солдате заботились мало. В августовские переходы неудовлетворительность пищи объяснялась затруднительной доставкой по грязным дорогам продуктов, но теперь, когда период дождей прекратился, когда дороги вполне исправились и полк на более или менее продолжительное время расположился в определенном месте, указанная причина недостаточного питания сама собой устранялась.

Между тем люди по-прежнему голодали. Сплошь и рядом солдатский ужин заключался в одной подогретой в походной кухне водице, без признаков чего-либо питательного. За отсутствием собственной хлебопекарни, хлеб, отпускаемый интендантством, был не выпечен и выдавался-то он почему-то в меньшем количестве, чем полагалось. Нередко проголодавшиеся солдаты на свои деньги покупали у китайцев чумизное зерно, картофель, бобы и из этих продуктов варили себе пищу. В неоспоримое доказательство моих слов приведу два официальных приказа. В приказе по отряду, охраняющему правый фланг армии, от 11-го сентября 1904 года за № 3, говорилось: [64]

«10-го сего сентября я посетил биваки 215-го пехотного Бузулукского и 285-го пехотного Чембарского полков, где готовился ужин для нижних чинов. В некоторых ротах 215-го пехотного Бузулукского полка в котлах варилась одна вода без всяких продуктов. Заведывающий хозяйством полка доложил мне, что за продуктами послано в Мукден, но что повозки еще не возвратились.

Подобный доклад я считаю простой отговоркой. Распорядительный и заботливый начальник в таком случае всегда сумел бы своевременно распорядиться покупкой у жителей местных продуктов, которых в окрестностях бивака имеется в достаточном количестве. Объявляю строгий выговор заведывающему хозяйством, подполковнику Лисичкину, и предвещаю начальствующих лиц, что в будущем в подобных случаях буду предавать суду, как за бездействие власти. Пища в обоих полках была безусловно плохая. Требую, чтобы для нижних чинов готовилась всегда хорошая пища, - никаких отговорок здесь быть не может. Подписал генерал-майор Столица».

Как бы подтверждением приказа по отряду служил приказ 5-му Сибирскому армейскому корпусу от 16-го сентября 1904 года за № 33, по части хозяйственной, следующего содержания:

«Из приказов по отряду, охраняющему правый фланг армии, я усматриваю, что в 215-м пехотном Бузулукском и в 285-м пехотном Чембарском полках нет никакого наблюдения за пищей нижних чинов. Еще во время передвижения по железной дороге я усмотрел в 6-й роте Чембарского полка невозможный [65] хлеб, мякиш которого состоял из желто-зеленой массы, - и никому из ближайших начальников до этого не было никакого дела. Сказанное имело



место во 2-м батальоне, командир которого, подполковник Поляков, ныне временно командует полком и, видимо, продолжает по-прежнему нерадиво относиться к делу питания нижних чинов, что составляет важнейший долг всякого начальника, а отсутствие в этом отношении заботливости прямо преступно. Командующий 215-м пехотным Бузулукским полком, подполковник Крючков, очевидно, соперничает в сказанном отношении с подполковником Поляковым. Разделяя взгляд на дело временно-командующего 54-й пехотной дивизией, изложенный в приказе от 11-го сентября № 3, предлагаю его превосходительству, при новом повторении нерадения к питанию нижних чинов, перейти от слова к делу, т. е. виновных привлечь к ответственности по суду. Мой взгляд на правильное питание нижних чинов должен быть достаточно известен гг. офицерам, при собрании которых я его высказывал тотчас по принятии командования корпусом».

Подлинный подписал командир корпуса,  
генерал-лейтенант Дембовский.

Серьезнее внимание, обращенное начальником отряда и корпусным командиром на улучшение довольствия нижних чинов, не могло, конечно, не воздействовать на хозяйственную часть полка, но все-таки не все виды довольствия были упорядочены и, главным образом, - хлеб, качество которого нисколько не улучшилось. [66]

В предупреждение развития болезней, в особенности желудочных, в ротах завели самовары для кипячения воды, установили самое строгое наблюдение за отхожими местами и возможно чаще производили телесные осмотры людей. Нельзя отрицать, что меры эти способствовали уменьшению заболеваний и вместе с тем приучали нижних чинов к соблюдению элементарных требований гигиены настолько, насколько позволяли ненормальные условия боевой жизни.

9-го сентября командир Терско-Кубанского полка донес командиру 2-го сводного батальона, капитану Гуминскому, что, по китайским сведениям, у деревни Чжаньтань японцы производят переправу через р. Хуньхэ. На разведку в деревню Худицанца отправился офицерский разъезд, выяснивший расположение передовых частей противника.

15-го сентября, по приказанию командира Терско-Кубанского полка, 3-й и 4-й батальоны, за исключением охотничьей команды, которая осталась в деревне Пайцзычай, передвинулись из деревни Хоудиентай в деревню Лидяпу, где и расположились биваком, выслав заставы, силою в одну роту, впереди деревни Лидяпу и в деревню Падиянтай. Дежурная часть на ночь от отряда заняла окраину деревни Лидяпу (на юг и юго-запад) и выставила кругом бивака 6 постов. На случай обороны была приспособлена окраина деревни к югу и к юго-западу.

В ночь с 15-го на 16-е мимо сторожевых постов прошел эскадрон японской кавалерии с целью разведки, но, заметив наше сторожевое охранение, быстро, без выстрелов, скрылся. Из произведенных вслед затем казаками разведок обнаружилось, что впереди лежащая деревня [67] Чжаньтань (на берегу р. Хуньхэ) занята японским авангардом, силою в 3,000 человек; по полученным же от командира Терско-Кубанского полка сведениям, по ту сторону р. Хуньхэ в этой местности расположена японская дивизия.

Точно проверить эти сведения едва ли было возможно, так как разведыванию препятствовала ровная и открытая местность, и японцы с дальнего расстояния открывали по разъездам учащенный огонь.

Поэтому решено было произвести в сторону неприятеля усиленную рекогносцировку полковой охотничьей командой совместно с казаками.

19-го сентября, в 6 часов утра, команда, под начальством подпоручика Гогина, с 4-мя сотнями Терско-Кубанского полка выступила на деревню Чжаньтань и прибыла туда в 1 час

дня. Деревня оказалась незанятой, но на опушке ее, у берега р. Хуньхэ, было брошено японцами до 18-ти шаланд, нагруженных всевозможными съестными припасами и ружейными патронами. Расположившись в деревне, охотники свели в одно место шаланды и заготовили зажигательные средства, чтобы, в случае надобности, поджечь их. Три нижних чина, Щетинин, Баев и Тишкин, вызвались перейти в брод на другую сторону реки для осмотра неприятельских позиций. Они заметили там следы лошадей, ведущие из деревни Сандепу в деревню Хейгоутай и узнали от китайцев, что эти деревни заняты японской кавалерией, пехотой и артиллерией.

Ночь в Чжаньтане прошла спокойно, хотя за рекой часто раздавались одиночные ружейные выстрелы, и пули жужжали над деревней. [68]

20-го сентября, на рассвете, на противоположный берег реки были посланы на разведку три охотника, под командой ефрейтора из вольноопределяющихся Тищенко, которые обнаружили в 4 1/2 верстах эскадрон японской гвардейской кавалерии с 40-50 хунхузами.

В полдень, с юго-запада, показался эскадрон неприятельской кавалерии, а затем рота японской пехоты повела наступление на деревню. Японцы открыли по деревне сильный ружейный огонь. Подпоручик Гогин немедленно выслал два взвода, один, под командой унтер-офицера Холодова, другой, под командой младшего унтер-офицера Землянова, на опушку деревни, где уже с наступавшим противником наши посты и казачьи разъезды завязали перестрелку. Несколькими удачными залпами взводов японцы были отбиты и поспешно скрылись. Команда потеряла раненым ефрейтора Сосина.

Под вечер, за рекой, появилась партия японцев человек в 50 и начала рыть вблизи занятой ими деревни окопы.

Снова был выслан взвод охотничьей команды, который залпами рассеял японцев, и работа прекратилась.

На рассвете с 20-го на 21-е рядовыми Ереминым, Водинским и Гольшкиным, залегшими в секрете на берегу р. Хуньхэ, были замечены на том берегу двое вооруженных хунхузов, искавших брода. Секрет, дав возможность переправиться им на нашу сторону, внезапно напал на них и одного задержал, - другой успел скрыться. Отправив хунхуза в команду, рядовой Еремин переделался в китайское платье, перешел в брод реку и пополз [69] по направлению к японской деревне, чтобы высмотреть противника. На несчастье, японцы увидели его и открыли по нем огонь. Еремин, отстреливаясь, бросился бежать назад, но натолкнулся на казачий разъезд, который, приняв его за хунхуза, выстрелил в него, и Еремин упал, тяжело раненый. Тогда рядовые Водинский и Гольшкин, с замиранием сердца следившие за своим товарищем, кинулись на другой берег и вынесли истекавшего кровью Еремина.

Подъехавшие казаки посадили раненого на лошадь и увезли на перевязочный пункт. Вскоре после этого японцы открыли учащенный ружейный огонь по деревне с юго-запада, в то время, как другие их пехотные и кавалерийские части начали обходить деревню с фланга. Командовавший конным отрядом есаул Шереметев, боясь быть окруженным со своими слабыми силами противником, приказал всему отряду очистить деревню и отступить к кирпичному заводу, приблизительно на версту. Команда и казачьи сотни быстро отошли, по, спустя короткое время, с вновь прибывшими двумя сотнями казаков двинулись в атаку на деревню Чжаньтань, думая, что она уже в руках японцев. Между тем ни один японец в деревню не вошел, и отряд без боя занял прежние места. Наступление противника оказалось,

таким образом, простым демонстративным маневром, с явным намерением определить величину и силу сопротивления наших передовых частей. Курьезно, что на окраине деревни случайно остался секрет из трех нижних чинов охотничьей команды, который, ничего не зная об отступлении, с увлечением вел [70] перестрелку с маневрировавшими японцами до тех пор, пока отряд не возвратился.

Вечером охотничья команда была сменена 2-й ротой и отошла от Чжаньтаня с прибывшими на подкрепление 3-м и 4-м батальонами на деревни Цыньсянь-Чжаньцзяфань.

22-го сентября, в 7 часов утра, 1-й и 2-й батальоны полка с одной батареей 28-й артиллерийской бригады, в качестве авангарда отряда, под начальством полковника Трухина, выступили из деревни Кудяза на деревню Чжаньцзяфань, куда прибыли около двух часов дня, и соединились с находившимися уже там 3-м и 4-м батальонами.

Сего числа в командование полком вступил подполковник 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка князь Амилахори, назначенный на эту должность приказом по маньчжурской армии за № 659. Временно командовавший полком, подполковник Крючков, обратился к прежним обязанностям командира 4-го батальона.

На следующий день, утром, 3-й и 4-й батальоны перешли к деревне Тауланца, а 24-го сентября, в 12 часов дня, 1-й и 2-й батальоны, в качестве арьергарда отряда, выступили из деревни Чжаньтаня и направились через деревню Пайцзычай на деревню Линдяпу и далее на деревню Сентансы.

Дул невыносимо холодный и порывистый ветер, затруднявший движение.

В 7 часов вечера полк прибыл в дер. Сентансы и встал здесь биваком. На утро 25-го числа к полку присоединился 4-й батальон из отдела, а после полудня 1-й, 2-й и 4-й батальоны отодвинулись назад и заняли деревню Таваньганьпу. Вечером 2-й [71] батальон был отправлен на охрану моста через р. Хуньхэ у деревни Линдяпу, а 26-го сентября он ушел к 3-му батальону, в отряд князя Орбелиани.

В ночь с 26-го на 27-е вызвались охотниками пять нижних чинов, под командой старшего унтер-офицера Холодова, произвести разведку занятой японцами деревни Питайцзы. Им удалось незаметно пробраться в деревню и обстоятельно разузнать о расположении и силах противника. Молодцы-охотники вернулись благополучно, и в доказательство того, что проникли в деревню, принесли с собой рыбных японских консервов и других съестных припасов.

Утром 27-го сентября 1-й и 4-й батальоны из деревни Таваньганьпу снова передвинулись к деревне Сентансы и устроили здесь, на случай обороны, стрелковые окопы.

В то же утро полковая охотничья команда, по приказанию начальника дивизии, повела наступление на деревню Питайцзы, которая, как выяснила произведенная ночью разведка унтер-офицера Холодова, была занята ротой японской пехоты. Энергичной и искусной атакой команды, под начальством подпоручика Гогина, японцы были выбиты из деревни и бежали. Команда, несмотря на сильный огонь противника, понесла ничтожные потери: один нижний чин был контужен, другой, рядовой Алексей Баев, ранен пулей в руку навывлет и в нижнюю челюсть, но остался в строю, за что и награжден знаком отличия Военного Ордена 4-й степени.

Заняв деревню, команда преследовала бежавшего противника метким ружейным огнем с близких расстояний. Когда расстроенная рота противника скрылась, японцы открыли по команде очень сильный ружейный, [72] пулеметный и артиллерийский огонь из соседней деревни Сандепу, и, под прикрытием этого огня, батальон японской пехоты начал было наступать на деревню Питайцзы, но скоро повернул назад. Довольно откровенное маневрирование противника обнаружило силу и состав гарнизона деревни Сандепу, что было

весьма важно для нас. В полном порядке, с добытыми сведениями о противнике, команда без потерь отступила на деревню Утяза.

За удачное выполнение возложенной на команду задачи подпоручик Гогин получил личную благодарность начальника дивизии, генерал-майора Столица.

В виду начавшейся перестрелки неприятеля с авангардом отряда, 28-го сентября, вечером, шесть рот полка сняли палатки и перешли ближе к приготовленной стрелковой позиции, расположившись в полной боевой готовности в скрытом от взоров противника месте.

13-я и 14-я роты, под командой подполковника Крючкова, заняли соседнюю деревню Кенсынпу.

30-го сентября 1-я, 2-я, 13-я и 14-я роты, под начальством командующего полком, из деревни Сентансы передвинулись в деревню Тацыхэ. Ночью туда прибыли и присоединились к полку 3-я, 4-я, 15-я и 16-я роты.

Этим передвижением полк вошел в ближайшее соприкосновение с противником.

Все сознавали неминуемость серьезного боя.

Дух офицеров и солдат за недолгое командование полком князя Амилахори обновился.

Каждый чувствовал, что во главе полка стоит теперь сильный, решительный и умный человек, прекрасно знающий свое дело.

Так в первые же дни зарекомендовал себя князь Амилахори...

[73]

## **Х.**

### **Бои 1-го - 3-го октября.**

Утро 1-го октября выдалось пасмурное и угрюмое.

Мутные громоздкие облака повисли на горизонте.

Моросил мелкий дождик.

Было сыро, холодно и грязно.

После раннего обеда, полк с бивака у деревни Тацыхэ перешел на позицию, что южнее деревни Сыфантунь, откуда было приказано немедленно атаковать впереди лежащую деревню Фудядуань. Для этого предназначались два батальона.

1-я, 2-я, 13-я и 14-я роты, скользя по липкой грязи, выбрались на опушку деревни и рассыпались в цепь, а 3-я, 4-я, 15-я и 16-я роты составили резерв.

Деревня Фудядуань, где находились японцы, ясно выделялась на ровной местности.

Самое наступление, по приказанию командира полка, было приостановлено, дабы дать возможность подготовить атаку артиллерийским огнем, а также подойти резерву (два батальона Чембарского полка), далеко отставшему.

За несколько часов страшной орудийной канонады наша артиллерия своим метким огнем совершенно ослабила противника, не вызвав с его стороны ни ружейного, ни артиллерийского огня.

В сумерках нижние чины 3-й роты, фельдфебель Сергей Голубев, младшие унтер-офицеры Иван Образцов и Никифор Рогов и ефрейтор Иван Беззубов, вызвались пробраться к японской деревне и осмотреть ее. Они скрытно подползли к валу, перелезли [74] через него и, крадучись вдоль стен, обошли всю деревню. Оказалось, что японцы торопливо покидали ее. Донесение разведчиков было радостным известием для полка, который вместе с подошедшим резервом двинулся вперед и без всякого сопротивления, около 7 часов вечера, вошел в

деревню. Здесь были видны следы разрушения от нашего артиллерийского огня. Стаканы и осколки снарядов валялись повсюду.

Полк разместился на улицах и дворах фанз, не предприняв, вследствие вечерней темноты, дождя и грязи, преследования противника. Продрогшие от холода и дождя люди разложили костры и принялись около них греться и кипятить чай.

Японцы, заметив огни, обстреляли деревню.

Пострадали двое нижних чинов: один был убит, другой ранен.

Пришлось потушить костры и всю ночь провести на холоде.

О занятии деревни было послано донесение с двумя ординарцами, рядовыми Иваном Котяевым и Павлом Ворожейкиным, но в ночной темноте ординарцы сбились с направления и заблудились. Отыскивая дорогу, они попали в гаоляновую заросль, откуда вдруг раздались залпы. Котяев свалился раненым, лошадь его убили.

Под продолжавшимися залпами, неизвестно кем производимыми, другой ординарец, Ворожейкин, поднял раненого товарища, посадил на свою лошадь и увез его. Вскоре Ворожейкин выехал на дорогу, и оба ординарца возвратились в полк.

На следующий день, с 6 часов утра, японцы открыли по деревне Фудядуань редкий артиллерийский огонь с юго-востока. [75]

Чембарский полк, как занимавший сторожевое охранение юго-восточной части деревни, приготовился к обороне, имея за собой в резерве 4-й батальон Бузулукского полка.

1-й батальон полка был отправлен из деревни Фудядуань в прикрытие к артиллерии.

Командир полка вызвал желающих нижних чинов произвести в сторону противника разведку. На это изъявили желание младший унтер-офицер 14-й роты Алексей Ионов и рядовые Василий Воробьев, Иван Ворожцов и Яков Ручкин.

Они подползли к противнику, выглядели его расположение и, главное, стрелявшие по нас орудия, но тут сами были замечены японцами и подверглись ружейному обстрелу. Все-таки им удалось невредимыми вернуться в полк и сообщить о своих наблюдениях. По указанному ими направлению роты сделали несколько залпов, и японская артиллерия замолчала. Однако, когда залпы прекратились, японцы возобновили артиллерийскую стрельбу.

Не получив приказаний переходить в наступление, полк весь день оборонял деревню, отвечая на исключительно артиллерийский огонь противника - ружейным.

Все распоряжения, которые при этом отдавались командиром полка, были одобрены начальником дивизии.

С наступлением темноты, отряд, по приказанию начальника дивизии, выступил из деревни Фудядуань на присоединение к общему резерву. Пропустив вперед чембарцев, полк с мерами охранения отошел последним к резерву, не понеся за этот день никаких потерь, а в 10 часов вечера, [76] согласно приказанию по отряду, направился к деревне Айдяпу, куда прибыл в 6 часов утра 3-го октября.

Люди, не спавшие ночь и голодные, в мокрой от вчерашнего дождя одежде, нуждались в пище и отдыхе, а голубое солнечное утро, теплое и безветренное, манило к покою.

Горячая пища была уже готова.

Но едва только полк начал обедать, как получилось приказание немедленно выступить на деревню Шоуялиница. Солдаты вылили из котелков недоеденные щи, и полк, в составе 1-го и 4-го батальонов, тронулся в путь.

По приходе в деревню Шоуялиница, батальоны были назначены в резерв отряда, за левым флангом боевого расположения, при чем 2-я и 3-я роты выделались в прикрытие к артиллерии.

В 2 часа дня, по словесному приказанию командира 5-го корпуса, 4-й батальон, под начальством подполковника Крючкова, выдвинулся на окраину деревни Сандиоза для поддержки боевой части. Как раз в этот момент получилось лаконическое приказание командующего дивизией:

«Сегодня командующий армией не приказал переходить в наступление».

Из двух разноречивых приказаний было исполнено первое, т.е. приказание корпусного командира.

Через полчаса и остальные роты, 1-я и 4-я, под личным начальством командира полка, присоединились к 4-му батальону для того, чтобы помочь частям боевой линии. Не менее полка японцев занимали видневшуюся впереди, на гладкой равнине, большую и сильно укрепленную деревню Уанчуанцзы. [77]

Отряду было приказано атаковать противника и выбить его из этой деревни.

Стройными цепями по желтой глади убранных полей двинулись 13-я, 14-я, 15-я и 16-я роты. Следом за ними, тоже цепями, вышли из деревни 1-я и 4-я роты, составившие резерв, во главе с командиром полка, князем Амилахори.

Град пуль осыпал наступавшие роты. Глухо грохнула неприятельская артиллерия. Шимозы забороздили землю, выбрасывая черные клубы едкого дыма.

Местами раздавался треск лопавшейся шрапнели.

Одиночные люди падали; слышались стоны раненых.

А цепи неудержимо, красиво и стройно двигались вперед.

Вот уже 1-я и 4-я роты слились с 4-м батальоном и перебежками мчались на врага. Японцы употребили все усилия, чтобы адской стрельбой отбить атаку. Пачечный ружейный огонь их был доведен до крайнего напряжения. Казалось, что воздух наполнен расплавленным свинцом, брызгавшим по всему пространству между двумя деревнями.

Полк наступал без выстрелов, а наши двадцать слишком скорострельных орудий, стоявших сзади, тоже молчали, точно чужие.

Трудно передать радостное, задорное чувство, какое охватывает человека, идущего в бой, когда видишь и слышишь за собой дружную поддержку своей артиллерии, и как невыносимо больно и жутко, когда эта артиллерия стоит тут же молча и своим полнейшим безучастием в общем деле будто потешается над слабостью пехоты, над ее гибелью. Это чувство испытывал всякий, кому хоть раз случалось [78] бывать в большом бою. От ответа на вопрос, почему не стреляли наши орудия, я уклоняюсь, хотя должен заметить, что ввести в дело артиллерию представлялась полная возможность, а о необходимости в данном случае ее поддержки и говорить нечего.

Не доходя шагов 400-600 до неприятеля наступающие цепи были остановлены. Идти дальше было немислимо: японцы уничтожили бы нас своим огнем прежде, чем мы достигли бы деревни. Цепи залегли за борозды, отчасти за китайские могилы, и оттуда учащенным огнем начали обстреливать противника. Командир полка, князь Амилахори, находясь тут же, на открытом месте, лично руководил действиями рот и своим мужеством, спокойствием и распорядительностью воодушевлял офицеров и солдат.

Его примеру следовали командир 13-й роты, поручик Рылов, фельдфебель 14-й роты Иван Дудкин, старший унтер-офицер Василий Бубенцов, фельдфебель 4-й роты Евдоким Кудинов, и старший унтер-офицер Матвей Сабанов и много других. Они под пулями бесстрашно расхаживали взад и вперед по цепи, ободряя своих подчиненных. Поручик Рылов был ранен двумя пулями в ногу навывлет и упал. Его хотели вынести из-под огня, но он отказался, встал и, сильно прихрамывая, пошел на перевязочный пункт. Не посчастливилось и доблестному фельдфебелю Дудкину. Сразу две пули пронизали его: одна в грудь, расколов

висевший на ней ротный образ, другая - в живот.

Дудкина унесли на перевязочный пункт и там он умер. В середине боя был контужен шрапнельной пулей командир полка, князь Амилахори, [79] но строя не оставил и, точно ни в чем не бывало, продолжал до конца боя спокойно управлять полком. Тогда же были ранены подполковник Крючков, которого вынес из-под огня рядовой Тимофей Есбин, и прапорщик Герман, оба осколками снарядов в голову, и контужен, также осколком снаряда, прапорщик Адамский.

Потери, нанесенные нами противнику, были, нужно полагать, очень велики. Часто, после меткой нашей стрельбы, огонь японцев внезапно прекращался или ослабевал, и затем вновь разгорался, очевидно, по усилении каждый раз их боевой линии.

Успех бесперывной и учащенной стрельбы рот в известной мере обязан своевременной доставке в цепь нижними чинами патронов. В этом отношении выказали особенное мужество: полковой барабанщик Василий Мокеев, старшие унтер-офицеры: 1-й роты Николай Глистенков и 14-й роты Матвей Мазанов и рядовые: Евсей Целуйко, Илларион Ильин, Имамеддин Хайсаметдинов и Даниил Городнев, которые, пренебрегая смертельной опасностью, в течение всего боя подносили из деревни патроны, снабжая ими цепи.

Рядом с полком, в таком же порядке, действовали Инсарский и Чембарский полки. Одна или две роты Инсарского полка находились с левого фланга нашего расположения, а остальные части с правого.

Перед концом боя и наша артиллерия открыла огонь, но было уже поздно. Части Инсарского и Чембарского полков, сбитые артиллерийским огнем противника, начали отходить.

При малейшей оплошности начальствующих лиц, поспешное отступление соседних частей могло бы, [80] как это часто случается, и было, кстати, в бою у Янтая, увлечь за собой малодушных людей державшегося на позиции полка, но своевременно принятыми мерами на этот раз цепи не поколебались и, оставаясь на местах, спокойно продолжали свое дело.

Спустя час, полк остался совершенно один впереди, и , командир полка, находясь бесполезным держаться дольше под сосредоточенным огнем противника, приказал ротам постепенно отступать назад, на линию резервов, прикрываясь огнем 1-й и 14-й рот.

Роты отходили в полном порядке, не спеша, подбирая на пути раненых. В сумерках полк занял окоп, вырытый шагах в 1500 от деревни Уанчуанцзы.

После этого были вызваны охотники для уборки раненых и убитых офицеров и нижних чинов Инсарского полка.

Охотники, совместно с санитарями 4-й роты, ефрейторами Николаем Осиповым и Василием Романовым и рядовым Акимом Никифоровым, под руководством заведывающего отрядом Красного Креста Лярхэ и полковых врачей, до поздней ночи подбирали раненых, в числе которых были вынесены один убитый штаб-офицер и один раненый обер-офицер. Раненые доставлялись на полковой перевязочный пункт, действовавший в деревне Паюньчжуань.

Таким образом, полк, оставаясь на позиции, содействовал спасению раненых Инсарского и Чембарского полков.

Неуспех атаки всецело обусловливался тем, что она не только не была предварительно подготовлена [81] артиллерийским огнем, но и самый огонь, открытый слишком поздно, не был действителен, между тем как ружейным огнем невозможно было выбить японцев из занятой ими деревни, обнесенной высокой глиняной стеной и хорошо укрепленной.

По достоверным сведениям, в деревне Уанчуанцзы, как и в деревне Сандиоза, имелись окопы, приспособленные для стрельбы с колена и лежа, и, кроме того, бойницы в глинобитных стенах.

В докладе по поводу боя командующему дивизией командир полка, между прочим, высказал:

«Все чины полка действовали отлично. Каждый из них достоин имени русского солдата, но укрепившаяся страсть в войсках уповать на успех боя при помощи штыка и не пользоваться дальностью и скорозарядностью винтовки, а в данном случае и артиллерии, послужила к неудаче.

Не могу не засвидетельствовать, что участвовавшие 3-го октября в бою 1-й и 4-й батальоны с честью выполнили данное командующему армией слово: при первом же случае загладить янтайский промах.

Доблестно вели себя чины от офицера до последнего рядового, не исключая и ротных фельдшером, которые под сильным ружейным и артиллерийским огнем делали перевязку».

Восемь участвовавших рот получили по 4 знака отличия военного ордена на каждую роту.

Фельдфебель 4-й роты Кудинов был представлен к награждению его знаком отличия военного ордена 3-й степени, минуя низшую степень, за ободривание нижних чинов примером неустранимости.

Память о герое Дудкине, погибшем во славу русского оружия, навсегда сохранится в полку. [82]

Подполковник князь Амилахори, высоко ценя доблести русского солдата, исходатайствовал впоследствии семье фельдфебеля Дудкина пособие в 400 руб. и объявил в приказе по полку следующее:

«В бою 3-го октября 1904 года фельдфебель из добровольцев Иван Дудкин проявил поистине изумительное мужество и храбрость.

В 400 шагах от противника, под сильным его огнем, он, все время стоя в цепи, ободрял нижних чинов, служа для них назидательным примером. Будучи ранен, оставался в строю, так же стойко продолжая свое дело. Будучи ранен вторично, он только по настоянию отправился на перевязочный пункт и там умер. Дабы не осталась без награды такая самоотверженная, доблестная служба, я ходатайствовал о пособии семье фельдфебеля Дудкина, и получил разрешение отчислить из сумм полка 400 руб. пособия семье этого славного солдата. Объявляю о сем в приказе, чтобы каждый солдат помнил, что за Царем и отечеством доблестная служба не пропадает».

Из участвовавших в этом бою офицеров 5 человек ранено и контужено. Нижних чинов убито 15, ранено 195, без вести пропало 5. К утру все раненые были транспортированы.

В то время, когда полк молодецки дрался у деревень Фудядуань и Уанчуанцзы, полковая охотничья команда, под начальством подпоручика Гогина, действовала в другом месте.

1-го октября. около 7-ми часов вечера, команда, совместно с батальоном Чембарского полка, приблизилась к деревне Лидянтунь с намерением атаковать ее, но казаки разъезды сообщили, что деревня [83] японцами оставлена. Тогда команда и батальон перестроились во взводные колонны и двинулись прямо в деревню.

Во мраке наступившего вечера взвод за взводом углублялся в тесные, обнесенные глинобитными стенами улицы. Вдруг из дворов фанз, шагах в тридцати от головы колонны, раздались выстрелы, и можно себе представить, какое впечатление произвели они своей неожиданностью. Батальон Чембарского полка скучился в узком проходе и ринулся назад. Шедшая во главе охотничья команда остановилась. По команде подпоручика Гогина, взводы, как один, упали на землю и приготовились к бою. Таинственная ружейная трескотня между тем не стихала и пули визжали над головами людей. Начальник команды приказал открыть



по фанзам огонь. Дружный залп сделал свое дело. Скрывавшаяся за стеной засада прекратила стрельбу и слышно было, как несколько человек тяжело застонали. Это были японцы, обнаружившие себя резким, гортанным говором. Немедленно от команды отделился взвод, под начальством унтер-офицера Холодова, с криком «ура» ворвался во дворы фанз и бросился в штыки. Японцы мигом разбежались и скрылись в ночной темноте. После этого все фанзы были тщательно осмотрены и отряд расположился здесь на ночь, выставив впереди деревни сторожевое охранение.

Немного позже на окраине деревни был пойман легко раненый японский кавалерист, отставший от прогнанной засады и пытавшийся пробраться через наше сторожевое охранение к своим. Другой японский кавалерист, не осведомленный, вероятно, о занятии [84] нами деревни, въехал в район сторожевого охранения и что-то произнес по-японски. Его окружили наши солдаты и хотели поймать, но он ловко спрыгнул с коня и удрал, а лошадь его задержали.

Всю ночь отряд вел ружейную перестрелку с передовыми частями японцев.

На другой день, с утра до полудня, деревня Лидянтунь обстреливалась ружейным и артиллерийским огнем противника. Около 2-х часов пополудни, по письменному приказанию командира 5-го корпуса, переданному офицером Чембарского полка, охотничья команда и батальон очистили деревню и отступили версты на четыре назад, но в дороге получилось приказание возвратиться в деревню Лидянтунь, куда отряд прибыл к вечеру и тотчас же завязал с японцами оживленную перестрелку, продолжавшуюся до ночи.

3-го октября, с раннего утра, у деревни Лидянтунь появились японские разъезды, быстро, впрочем, прогнанные метким огнем охотничьей команды.

Увлечшись наблюдением за противником, команда не заметила, как отряд еще на рассвете покинул деревню. Пришлось нагонять ушедший батальон.

При выходе из деревни, команда подверглась усиленному обстрелу японского эскадрона, находившегося невдалеке в кустарнике, но огонь этот, остановленный залпами команды, не принес ей никакого вреда.

4-го октября команда присоединилась к полку, который к этому времени собрался у деревни Сахоботай и встал правее Инсарского полка в боевом резерве.

Унтер-офицер Холодов, по докладу начальником команды о его мужестве, храбрости и распорядительности, [85] был представлен командиром полка к награждению знаком отличия военного ордена 4-й степени и к переименованию в зауряд-прапорщики.

Утром бивак посетил командир 5-го Сибирского армейского корпуса, генерал-лейтенант Дембовский, и сердечно, прочувствованно благодарил всех чинов полка за молодецкое дело.

У деревни Сахоботай полк простоял целые сутки под сильным и холодным дождем, с минуты на минуту ожидая нового боя.

И только на следующий день, 5-го октября, все успокоилось, улеглось, призрак неприятельского наступления исчез, и люди, разместившись в фанзах, могли, наконец, предаться столь желанному и необходимому отдыху.

Бой 3-го октября имел для полка громадное моральное значение.

Это было нелегкое испытание за старые, невинные грехи, выдержанные с поразительной стойкостью... Дурная слава, хотя и незаслуженная, рассеялась новой, незыблемой славой, достойно заслуженной. Шесть рот полка, грудью подставленных под град пуль и снарядов противника, геройски умирали, подавляя в себе и страх и страдания. Какая-то неестественная сила сплотила несколько сотен людей воедино, воодушевила их, и враг не мог сломить могучей, живой твердыни, гордо выросшей перед его глазами.

Кто же создал за короткое сравнительно время из разбитых под Янтаем бузулукцев поистине чудо-богатырей? Чьей могучей волей возродилась светлая слава униженного полка? Там, в цепи, прикипшей к земле, обрисовывалась фигура нового командира, князя Амилахори. Зловещий [86] вихрь пуль и снарядов, обдававший холодным дыханием смерти заброшенную сюда горсть людей, не вызывал ни робости, ни боязни со стороны героя-командира. самоотверженно и благородно исполнявшего свой святой долг перед родиной.

Князь Амилахори овладел солдатской душой, подчинил ее своей воле, заставил полюбить и уважать себя. Вот источник того великолепного в психическом смысле боевого дела, которое доставило полку первую, дорого приобретенную славу.

Общий неуспех боя нисколько, конечно, не зависел от полка, сделавшего больше, чем от него требовалось. Отступление совершилось только по приказанию, с соблюдением образцового порядка и так умело, что японцы не решились преследовать нас, а оставшиеся на поле сражения раненые других полков, под нашей защитой, были подобраны и доставлены на перевязочные пункты.

С этого момента полк осязательно сознал свою боевую мощь и смело и бодро глядел в будущее, прояснившееся от застилавших его до сей поры мрачных янтаяских туч.

## **XI.**

### **Октябрьское затишье.**

Три недели сряду, т. е. с первых до последних чисел октября, полк занимал район деревень Сандиоза, Паюньчжуань, Сентайцзы, Тацзыин, Тасудяпу, совершая небольшие переходы в этом же районе. [87]

Здесь, на виду у противника, непрерывно производились ротами саперные работы и неслась сторожевая служба; в свободное от работ время роты обучались рассыпному строю по программе, выработанной командиром полка. Иногда японцы обстреливали наших рабочих слабым артиллерийским огнем, не приносящим потерь.

Погода преимущественно стояла сухая и ветреная, с теплыми солнечными днями и прохладными лунными ночами, и лишь под конец месяца появились заморозки, доходившие ночью до - 3-4° R., и даже однажды выпал мелкий снежок.

Офицеры и часть солдат разместились в оставленных китайцами просторных глинобитных фанзах, для остальных же людей были разбиты палатки, снабженные очагами и плотно обложенные сверху снопами гаоляна, так что в них было достаточно тепло.

Развившиеся было в сентябре острые болезни прекратились, если не считать 5 случаев за весь октябрь брюшно-тифозных заболеваний.

Пища и вообще все виды довольствия нижних чинов поднялись на должную высоту.

Теперь солдаты ни в чем не терпели нужды, получая с избытком все то, что им полагалось. Пресловутая водица, заменявшая прежде ужин, отошла в область преданий. В походных кухнях утром и вечером варилась прекрасная пища, обильная и питательная. Чай и сахар выдавались в достаточном размере, а кипячение воды не встречало затруднений, так как необходимой для сего посуды, а также топлива, было много. Качество хлеба несравненно улучшилось, и он отпускался в строго [88] установленном количестве. Теперь не было отговорок и сомнительных причин невозможности доставки съестных продуктов, ибо зоркий глаз командующего полком неустанно следил за всеми деяниями хозяйственной части. В этом отношении князь Амилахори был в особенности строг и взыскателен. День и ночь

работал он для полка и требовал того же от своих подчиненных. Все свои силы и энергию он отдавал простому, серому солдату, которого любил всюю душою. Жестоко и беспощадно платился тот, кто позволял себе чем-либо обидеть несправедливо нижнего чина или же не позаботиться о его благосостоянии.

Внутренняя жизнь полка резко изменилась.

Угрюмый прежде солдат смотрел теперь весело и молодецкато, с сознанием собственного достоинства.

Между начальниками и подчиненными установилась прочная духовная связь, основанная на взаимном доверии и честных стремлениях на пользу общего дела. На ответственную должность заведывающего хозяйством командиром полка был назначен дельный и опытный капитан Гуминский. Были еще и другие перемены в хозяйственной и строевой части, много содействовавшие поднятию как материальных, так и боевых качеств полка. К тому же, в середине октября, прибыли на укомплектование, по назначению командующего армией, два штаб-офицера и четырнадцать обер-офицеров, большинство которых своими способностями, энергией и храбростью оказало полку ценные услуги.

В период стоянки батальонов в этой местности со стороны китайцев, в ответ на наше дружелюбие и гуманность, наблюдались враждебные отношения, [89] выражавшиеся нередко в весьма грубой форме. Однажды, когда один из батальонов вышел на несколько часов из занимаемой им деревни на саперные работы и оставил без охраны оборудованные нами для жилья фанзы, китайцы, воспользовавшись временным отсутствием батальона, произвели в помещениях полное разрушение: оконные рамы и двери были унесены, нары поломаны, очаги уничтожены, словом, свойственное китайцам варварство разыгралось вовсю.

Последствием подобных отношений явилось массовое выселение китайцев из деревень. Эта мера была необходима еще и потому, что китайцы неоднократно перебежали к японцам и шпионили.

15-го октября получилось приказание начальника дивизии о выступлении 4-го батальона в деревню Чжаньцзяфань, на поддержку конного отряда генерала князя Орбелиани, расположенного у деревни Чжаньтань, на берегу р. Хуньхэ.

Батальон, под начальством капитана Барановского, выступил в 7 часов утра, и на биваке осталось всего два батальона, 1-й и 2-й.

25-го октября, около 12 часов дня, по приказанию командира корпуса, 1-й и 2-й батальоны были отправлены через деревни Пендианцза, Ланьшаньпу, Сюендинодзя в деревню Тачжуанхэ, где находились донские казаки 2-й сводной казачьей дивизии, только что оттеснившие японцев. Казаки нуждались в поддержке пехоты, и потому батальоны, придя в де ревню Тачжуанхэ, немедленно двинулись на указанную адъютантом штаба казачьей дивизии позицию, но между деревнями Сумотдай и Уандуинцза они были остановлены и возвращены в деревню Тачжуанхэ, [90] в виду того, что начальник 2-й сводной казачьей дивизии передал, что в пехоте не нуждается и что батальоны свободны. Пришлось вернуться на старый бивак, сделав бесцельный переход в 25 верст. Здесь батальоны простояли только одни сутки, а затем перешли в деревню Сентансы, в отряд генерала Грекова.

## **ХII.**

### **Дело штабс-капитана Андронникова.**

4-й батальон, ушедший в отряд князя Орбелиани, расположился биваком в деревне Туаньпуза.

25-го октября, в 7 часов утра, капитан Барановский получил от начальника отряда

приказание выслать от батальона три роты для защиты брода у деревни Чжаньтань, так как заставы Оренбургского полка вытеснены японской пехотой и кавалерией с левого берега реки Хуньхэ, за деревней Чжаньтаньхинань. Согласно сего приказания, 13-я, 14-я и 15-я роты, под общей командой штабс-капитана Андронникова, были высланы к реке Хуньхэ, при чем 14-я рота, под командой поручика Трофимова, осталась в прикрытии к конной артиллерии, а 13-я и 15-я роты заняли позицию на берегу реки, у брода, за песчаными буграми, поросшими мелким кустарником. Роты зарылись в песок, выжидая переправы через реку японцев, разьезды которых завязали уже перестрелку с нашими казачьими постами. Тусклый день, ветренный и холодный, застилался облаками пыли, носившейся в воздухе. Около 12 часов дня у рощи деревни Чжаньтаньхинань стали [91] стягиваться значительные пехотные и кавалерийские силы противника. Вскоре эскадрон японской кавалерии и около двух батальонов пехоты повели цепями наступление к берегу, при поддержке ружейным огнем из деревни Чжаньтаньхинань, где около роты японцев, взобравшись на крыши фанз, открыли пачечную стрельбу по нашим казачьим частям, находившимся правее 13-й и 15-й рот, у деревни Чжаньтань.

Штабс-капитан Андронников, определив удачно расстояние, открыл ротами залпы в пределах 1400-1700 шагов, приказав одной полуроте обстреливать исключительно деревню Чжаньтаньхинань. Японцы отвечали также залпами, но их огонь поражал наши казачьи части, роты же так хорошо себя замаскировали, что противник не мог их заметить. Меткий огонь 13-й и 15-й рот не допустил японцев к реке, и они скоро принуждены были отступить с большими потерями. Тогда князь Орбелиани, по просьбе штабс-капитана Андронникова, приказал взводу конной артиллерии подъехать к пехотной позиции и обстрелять отступавших японцев.

Когда японцы скрылись, Оренбургский казачий и Терско-Кубанский полки переправились на ту сторону реки и заняли без сопротивления деревню Чжаньтаньхинань, а от рот были вызваны охотники для поджога семи мачтовых японских шаланд, находившихся левее брода и прикрываемых ружейным огнем противника, державшегося на левой стороне реки Хуньхэ, недалеко от деревни Чжаньтаньхинань. Под командой подпоручика д'Андре, нижние чины 13-й роты: старший унтер-офицер Петр [92] Уразов, младшие унтер-офицеры Григорий Кондаков и Михаил Ковшаров и рядовые Прокофий Смирнов, Григорий Ильичев, Федор Урядов, Иван Зимин, Иван Солдаткин и Андриан Дмитриев, перешли вброд реку и подожгли шаланды. Раздался сильный взрыв, и облако огня и дыму вырвалось из двух шаланд, нагруженных, как оказалось, огнестрельными припасами. Японцы не сумели защитить своего имущества, до позднего вечера пожираемого огнем. Охотники, отлично выполнив возложенную на них задачу, благополучно возвратились к ротам.

В 6 часов вечера, по приказанию начальника отряда, две роты отошли на ночлег в деревню Туаньпуза, а одной роте было приказано остаться на позиции и наблюдать за бродом.

За молодецкое дело, воспрепятствовавшее переправе на наш берег японцев и заставившее их покинуть деревню Чжаньтаньхинань, князь Орбелиани благодарил офицеров и нижних чинов и отличившихся представил к наградам.

### **XIII.**

#### **В отряде генерала Грекова.**

27-го октября, в 11 часов утра, 1-й и 2-й батальоны вместе с обозом 1-го разряда двинулись через деревни Пейдианца-Сяосудяпу-Ланьшаньпу в деревню Сентансы, на присоединение к

отряду генерала Грекова. В 5 часов вечера батальоны прибыли к месту новой стоянки, сделав переход в 17 верст по хорошей дороге и при теплой солнечной [93] погоде. Люди расположились в фанзах, пообедали и отдохнули.

Ночь прошла спокойно; даже сторожевого охранения от полка не выставлялось, потому что впереди находились казачьи посты и разъезды.

Утром 28-го октября, по приказанию генерала Грекова, 1-й батальон был выдвинут ближе к передовой линии противника и разбит по деревням Сехантайцзы, Утяза и Цзеуэрпу. Роты выставили на окраинах деревень заставы и посты, связь между которыми держалась казачьими разъездами. Расстояние между нашими и японскими деревнями было настолько невелико, что на ровной, открытой местности простым глазом можно было ясно различать расположение противника.

В ночь с 29-го на 30-е партия наших разведчиков проникла через японское сторожевое охранение к деревне Сандиоза, обнаружила несколько орудий у деревень Хегоутай и Вандиоза и скрытно, без выстрелов, вернулась назад, а ночью 31-го была произведена разведка неприятельских окопов, возведенных западнее деревни Сяотантай, которая выяснила, что у противника имелись в этом месте форты сильной горизонтной профили.

Вообще, с переходом в отряд генерала Грекова и с занятием полком передовых позиций, добровольным разведкам дан был самый широкий простор, и они производились почти ежедневно, по инициативе командира полка. Самая организация разведок, приносящих отряду несомненную пользу, принадлежала, помимо командира полка, целой группе молодых, энергичных офицеров, недавно прибывших в полк. [94]

Среди этой группы следует отметить имена подпоручиков Лебедева, Сазонова и прапорщика Розова. Смелые и предприимчивые, с честными, благородными порывами, они всецело и беззаветно отдались самому опасному делу, отыскивали среди солдат способнейших и храбрейших людей и вместе с ними произвели целый ряд блестящих разведок, вызвавших восторг всего отряда.

Об этих разведках поговорю ниже, а теперь вкратце опишу предполагавшуюся атаку деревни Питхайцзы, занятую японской пехотой и кавалерией.

В ночь с 1-го на 2-е ноября командир полка, будучи начальником авангарда (1-й батальон и казаки), получил приказание от генерала Грекова произвести утром 2-го ноября поиск неприятельских деревень Питхайцзы, Хоонда, Тиньянтунь и Фудядуанцзы. Лично командиру полка дана была задача атаковать 1-м батальоном и взять деревню Питхайцзы, предварительно подготовив атаку артиллерийским и ружейным огнем.

2-го ноября, рано утром, командир полка передвинул две роты, расположенные в деревне Сантхайцзы, в деревню Утяза, где в то время находились 1-я рота полка, 4-я сотня 11-го и взвод 5-й сотни 12-го Оренбургских казачьих полков. По просьбе князя Амилахори, признававшего вверенный ему отряд очень слабым для успешного выполнения возложенной на него задачи, генерал Греков прислал в подкрепление еще две роты 2-го батальона, 5-ю и 6-ю.

В 11 часов 45 минут утра 11-я конная батарея, под командой капитана Сварика, заняла позицию у восточной окраины деревни Утяза, открыла огонь [95] по деревне Питхайцзы и подожгла две неприятельских фанзы.



капитана Ананьина. 4-й сотне охранять правый фланг, взводу 5-й сотни - левый фланг. 1-я и 4-я роты составляют резерв, под начальством капитана Малахова.

4. Патронным двуколкам находиться при батальонном резерве.

5. Заместители: войсковой старшина Михайлов и капитан Малахов.

6. Перевязочный пункт в деревне Сехантайцзы.

Под видом выноса раненых никому из строя не выходить».

Роты в боевом порядке вышли из деревни и повели наступление, поддержанное огнем нашей батареи. К удивлению всех, ни одного выстрела со стороны японцев не последовало. В 1400 шагах от атакуемой деревни роты остановились. Японцы по-прежнему упорно молчали. Это побудило войскового старшину Михайлова выслать вперед казацки разезды, которые дошли до деревни Питхайцзы и выяснили, что она оставлена японцами. Без боя и даже без выстрела вошли туда роты и казаки.

По уничтожении возведенных японцами окопов и искусственных препятствий, отряд, согласно полученного приказания, вышел из деревни Питхайцзы с тем, чтобы вернуться в деревню Утяза. Но едва только 5-я и 6-я роты, составлявшие правый фланг отряда, начали отступать, как японцы открыли по [97] ним пулеметный огонь из деревни Сандепу. Роты, не отвечая на неприятельский огонь, медленно, без потерь, отошли к деревне Утяза, под прикрытием высланных в сторону противника дозоров.

Поиск деревни Питхайцзы, носивший исключительно разведывательный характер и при том нисколько не связанный с общими операциями отряда, был предпринят, во-первых, с целью встревожить неприятеля, во-вторых, определить его боеспособность, силы и расположение в данном месте, а потому роты, не имея намерения оставаться в занятой деревне, немедленно отступили.

Ночью 7-го ноября десять человек охотников, под командой унтер-офицера 5-й роты Самсона Щетинина, подкрались очень близко к японским деревням и подняли тревогу. Японцы обстреляли охотников, но те успели убежать.

В ночь с 8-го на 9-е ноября тот же унтер-офицер Щетинин взял команду охотников и пробрался с нею в тыл сторожевого охранения противника у деревни Ябутай. Сам Щетинин с рядовым 5-й роты Матвеем Симашко и с одним еще казаком Оренбургского войска подкрались к японскому посту и были готовы уже броситься на часового, но тот оглянулся и увидел охотников. Тогда Щетинин в два прыжка очутился у часового и нанес ему удар штыком. Японец закричал. В ту же минуту подоспел рядовой Симашко и нанес второй штыковой удар японцу, а казак выхватил у него ружье. Остальные люди японского поста, услышав шум, обстреляли наших смельчаков, но охотники ловко скрылись, при чем Щетинин, отличавшийся всегда поразительным хладнокровием [98] и редкой отвагой, измерил шагами расстояние от наших позиций до японской деревни. За молодецкую разведку все три охотника были награждены знаками отличия военного ордена.

К 9-му ноября, по приказанию начальника западного отряда, в деревню Сентансы пришел 3-й батальон с 588 запасными нижними чинами, присланными на укомплектование полка.

С этого дня три батальона полка - 1-й, 2-й и 3-й, действовали совместно; 4-й же батальон оставался сначала в отряде князя Орбелиани, а затем перешел в отряд генерала Косаговского, куда впоследствии был переведен весь полк.

9-го ноября генерал Греков приказал произвести вторично разведку деревни Питхайцзы, для чего было вызвано от полка 100 человек охотников при двух офицерах, подпоручике Лебедеве и прапорщике Розове.

Глубокой ночью, когда все спало и лишь одни посты да дозоры, наши и

неприятельские, молчно оберегали покой своих частей, охотники бесшумно выступили из деревни Утяза.

Белая ночь, окутанная дымчатым туманом, была так тиха, что всякий шорох, всякий слабый звук явственно раздавались в морозном воздухе.

Луна еще не скрылась. Бледный свет ее серебрил волны тумана и необъятную равнину с разбросанными повсюду китайскими деревушками, темными силуэтами выплывавшими из тумана. Нужно было много опытности, внимания и осторожности, чтобы в такую ночь целой сотне людей скрытно пробраться к противнику. [99]

Охотники разделились на три партии. Десяток людей короткой цепью тронулся в путь, за ним последовала вторая партия, а сзади, в три шеренги, - резерв. Впереди всех шли подпоручик Лебедев, прапорщик Розов и неутомимый разведчик, унтер-офицер Щетинин, держа направление. Двигались медленно, часто останавливались и прислушивались. Люди спотыкались о торчавшие в бороздах острые колючки срезанных стеблей гаоляна. Легкий треск сухих стеблей мог обнаружить движение разведчиков, но, на наше счастье, японцы беззаботно спали. Да и кому придет в голову, чтобы чья-либо дерзкая мысль решилась в такую ночь на серьезное предприятие. Но вот перед охотниками вырастает японская деревня, обрисовываются отдельные фанзы, валы и степы.

В одной из фанз, через бумажное, промасленное окно, светится огонек.

До ближайшей стены осталось не более 50-ти шагов.

Жутко.

Прапорщик Розов отделяет 70 человек и идет с ними на левый фланг деревни, к освещенной фанзе, а подпоручик Лебедев с 30 охотниками отправляется на правый.

Кругом ненарушимая тишина.

Команда подпоручика Лебедева подкрадывается к стене.

Ворота открыты настежь, за ними несколько фанз, а тут, у стены, длинные сараи, наполненные лошадьми.

Что делать? Войти ли во двор?

Быть может, там засада - и тогда все кончено. [100]

Вдруг вдали, на левом фланге, грянул ружейный выстрел, потом другой, третий...

Прапорщик Розов вплотную столкнулся с японским дозором, выходящим из фанзы. Сначала японцы приняли охотников за своих и окликнули их, но затем, узнав, в чем дело, бросились бежать.

Прапорщик Розов выхватил из кобуры револьвер и на месте убил одного дозорного, другого тут же ранил, а третий был задержан охотниками и взят в плен.

Выстрелы разбудили японцев.

Поднялась суматоха.

Японцы повыскакивали из фанзы, окруженной нашими охотниками.

Человек пять японцев, сраженных нашими пулями, упали мертвыми, другие в панике разбежались.

Забрав одну лошадь, уцелевшую от выстрелов, две винтовки и пленных, прапорщик Розов двинулся с охотниками в глубь деревни, но, услышав там сильную перестрелку, часть команды расположил за стеной, для обстрела выбежавших из деревни японцев, с частью же пошел на выстрелы.

Тем временем подпоручик Лебедев, пробираясь с командой во двор, был встречен залпом японцев, стрелявших из окон фанз. Охотники лихо ворвались в импаны. Встревоженный противник со всех сторон открыл по ним беспорядочный ружейный огонь, а из-за стен



полетели на команду камни, кирпичи, палки. Команда не растерялась, дала два-три дружных залпа, выбивших японцев из импаня, и бросилась на них в штыки. Переколов часть метавшихся, как в угаре, японцев, [101] охотники перебежали импань, обстреляли улицу, кишевшую обезумевшими толпами противника, и возвратились в импань, но здесь японцы снова дали залпы, а из фанзы выбежал японский офицер и хотел сесть на оседланную лошадь. Пуля, пущенная подпоручиком Лебедевым, убила его наповал. После новых метких залпов, совсем расстроивших японцев, охотники отвязали несколько неприятельских лошадей и начали отступать, преследуемые ружейным огнем. Немного погодя, подпоручик Лебедев, обеспокоенный судьбой прапорщика Розова, остановился. Чтобы дать знать о себе товарищу, он приказал команде запеть песню. Весело и дружно разнеслись по полю звонкие голоса солдат. Японцы, думая, вероятно, что к нам прибыло подкрепление, прекратили стрельбу.

Прекрасно воспользовался находчивостью Лебедева прапорщик Розов и быстро присоединился к нему со своими людьми.

Торжественно и счастливо, на японских лошадях и с пленными, возвратились охотники в деревню Утыза.

Князь Амилахори, не спавший всю ночь и с тревогой поджидавший охотников на окраине деревни, не скрыл своей сердечной радости, когда увидел всю команду здоровой и невредимой. Горячо благодарил он молодцов охотников, улыбаясь и говоря:

- Ваше славное дело будет боевой памяткой нашего полка и поднимет дух нашего солдата. Мое старое сердце радуется при виде таких молодцов, храбрых и надежных. Спасибо, большое вам спасибо за все. [102]

В числе трофеев охотники доставили двух пленных японцев, 7 лошадей с седлами и вьюками, 4 винтовки, около 1000 патронов и много разных писем и бумаг.

В деревне Питхайцзы насчитывалось до 150 человек японцев, из которых 30 человек было ранено и убито. Кроме того, охотники перестреляли до 70-ти неприятельских лошадей.

В ночь с 11-го на 12-е ноября рота японцев напала на наши заставы, силою в 60 человек. находившиеся в деревне Пуансынтунь, под начальством подпоручика Казанского. Заставы отразили нападение. но японцы залегли вблизи деревни и начали обстреливать ее. До самого рассвета шла перестрелка между нами и японцами, которые всеми силами стремились проникнуть в деревню, однако, всякий раз отбивались огнем застав. На рассвете из соседней деревни, по собственной инициативе, прискакала сотня донских казаков и помогла подпоручику Казанскому рассеять противника, без потерь с нашей стороны.

В течение последующей недели все обстояло спокойно. Ни мы, ни японцы не проявляли никаких активных действий. Производились только почти каждую ночь полковые разведки, выяснявшие постепенное усиление против нас боевой линии противника. Главное и постоянное участие в разведках принимали нижние чины: старшие унтер-офицеры: Самсон Щетинин, Алексей Панков, Алексей Кулев, младший унтер-офицер Федор Кузьмин, ефрейторы: Алексей Разубаев, Денис Наумов, Леонтий Симашко и рядовые: Филипп Оноприенко, Трофим Скрипченко, Семен Рябов, Василий Мосейков и Петров. [103]

Это были виртуозы-разведчики. Доставляемые ими сведения отличались всегда правдивостью и точностью, и не было поручения, которого они не выполняли бы великолепно.

Само собой разумеется, что ревностная служба разведчиков не оставалась неознаграждаемой начальством. Командир полка тем или иным способом выделял хороших, испытанных солдат, назначая их большею частью на ответственные должности в ротах, где

они являлись дельными воспитателями неопытных нижних чинов, давая им настоящую боевую подготовку.

В отряде генерала Грекова, как и в отряде генерала Столица, местное китайское население относилось к нам довольно враждебно. Бывали случаи вооруженного нападения китайцев на одиночных солдат. Поэтому и здесь приходилось прибегать к выселению китайцев и, вообще, принимать против них различного рода репрессивные меры.

В ночь с 19-го на 20-е ноября из сторожевого охранения, выставленного у деревни Утыза, было замечено, шагах в 400 впереди постов, движение какой-то колонны. Секрет, распознав в темноте крадущихся японцев, силою не менее роты, дал по ним залп и сам отошел к деревне. Находившаяся в охранении 8-я рота, под командой штабс-капитана Асилова, вышла из деревни навстречу наступающему противнику и открыла по нем сильный ружейный огонь.

С криком «банзай» бросились японцы на роту, но та, отступив за деревню, залегла во рву и вновь открыла учащенный огонь. Японцы вбежали в деревню, [104] засели за фанзами и оттуда продолжали обстреливать нашу роту.

Несколько фанз, подожженных противником, осветили деревню.

Положение штабс-капитана Асилова сделалось затруднительным.

Огонь осветил роту, а японцы, скрытые за фанзами, с остервенением засыпали ее пулями. К счастью, в эту минуту на помощь подоспела полурота 6-й роты, и японцы дружным натиском были выгнаны из деревни и преследовались нашим огнем.

В то же время такому же нападению другой роты противника подверглась и деревня Цзеуэрпу, но там японцев в деревню не допустили, отбив их атаки ружейным огнем.

За эту ночь мы потеряли убитыми 2-х нижних чинов и ранеными 4-х.

Итак, если разведка противника и увенчалась на половину успехом, то, во всяком случае, она стоила ему очень дорого: японцы потеряли около 30-ти человек убитыми и ранеными.

Вечером 20-го ноября была произведена конно-артиллерийская разведка деревень Питхайцзы, Сяосуза, Сандепу, под начальством командира 11-й конной батареи, капитана Сварика, и при участии подпоручика Лебедева, вольноопределяющегося Вольского и двадцати нижних чинов полка.

Разведчики пробрались в район японских деревень и обнаружили местонахождение артиллерии в деревне Сандепу и расположение сторожевого охранения противника.

Днем 23-го ноября подпоручики Лебедев, Сазонов и прапорщик Розов с нижними чинами, старшим [105] унтер-офицером Панковым и рядовым Оноприепко, приблизились к занятой японцами деревне Сяосуза и, под выстрелами противника, определили окопы и сторожевое охранение у деревни Сандепу, а вечером те же охотники, взяв с собой еще небольшую партию нижних чинов, пробрались к деревне Сандепу, зажгли там две фанзы и запасы фуража и без потерь вернулись назад.

В ночь со 2-го на 3-е декабря сто человек охотников, под начальством подпоручика Богдановского и при участии подпоручиков Лебедева, Сазонова и Любимова, пытались еще раз разведать деревню Питхайцзы, но, когда они подошли к неприятельской деревне, оттуда был открыт такой сильный огонь, что разведчикам пришлось поспешно отступить.

В ночь с 6-го на 7-е декабря партия охотников в 60 человек, с 6-ю казаками-саперами,

под начальством подпоручика Любимова, подкралась к окопам японской деревни Тиньянтунь и взорвала пироксилиновыми шашками часть окопов. Японцы сильным перекрестным ружейным огнем, открытым с трех сторон, принудили команду отступить. В этой разведке были ранены: фельдфебель 5-й роты Иван Сиротин, оставшийся в строю и награжденный знаком отличия военного ордена 4-й степени, и рядовой 3-й роты Имухаметдинов.

С утра 12-го декабря команда наших фуражиров отправилась за добычей чумизы, скирдами сложенной китайцами на поле между нашими и японскими деревнями. Противник обстрелял фуражиров пулеметным огнем, но, несмотря на это, фураж был доставлен и потерь с нашей стороны не было. [106]

Вечером японцы открыли орудийный огонь из деревни Сандепу по отряду генерала Косаговского, расположенному правее нас, за рекой Хуньхэ. Командир полка, как начальник авангарда, в свою очередь, приказал 2-м орудиям артиллерийской батареи обстрелять деревню Сандепу. Вскоре перестрелка эта, не принеся нам вреда, стихла.

Ночью мелкие партии неприятельских разведчиков подходили к нашим передовым деревням, но везде были отбиты.

В период пребывания батальонов в отряде генерала Грекова, происходило постепенное пополнение полка запасными нижними чинами. Всего за ноябрь и декабрь месяцы в полк прибыло 2683 нижних чина. Почти все они имели валенки, полушубки и папахи, следовательно, были достаточно предохранены от наступивших уже морозов, которые по ночам в декабре доходили до 17 и даже до 20° R.

Не дремали и японцы. Подкреплялись и они от времени до времени свежими войсками, преимущественно резервными, вооруженными винтовками с медными пулями.

Но батальонам недолго оставалось пробывать в отряде генерала Грекова.

По приказанию командующего 2-й маньчжурской армией, генерала Гриппенберга, полк перемещался на крайний правый фланг боевого расположения наших войск, в отряд генерала Косаговского.

17-го декабря, в 10 часов утра, 1-й и 2-й батальоны выступили из деревни Сентансы и направились в деревню Туанту, оставив 3-й батальон в авангарде в деревне Тоутайцзы. [107]

После 20-ти-верстного перехода, 1-й батальон в 7 1/2 часов вечера расположился в деревне Пейнтай а 2-й батальон и штаб полка - в деревне Туанту.

К 7 часам вечера, 18-го декабря, подошел и 3-й батальон и занял соседнюю деревню Синьюпао; 4-й же батальон, еще ранее переведенный в отряд генерала Косаговского, занимал сторожевое охранение у деревни Хаумахулинца.

Все четыре батальона разместились в просторных фанзах, предоставленных в наше распоряжение китайцами, которые встретили нас здесь очень дружелюбно и доверчиво.

#### **XIV.**

##### **Полковые охотничьи команды в делах с японцами.**

По приказанию начальника 54-й пехотной дивизии, пешая полковая охотничья команда, под начальством подпоручика Гогина, в середине октября была временно откомандирована от полка и заняла сперва деревню Сантайцзы, а потом деревню Шоуялинца, подчинившись начальнику штаба дивизии.

В ноябре месяце команду принял поручик Сперанский, а подпоручик Гогин был назначен начальником сформированной к тому времени конной охотничьей команды, занявшей деревню Вучжанин.

В течение пяти месяцев пешая команда состояла при дивизии и в боевом отношении ничего общего с полком не имела, конная же команда присоединилась к полку 28-го декабря в деревне Хаумахулинца. [108]

Находясь на передовых позициях, команды несли сторожевую и разведочную службу, предпринимали рекогносцировки неприятельских деревень и постоянно вели мелкие стычки и перестрелку с передовыми неприятельскими частями, расположенными у деревень Чанлинпу, Уанчжуанцзы, Пхаоцзыян, Малый Вучжанин и друг.

Серьезных столкновений было мало.

Так, в ночь с 19-го на 20-е октября две роты японцев атаковали сопку вблизи деревни Вучжанин, но были отбиты пешей командой.

Сильная ружейная перестрелка продолжалась более часу, после чего японцы, расстроенные огнем команды, скрылись.

В ночь с 9-го на 10-е ноября пешая команда, совместно с командой Мокшанского полка, атаковала и выбила заставы японцев из деревни Пхаоцзыян, захватила ценные неприятельские документы и сожгла деревню, потеряв раненым одного нижнего чина, ефрейтора Дмитрия Голубева.

В ночь с 20-го на 21-е декабря пешая команда, совместно с командой Мокшанского полка и саперами, атаковала деревню Малый Вучжанин, вытеснила оттуда японцев и взорвала пироксилиновыми шашками стены с бойницами, блиндажи и фанзы, из-за которых противник всегда обстреливал нас ружейным огнем.

За это дело команда удостоилась благодарности начальника дивизии, объявленной в приказе от 21-го декабря 1904 года за № 96:

«В ночь на 21-е сего декабря сводно-охотничья команда 214-го Мокшанского и 215-го Бузулукского [109] пехотных полков произвела молодецкий захват Малого Вучжанина, с целью разрушения той части деревни, укрываясь за коей неприятель уже давно и назойливо стреляет по нашим позициям, выводя из строя человека за человеком. Не кривя душою, скажу: и план нападения отлично задуман, и выполнен с отвагой. В результате неприятель бежал; фанзы, блиндажи и стенки с бойницами взорваны. Вернувшийся обратно японский отряд напоролся в деревне на два фугаса. Наконец, этой разведкой мы убедились, что Малый Вучжанин с юга не имеет искусственных заграждений.

Горжусь столь удачным делом наших охотников. От лица службы благодарю подпоручика 214-го пехотного Мокшанского полка фон-Бонина, 4-го Заамурского саперного батальона поручика Сидорина и 5-го Восточно-Сибирского саперного батальона прапорщика Чиликина за проявленную инициативу и умелое руководство трудной задачей. Зауряд-прапорщиков 215-го пехотного Бузулукского полка Холодова и 214-го пехотного Мокшанского полка Шалимова сердечно благодарю за умелое и отважное исполнение данных им поручений; сердечное спасибо молодчикам охотникам, мокшанцам, бузулукцам и саперам, а во главе их и фельдфебелю Цепилову за отвагу; желаю им и впредь так же лихо работать. За Богом молитва, за Царем служба не пропадает.

Подлинный подписал командующий дивизией,  
генерал-майор Артамонов»

23-го декабря, в 8 часов утра, несколько охотников конной команды оправились на фуражировку [110] вблизи деревни Вучжанин. Японцы, заметив охотников, обстреляли их, но потерь не нанесли.

По прекращении огня, рядовой Буянов вызвался добыть сложенную копнами чумизу в 400 шагах впереди деревни Вучжанин, приблизительно на половине расстояния между нашими и неприятельскими позициями. Когда он подошел к окопам, то недалеко увидел воткнутую в землю палку с белым флажком. Он сорвал его и оказалось, что это был большой плотный лист бумаги, сложенный вчетверо и весь исписанный и разрисованный.

Свою находку Буянов представил начальнику команды.

На лицевой стороне листа четко и ясно было отлитографировано русским шрифтом воззвание к нашей армии с тремя рисунками внизу: на одном были изображены японцы и русские за общим столом, уставленным яствами и питьями, с надписью внизу. «Ура!»; на другом - православный храм, с надписью: «С новым годом» и на третьем - горящая елка, окруженная парами русских дам под-руку с японскими офицерами и наоборот; сверху рисунка надпись: «Христос воскрес!», внизу: «На елке!».

Привожу текст воззвания с сохранением его орфографии и стиля.

«Любезные друзья-солдаты русские.

Мы уже с год находимся с вами, к несчастью, во враждебном отношении, но такое положение дел не зависит от нас самих. Мы с искренним сердцем и глубоким сочувствием к вам поздравляем вас с предстоящим великим праздником «Христос [111] воскрес» и со следующим затем торжеством. Поздравляем вас с новым годом и желаем вам нового счастья. Мы думаем, вы все в эти праздничные дни с глубочайшим смирением и спокойствием сердца молитесь Бога за благополучие и долголетие свое и своего семейства. Мы относимся с большим сочувствием, поэтому-то, если вы, как настоящие христиане человеколюбивые, избегаете напрасного кровопролития, чего Всевышний ненавидит, и желаете справлять эти праздники с большим восторгом и спокойствием, попусту не стреляя из орудий и со ружей, то мы, честное слово, не будем стрелять, даем вам случай спокойно провести время вне всяких опасностей на чужбине в Маньчжурии.

Удобнейшие случаи упомянутые праздники предстоят перед вами, советуем вам воспользоваться оными. Как праздники, так и сопряженная с ними обстановка представляют вам большие удобства к переходу к вам, к добровольной сдаче нашей армии. Мы все встретим вас с большим радушием. Мы будем устраивать ради вас елку и будем же вместе обедать и следующий новый год будем встречать с общим довольством и с пожеланием благополучия на многие лета.

Многие из ваших братьев, любезные друзья, положили ружье, сдались нам и с довольством и спокойствием живут у нас вместе с нашими братьями. В позднейшее время все ваши товарищи по службе в Порт-Артуре сдались и передали нам порт-артурскую крепость; они ныне приняты у нас, как дорогие гости. Мы, в свою очередь, не желаем проливать с вами бесполезной крови; пользуетесь вы этим удобным случаем и без всякого опасения с [112] нашей стороны переходите к нам. Бог сохранит вас невредимыми и благословит вас.

Любящие и уважающие вас  
солдаты Великой Японской Армии».

Я остановился на этом воззвании потому, что японцы в ту пору распространяли его тысячами экземпляров по всему фронту армий и, видимо, надеялись таким путем посеять смуту в рядах наших войск, склонив их в свою пользу.

На самом же деле, результаты такой, довольно пошлой с военной точки зрения, пропаганды получались весьма не завидные: солдаты трунили над соблазнами врага и торжественно уничтожали или же припрятавали распространяемые листки «на память», не

вдумываясь особенно в их содержание.

Самостоятельные действия охотничьих команд, вечные разведки и рекогносцировки противника в связи с самым широким проявлением личной инициативы офицерами и нижними чинами воспитывали и закаляли последних в боевых качествах и, выдвигая индивидуальные способности каждого, позволяли лучшему элементу занять видное место в строю.

Из числа храбрых и опытных разведчиков выделялись: зауряд-прапорщик Холодов, унтер-офицеры: Григорий Баулин, Григорий Герасимов, Петр Белов, ефрейтор Дмитрий Голубев, и рядовые: Тимофей Тишкин и Алексей Баев, без участия которых не обходилось ни одно сколько-нибудь важное дело.

[113]

## **XV.**

### **В Ляохейском отряде генерала Косаговского.**

Ляохейский отряд, сконцентрированный у деревни Сыфантай, состоял из 215-го пехотного Бузулукского полка, двух батальонов 241-го пехотного Орского полка, 12 сотен и 10 рот пограничной стражи, 3-го Амурского казачьего полка, саперной роты 2-го Восточно-Сибирского саперного батальона, 5-й батареи 28-й артиллерийской бригады, батареи 4-го Восточно-Сибирского конного дивизиона, стрелковой батареи пограничной стражи и ближайшей целью своей имел охранение правого фланга маньчжурских армий.

20-го декабря 2-й батальон и штаб полка из деревни Туанту перешли в деревню Сыфантай. Отсюда от полка поочередно высылалось по одному батальону в соседнюю деревню Хаумахулинца для занятия линии сторожевого охранения отряда.

Стоянку у деревни Сыфантай следует признать во всех отношениях наилучшей за время походно-боевой жизни полка в Маньчжурии.

Здесь было много просторных и удобных фанз, в которых свободно поместились все роты полка. В деревне была устроена обширная полковая хлебопекарня, где, как для офицеров, так и для нижних чинов, выпекался прекрасный хлеб. Каждая рота имела свою отлично приспособленную баню. Китайские колодцы были вычищены и давали хорошую, чистую воду. [114]

Солдат кормили безукоризненно. На обед и ужин выдавалась вкусная и обильная горячая пища и, кроме того, чай и сахар.

Весь декабрь и начало января погода стояла солнечная, сухая.

Изредка выпадал снежок, но он быстро таял под теплыми лучами солнца. Бывали дни настолько теплые, что приходилось сбрасывать полушубок и ходить в легком пальто.

И только по ночам, особенно в сторожевом охранении, где выставлялись посты и заставы, холод заставлял сильно себя чувствовать.

Наступали, впрочем, временами и ненастные, холодные дни, но их было сравнительно очень мало.

Местность, занимаемая Ляохейским отрядом, и прилегающие к ней окрестности представляли из себя волнообразную равнину, с невысокими, местами песчаными сопками, буграми и оврагами. Китайские деревни с небольшими берестовыми рощицами, единственной здесь лесной растительностью, встречались весьма часто, почти через каждые три-четыре версты. Свободные между деревнями пространства были вспаханы под

гаоляновые, чумизные и т.п. поля, и на голой поверхности их в ту пору можно было всегда видеть одни лишь тщательно сложенные скирды гаоляна да чумизы.

Деревня Хаумахулинца, у которой выставлялся в сторожевое охранение очередной батальон, лежала в двух верстах впереди деревни Сыфантай. Противник занимал ряд деревень против Хаумахулинца, шагах в 200-х от нее, так что три батальона, свободных от сторожевой службы, могли [115] спокойно отдыхать, не опасаясь внезапного нападения японцев.

Рождественские праздники прошли мирно, при более или менее торжественной, насколько позволяла боевая жизнь, обстановке.

Японцы нас не тревожили.

24-го декабря в походной церкви-палатке полковым священником о. Иоанном Сергиевским была отслужена божественная литургия, на которой присутствовал весь полк.

На рассвете 29-го декабря подпоручик Ишков с 14 нижними чинами произвел из деревни Хаумахулинца первую в этом отряде разведку противника. Разведчики пробрались к неприятельской деревне Хуанлотоцзы, вошли в нее и осмотрели возведенные там окопы. Деревня казалась необитаемой. Охотники заключили, что она брошена японцами и, высмотрев все, что нужно, вышли из деревни и направились обратно по канаве, шедшей вдоль стены.

Когда охотники достигли канавой угла деревни, из-за стены, над их головами, раздались вдруг ружейные выстрелы. Японцы допустили в деревню наших разведчиков с предумышленной целью отрезать им путь отступления.

Подпоручик Ишков и фельдфебель 1-й роты Иван Лукаш были ранены. Команда, захватив с собой пострадавших, успела скрыться невредимой и скоро вернулась в полк.

Следующую разведку предприняли три мелких партии нижних чинов в ночь с 30-го на 31-е декабря. Охотники подкрались к неприятельским окопам, определили их величину и характер, не вызвав на себя огня противника. [116]

Вечером 30-го декабря, согласно распоряжению по Ляохейскому отряду, 4-й батальон и две роты 2-го батальона были переведены из деревни Сыфантай в деревню Хаумахулинца; штаб полка и околодок остались в деревне Сыфантай.

Заканчивая обзор военно-походной жизни полка за 1904 год, приведу краткие статистические данные о заболеваемости, смертности и потерях в боях наличного состава офицерских и нижних чинов полка со дня мобилизации по 1-е января 1905 года.

Общая заболеваемость выразилась следующими цифрами: офицеров заболело 13 человек, из них отправлено в лечебные заведения 9 человек (сюда включены два случая брюшного тифа, оба с благополучным исходом); нижних чинов заболело 2866, из них отправлено в лечебные заведения 400 человек; среди нижних чинов был 21 случай брюшнотифозных заболеваний, с одним смертельным исходом, 7 случаев дизентерии, из них все были отправлены в госпиталь, 1022 случая поносов, из них отправлено в лечебные заведения 65 человек, 381 случай перемежной лихорадки, из них отправлено в лечебные заведения 47 человек, 50 случаев сифилитических и 56 венерических закоренелых болезней, причем все больные отправлены в лечебные заведения, и 28 случаев острых заболеваний органов дыхания.

Среднее суточное состояние больных офицеров при части 0,21; нижних чинов 42,81. Общие потери полка за время боев и мелких стычек с противником выразились следующими цифрами: [117]

1) убито офицеров 6, нижних чинов 55;

- 2) ранено офицеров 20, нижних чинов 590;
- 3) без вести пропало офицеров 2, нижних чинов 237.

Вернулось из лечебных заведений раненых офицеров 3 человека, нижних чинов раненых 282 человека, больных 164 человека.

Ранения были большею частью пулевые, локализация всевозможная.

Перевозка раненых совершалась на лазаретных двуколках. Приспособления Яковлева, за неимением чего-либо лучшего, можно считать, по мнению врачей, удовлетворительными.

Относительно помощи в бою летучих отрядов Красного Креста, заключавшейся в накладывании повязок, замечу, что она была не вполне достаточна, в виду отсутствия у этих отрядов в большинстве случаев перевозочных средств, без которых транспортирование больных крайне затруднялось, чем объясняется преждевременная смерть раненых и именно таких, которые при лучшей постановке санитарного дела в действующей армии безусловно выздоровели бы.

К 1-му января 1905 года больных в лечебных заведениях состояло: офицеров 8 человек, нижних чинов 226 человек; раненых: офицеров 13 человек, нижних чинов 305 человек.

Санитарный персонал полка был полный. Каждый батальон имел одного врача, четырех ротных фельдшеров и одного медицинского фельдшера.

К 1-му января 5 человек фельдшеров числилось больными в лечебных заведениях, из них трое было ранено: один, Григорий Чихерев, в [118] бою 20-го августа, другой, Максим Алексеев, в бою 3-го октября, третий - по собственной оплошности, при разряжении пироксилинового патрона, 15-го ноября. В декабре было прикомандировано к полку 2 фельдшера от других частей и 1 прибыл вместе с партией запасных, назначенных на укомплектование полка. Должность старшего врача в полку занимал коллежский асессор Вячеслав Петрович Кочкин.

1-го января, в 10 часов утра, в церкви-палатке, разбитой в деревне Хаумахулинца, была отслужена полковым священником новогодняя обедня.

Офицеры и солдаты, построившись на площади у китайской кумирни, с обнаженными головами слушали богослужение, сопровождаемое стройным пением хора солдат.

Ясное голубое небо, тихое и теплое, почти весеннее утро, мирная в эту минуту деревенская обстановка - располагали к молитве, ласкали исстрадавшуюся душу. отгоняя ужасы войны.

Толпа мужчин-китайцев, жителей деревни, с любопытством собралась у своей кумирни, возле которой, как ни странно, благоговейно раздавались божественные слова Христа, и с напряженным вниманием прислушивалась и к голосу священника, и к плавному пению хора.

А в нескольких шагах от церкви, на опушке деревни, мирная картина как-то обрывалась суровой боевой действительностью: там наши заставы и посты несли свою тяжелую службу, бдительно наблюдая за противником.

Но японцы в этот день так же мирно и спокойно сидели в своих деревнях, точно не желая нарушать праздничного покоя своего врага. [119]

По окончании богослужения, солдаты разошлись по фанзам, а офицеры собрались в одной общей фанзе, чтобы чем Бог послал встретить новый год.

Туда вскоре явилась китайская депутация из пяти человек, принесшая с собой новогодние подарки русским.



Мы были в недоумении.

Мы не ждали такого внимания со стороны китайцев.

- Бери, бери, капитан... большой капитан... шанго (хороший) капитан. Моя капитана шибко (очень) любит... моя русский любит, - коверкал русские фразы один из членов депутации, раскладывая на столе фисташки, коробки сардин, яйца, груши.

Офицеры, поблагодарив китайцев, отказались от принятия подарков. Это смутило и даже обидело депутацию. Китайцы замялись, но потом вдруг все сразу опустили на колени и стали настойчиво упрашивать нас взять принесенное.

- Русские принимают подарки только за деньги, - объяснил китайцам один из офицеров, предлагая депутации пятирублевую бумажку.

- О-о!.. моя деньги не нада... моя не хочет деньги, - загорланила депутация, делая всевозможные жесты кулаками и кривляясь.

- Ну, тогда моя подарков не хочет, - передразнил офицер.

- Корошо, - согласились, наконец, китайцы: - твоя бери куш-куш (еда, пища), моя пятьсот копеек дай... пять рубли много. О-о, много!...

- Не хочешь, забирай подарки и уходи.

- Нет, нет. Куш-куш твоя. Китайца бери деньги - пять рублей... Тауси (благодарю). капитан. Много, много шайго капитан!.. [120]

С чувством глубокой признательности китайцы еще раз опустили на колени и затем удалились.

Подкупающее с наружного вида добродушие желтолицых сплошь и рядом скрывало самое гнусное коварство к русским. Неоднократно преданные нам, как казалось, китайцы незаметно исчезали из деревень, дезертировали к японцам и шпионили.

Подобные случаи были и в отряде генерала Косаговского, но о них скажу ниже.

Первые три дня января не внесли никаких перемен в спокойную жизнь полка.

В ночь с 3-го на 4-е две партии наших охотников, одна в 16 человек, под начальством подполковника Козлова, другая в 110 человек, под начальством подпоручика Сазонова, произвели разведки неприятельских деревень Ченнантайцзы и Хуанлотоцзы. Партия подполковника Козлова проникла в деревню Ченнантайцзы, подожгла 13 скирд гаоляна, забрала сажень дров, лошадь и осла и благополучно возвратилась назад. Видимо, противник вышел на время из этой деревни, ибо охотники осмотрели все фанзы совершенно беспрепятственно, не встретив ни одного японца.

Партия подпоручика Сазонова разведала деревню Хуанлотоцзы, где оказались японские заставы, не причинившие, однако, вреда нашим разведчикам.

5-го января, в 9 часов утра, я был назначен с полуротой в охрану двух поршневых орудий, поставленных левее деревни Хаумахулинца, за песчаным бугром. Когда я прибыл к орудиям, артиллерийские офицеры и солдаты рассматривали с бугра в подзорную трубу японские позиции. Туда же приехал командир полка, подполковник князь Амилахори. [121]

Взошел и я на бугор. Мы о чем-то говорили, вытянувшись во весь рост и представляя из себя великолепную мишень для противника. Но японцы обыкновенно не стреляли по деревне и приучили нас смело и открыто появляться на видных местах. Да и ружейной пулей, за дальностью расстояния, трудно было попасть в одиночных людей, а артиллерии у противника в передовых деревнях не было. Вдруг невдалеке что-то грохнуло и зажужжало с таким шумом, что мы инстинктивно бросились вниз с бугра и моментально скрылись за его гребнем. Страшный взрыв раздался позади наших орудий, и черное, как грозовая туча, облако пыли и дыму поднялось со взрытой шимозой земли.

Я мигом очутился у своей полуроты и рассыпал ее за невысоким земляным валиком. Вслед за первой шимозой полетела вторая и разорвалась тут же. Японцы более или менее правильно определили местонахождение нашей артиллерии и посылали сюда гранату за гранатой. В течение двух часов они обстреляли громадную площадь из двух орудий, нащупывая нашу артиллерию, но, благодаря отчасти искусному руководству князя Амилахори, передвигавшему по мере надобности нижних чинов в безопасные места, отчасти благодаря простой случайности, ни орудия, ни люди не пострадали. Только артиллерийские лошади были слегка оцарапаны осколками одной шимозы. Выпустив до 80 снарядов, японцы перенесли огонь на самую деревню, где каждая фанза была набита людьми. Однако, и там им не повезло: снаряды падали именно туда, где людей не было. Чтобы не открывать себя, наша артиллерия умышленно молчала, но, когда японцы обстреляли деревню, орудия [122] дали несколько метких залпов, принудивших неприятельскую артиллерию сняться и прекратить стрельбу, которая больше не возобновлялась.

Под шумок, так сказать, в разгар артиллерийской стрельбы противника, из среды наших друзей-китайцев мужчина и две женщины сделали попытку перебежать к японцам. Китайянки достигли бы своей цели, если бы пущенные вдогонку нашей заставой пули не свалили их как раз на полпути между деревней Хаумахулинцза и неприятельскими позициями.

Китайца-перебежчика нагнал наш дозор и захватил его живым.

Без сомнения, были еще тайные ночные перебежки, усмотреть и предупредить которые не было возможности.

В шпионстве китайцев виноваты, конечно, ни кто иной, как мы сами. Мы мирились с тем, что они живут вместе с нами на передовых позициях, все видят и все знают, и в редких случаях прибегали к выселению их.

Японцы же поступали иначе.

Во-первых, как говорят, жительство китайцев в передовых деревнях вовсе не допускалось; что же касается остальных деревень, то если в них и оставались полезные и надежные китайцы, за ними учреждался строжайший надзор и за проступок каждого китайца, помимо личной ответственности, отвечал головой староста деревни.

Вообще, японцы не церемонились с китайцами; мы же долгое время простодушно считали их дружественной нацией, очень поздно взвесив и оценив приносимое ими зло. [123]

6-го января, с утра, два наших орудия обстреляли партии японских рабочих, вышедших на постройку окопов у деревни Хуанлотоцзы. Орудия выпустили до 20 снарядов, - и противник прекратил работы.

Пользуясь хорошей погодой, укреплялись и мы. От полка ежедневно наряжалось несколько рот для устройства окопов, редутов, засек и волчьих ям с юга, юго-востока и юго-запада деревни Сыфантай. Работа, руководимая саперами, шла очень успешно; песчаная почва, слабо промерзшая, легко поддавалась нажиму лопаты. На засеки рубились деревья китайских рощ. Складки местности укрывали наши работы от взоров противника, который ни разу не обстрелял укрепляемые позиции.

В ночь с 8-го на 9-е января к постам, выставленным у деревни Хаумахулинцза, подкрались неприятельские разведчики. Несмотря на темноту и густой туман, противник был замечен с поста № 4, состоявшего из младшего унтер-офицера Савелия Зеленого и рядовых Аластиона Слободенюка, Герасима Трутака, Тимофея Фролина и Бугара. Пост, ни на шаг не

отступив, открыл по приближавшемуся цепью противнику частый ружейный огонь, поддержанный другими постами. Японцы отошли немного назад и ответили на наш огонь. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся около часу, после чего противник, не нанеся нам потерь, удалился.

11-го января полку было приказано перейти на 16 верст юго-западнее деревни Хаумахулинца. Утром батальоны двинулись через деревни Пиянпуцзы, Цьюто в деревню Матюенца, при чем 1-й батальон направился еще южнее, в деревню Сяодомынь. [124]

Погода резко изменилась.

Небо заволочлось свипцовыми тучами.

Поднялся холодный, свирепый ветер, сбивавший людей с ног и заносивший все пылью.

Мороз усилился.

Около 3-х часов пополудни, 12-го января, трем батальонам полка, переночевавшим в деревне Матюенца, было приказано продвинуться вместе с 2-й конной батареей и батальоном 241-го пехотного Орского полка в деревню Сяодомынь.

Этим маневром полк приблизился к занятой значительными силами противника и превосходно укрепленной деревне Мамыкай, которая лежала на три версты южнее деревни Сяодомынь.

По прибытии в эту деревню, 2-я конная батарея, под командой капитана Сварика, при содействии подошедшей сюда донской казачьей батареи, открыла по деревне Мамыкай редкий огонь.

Японцы не отвечали.

Двумя - тремя часами ранее ту же деревню, но с другой стороны - северо-западной, начала обстреливать артиллерия конного отряда генерал-адъютанта Мищенки, действовавшего правее нас верст на шесть.

С наступлением сумерек батареи замолкли.

Около 5-ти часов вечера в деревню Сяодомынь приехал генерал Косаговский и словесно приказал командиру полка немедленно атаковать и взять деревню Мамыкай, с целью обеспечения атаки генерал-адъютанта Мищенки с фланга, на деревню Локонто.

- Молодцы! - воодушевленно сказал князь Амилахори, обращаясь к полку, -сейчас нам придется действовать. Надеюсь, что вы оправдаете доверие и [125] желание Царя и отечества, которые с нетерпением ждут от своих дорогих детей радостной вести о победе. Порадуемте нашего Царя-батюшку и наших отцов и матерей победой, которая, помните, дается при одном уповании победить или умереть. Я верю в вас!..

Эти простые, сердечные слова обожаемого начальника покрылись единодушным взрывом энтузиазма:

- Постараемся, ваше сиятельство!..

4-й батальон, под командой подполковника Цесарского, и 5-я рота, под командой штабс-капитана Янышева, были оставлены в деревне Сяодомынь, в прикрытие к артиллерии, а 1-й, 2-й и 3-й батальоны, с батальоном Орского полка в резерве, повели наступление.

## **XVI.**

### **Атака деревни Мамыкай 12-го января.**

Черная, беспросветная мгла.

Воеет и свищет ветер на просторе пустынных полей, и под его леденящими порывами притаилась, замерла всякая жизнь.

Морозный воздух насыщен пылью.

Глаз не открыть, дышать нечем.

Две враждебные друг другу деревни - Сяодомынь и Мамыкай, разделенные трехверстным расстоянием, слились с окружающим мраком, затянулись туманом, и, как ни напрягай зрения, с двух шагов не увидишь ни той, ни другой.

В Мамыкае расположено несколько батальонов японской пехоты. [126]

Люди забились в теплые фанзы и коротают там время, а выставленные на окраинах деревни посты и заставы ежатся от холода.

Жестока, опасна и ответственна их служба в ненастную пору.

Того и гляди, что налетит невзначай вместе с бурным вихрем вражеский разъезд, либо подползет сумасбродная партия разведчиков и сотрет одинокий пост, не позволив ему даже пикнуть.

Посты настороже, но невыносимый холод и ветер притупляют бдительность, парализуют зрение и слух.

Люди кутаются в шинели и жмутся к стенам деревни, к скирдам гаоляна, забираются в канавы, лишь бы сколько-нибудь защитит себя от непогоды.

Из деревни Сяодомынь батальон за батальоном выступает Бузулукский полк. Звук шагов на мерзлой земле заглушается шумом и воем ветра.

Справа двигается 2-й батальон, под командой подполковника Святицкого, слева - 1-й батальон, под командой подполковника Козлова. 3-й батальон, под командой капитана Малахова, следует непосредственно за 2-м батальоном, составляя с батальоном Орского полка, под командой подполковника Лукинского, и командой саперов, под начальством подпоручика Малаховского, идущими за 1-м батальоном, общий резерв. Конная охотничья команда полка, под начальством подпоручика Гогина, охраняет правый фланг отряда, поддерживая связь с отрядом генерал-адъютанта Мищенко; левый фланг охраняет пешая охотничья команда, под начальством зауряд-прапорщика Самсона Щетинина, двигаясь впереди полка. [127]

Солдаты идут бодро; у всех приподнятое настроение, у всех осмысленная надежда на успех, внушенная князем Амилахори, который лично ведет свой полк в атаку.

Непроницаемая тьма замедляет движение. Батальоны часто останавливаются, чтобы определить правильность направления, поверить связь.

На половине пути полк переходит по льду небольшую речку с обрывистыми берегами, приток реки Хуньхэ.

Японцы близко.

Дозоры уже крадутся к валу Мамыкай.

- Цепь, стой! - тихо командует князь Амилахори. - Выслать охотников вперед!

- Цепь, стой! - шепотом передается приказание командира.

Люди останавливаются и пригибаются к мерзлой земле.

Пешая охотничья команда отделяется от полка и исчезает во мраке.

Длинный, выжидательный момент.

До вала неприятельской деревни не более 300 шагов.

Команда неслышно подходит к деревне, ложится шагах в тридцати, не доходя вала, и высылает вперед трех смельчаков для разведки окопов.

Ефрейтор Артемий Недовесов и рядовые Федор Павлинов и Гавриил Потапов подползают к валу, осматривают окопы и затем докладывают Щетинину, что японцев не

видно.

Правее, в углу окопов, светится в окне фанзы огонек. [128]

Щетинин берет взвод и направляется с ним к противоположному углу, прочие взводы остаются на месте.

Зайдя во фланг и расположившись в неприятельском окопе, начальник команды высылает в тыл той фанзы, где светится огонек, и которая одиноко стоит на окраине деревни, охотников: старшего унтер-офицера Демьяна Белого и рядовых Александра Веселова, Петра Тищенко, Леонтия Швеца, Егора Коломейцева и Афанасия Коваленко для того, чтобы те осмотрели эту фанзу.

Охотники прокрадываются к огню.

В фанзе окно выбито; внутри ее пылает костер, а вокруг него преспокойно греются японцы. Их двенадцать человек. Это люди ближайшего к нам поста противника.

Один из охотников прицеливается прямо в окно.

Грянул выстрел.

В безумной панике, бросив ружья, выбежали японцы из фанзы и нарвались на наших охотников, которые беспощадно перебили весь застигнутый врасплох пост.

Об этом немедленно доносится командиру полка. Последний отдает приказание поджечь одну из фанз и тем осветить местность.

Щетинин высылает вторую партию охотников из старшего унтер-офицера Василия Чеботкова, ефрейтора Анисима Сильдюгаева и рядовых Федора Павлинова и Герасима Астафьева, направляющихся к двум фанзам, стоящим отдельно и находящимся позади уничтоженного поста. [129]

Охотники в точности исполняют возложенное на них поручение.

Фанзы осмотрены, в них никого нет.

За этими фанзами начинается уже самая деревня, обнесенная высокой глинобитной стеной.

Смелчаки подходят к открытым воротам.

Ефрейтор Анисим Сильдюгаев перебегает улицу и бросается во двор первой попавшейся фанзы. С разбега он налетает на только что вышедшего из фанзы японца. Одним ударом штыка японец убит.

Тем временем старший унтер-офицер Василий Чеботков и рядовой Федор Павлинов закладывают под стропила фанзы пучки соломы, зажигают их, и гаоляновая крыша моментально вспыхивает.

Вот когда почуял противник грозящую ему опасность.

Японцы с криками повыскакивали из соседних фанз: одни кинулись тушить пожар, другие открыли сильный ружейный огонь по нашим молодцам, но те успели отойти без потерь ко взводу Щетинина, притаившемуся в окопе.

В ответ на стрельбу противника взводы охотничьей команды с двух сторон дают дружные залпы.

С воплем и проклятиями падают первые жертвы. По пятам их перебегают цепи новых бойцов и торопливо занимают окопы, стены деревни, фанзы, валы.

Стрельба усиливается, а пожар все более и более разрастается и широкими взмахами пламени ярко освещает северо-восточную окраину деревни. [130]

Японцы, не предугадывая, вероятно, наступления целого полка, обходят охотничью

команду с фланга и осыпают ее пулями с того угла, где перед тем был перебит их пост.

Полк, над которым свищут уже пули, приближается к валу и попадает в полосу, освещенную огнем пожара.

Неприятельские цепи встречают наступающие батальоны учащенным огнем.

Отлично уяснив себе обстановку, требовавшую возможно быстрой и решительной атаки, и во избежание излишних потерь в людях от направленного в освещенную полосу ружейного огня противника, командир полка крикнул: «Вперед! Ура!»

- Уррра! - изо всей силы подхватили солдаты, и батальоны хлынули к валу: 1-й батальон слева, во главе с подполковником Козловым, 2-й - справа во главе с подполковником Святицким; 3-й батальон, руководимый капитаном Малаховым, принял правее 2-го батальона и наткнулся на заложенные в этом месте засеки и проволочные заграждения. Минутное замешательство - и люди сверхчеловеческими усилиями преодолевают искусственные препятствия, вливаются в боевую часть, и полк дружным натиском выбрасывает противника из-за первого вала.

В страшном беспорядке бегут японцы к деревне и укрываются за вторым валом и глинобитной стеной.

Снова учащенный огонь обдает батальоны свинцовым дождем.

Овладев валом, солдаты без команд, без приказаний открывают по японцам пачки. [131]

Наши роты редеют. Среди офицеров тяжело ранены: командующий 3-м батальоном, капитан Малахов, в руку, командир 4-й роты, штабс-капитан Лозовой, в ногу и легко - штабс-капитан Ананьин, командир 3-й роты. У командира 9-й роты, штабс-капитана Лоди, пробиты пулями обе ноги, но этот доблестный офицер не покидает строя; подполковник Святицкий контужен в голову, но тоже остается в строю.

Стоны и крики раненых, резкие команды офицеров, ружейная трескотня и остервенелый вой бури диким гулом разносятся в морозном воздухе.

Нельзя понять, где сосредоточены главные силы противника, с фронта ли, или с флангов.

С трудом командир полка приостанавливает стрельбу и, обстоятельно ориентировавшись, приказывает пешей охотничьей команде, под начальством зауряд-прапорщика Щетинина, 1-й роте, под начальством поручика Багриновского, и 7-й роте, под начальством штабс-капитана Тренина, охватить правый угол деревни и атаковать второй вал.

Команда и роты дружно бросаются вперед, выбивают противника из-за второго вала и гонят его, после чего японцы частью скрываются, частью же занимают юго-западную окраину деревни и производят одиночные выстрелы из-за стен дворов и из фанз, поражая нас продольным огнем.

Тогда командир полка оставляет в резерве у первого вала 4-ю роту и две роты Орского полка, а 9-ю роту, под командой штабс-капитана Лоди, и полуроту 10-й роты, под командой поручика Колосовского, направляет с правого фланга в глубь деревни, чтобы выбить противника из фанз. Под [132] энергичным натиском рот японцы покидают позиции и бегут.

После этого, в деревню постепенно вводятся и остальные роты, имея каждая свой боевой участок.

К 1-му часу ночи полк занял деревню, но одиночные выстрелы японцев, не успевших убежать и спрятавшихся в фанзах, рвах, канавах, погребках, всю ночь тревожили утомленных переходами и боем и окоченевших от стужи людей.

От рот были назначены особые команды и патрули, которые до рассвета тщательно осматривали и обыскивали фанзы, забирая в плен или убивая упрямых японцев, яростно

сопротивлявшихся.

Перед рассветом к полку присоединился 4-й батальон, пришедший из деревни Сяодомынь.

Вокруг деревни было выставлено сторожевое охранение, продвинувшееся с южной стороны за реку Хуньхэ, протекавшую у самой деревни, и, кроме того, для освещения впереди лежащей местности, была выслана партия пеших охотников и два казачьих разъезда.

В 1 час 45 минут ночи подполковник Святицкий доносил командиру полка: «Проверил расположение рот в передовой линии. От юго-восточного угла деревни рассыпана вдоль вала 10-я рота Бузулукского полка, здесь же находится в резерве 2-я рота полка; далее, на южной окраине, рассыпаны 4-я рота Орского полка и 6-я, 7-я, 8-я, 11-я, 12-я и 9-я роты Бузулукского полка, в резерве два взвода 8-й роты. Сзади нас никого нет, только у северного вала деревни Мамыкай стоят две или три роты Орского полка, но они очень удалены от боевой линии. В деревне кое-где спрятались одиночные [133] японцы, сейчас двух поймали, когда они пробегали из фанзы к реке Хуньхэ, при этом они сделали два выстрела.

Вдоль южной окраины деревни идет р. Хуньхэ. Вперед высланы секреты от каждой роты, а также послана засада от охотничьей команды нашего полка. Я нахожусь у южной окраины деревни, в центре расположения рот».

К утру следующего дня полк окончательно выбил противника и завладел громадной деревней, пленными и многочисленным имуществом, брошенным японцами.

Трофеи, взятые полком, заключались в следующем:

		Количество	
1)	Пленных	офицеров	1
		нижних чинов	22
2)	Лошадей	35	
3)	Мулов	57	
4)	Ружей	50	
5)	Шашка	1	
6)	Патронов	запечатанных	7 ящиков
		разрозненных	2790 шт.
7)	Полушубков	26	
8)	Шинелей	207	
9)	Башлыков	22	
10)	Ботинок	38 пар	
11)	Шаровар	3 пары	
12)	Фуражек	10	
13)	Погон	21 пара	
14)	Белья	108 пар	
15)	Чулоч	11 пар	

[134]

		Количество.
16)	Рукавиц	30 пар
17)	Одеял	131

18)	Палаточных полотнищ		34
19)	Ранцев		127
20)	Котелков		14
21)	Фляг		8
22)	Чайников		4
23)	Рожков сигнальных		3
24)	Топоров		6
25)	Пил		5
26)	Кирок		15
27)	Лопат		34
28)	Фильтров		2
29)	Проволоки		9 связок
30)	Седел вьючных		3
31)	Арб		12
32)	Носилки		1
33)	Зерна	ячменного	80 пудов
		рисового и пшеничного	62 мешка
34)	Свинных туш		10
35)	Угля		17 кулей
36)	Керосину		4 банки
37)	Мешков пустых		1 тюк

Кроме того, были захвачены медали и орденские знаки, планы Владивостока и Порт-Артура, много различных ценных документов, бумаг, писем, дневников, карт и схем Маньчжурии, уставов, медицинских и перевязочных средств. В приведенную опись не входит значительное количество всевозможной японской одежды, разобранной нижними чинами, преимущественно казаками, пришедшими утром 13-го января. [135]

Путь отступления противника был обильно усеян теми или иными предметами вооружения, амуниции, снаряжения, продовольственными припасами и проч. Повсюду валялись ружья, ранцы, мешки, шинели, башлыки, кучи рису, пшеницы, ячменя, коробки с консервами. На льду реки Хуньхэ осталась невывезенной арба, нагруженная зерном, прекрасно свидетельствовавшая о поспешном, беспорядочном бегстве японцев.

Полку пришлось похоронить 26 японских трупов, брошенных в деревне.

По найденным в фанзах деревни патронам неодинакового калибра, а также по погонам и петлицам, большая половина которых была пронумерована цифрой 35, меньшая же цифрой 5, можно заключить, что деревню Мамыкай обороняли разные неприятельские части и, вероятно, 5-го и 35-го резервных полков.

Колоссальный успех атаки обязан, прежде всего, распорядительности, боевому опыту и отваге командира полка, подполковника князя Амилахори, и выдающейся доблести славных его помощников: подполковников Козлова и Святицкого, капитана Малахова, поручика Багриновского, штабс-капитанов Асилова и Лоди, из которых последний, будучи ранен пулями в обе ноги, оставался все время при роте и только 13-го числа, по настоянию командира полка, отправился на перевязочный пункт, и зауряд-прапорщика Самсона Щетинина с его лихой охотничьей командой.

Немалую услугу оказал в этом деле начальник штаба Ляохейского отряда, подполковник



Слесарев, который незадолго до атаки высказал в частном [136] разговоре князю Амилахори, что правый фланг неприятеля, расположенного в деревне Мамыкай, менее силен, чем левый, что и послужило руководством для выбора места атаки.

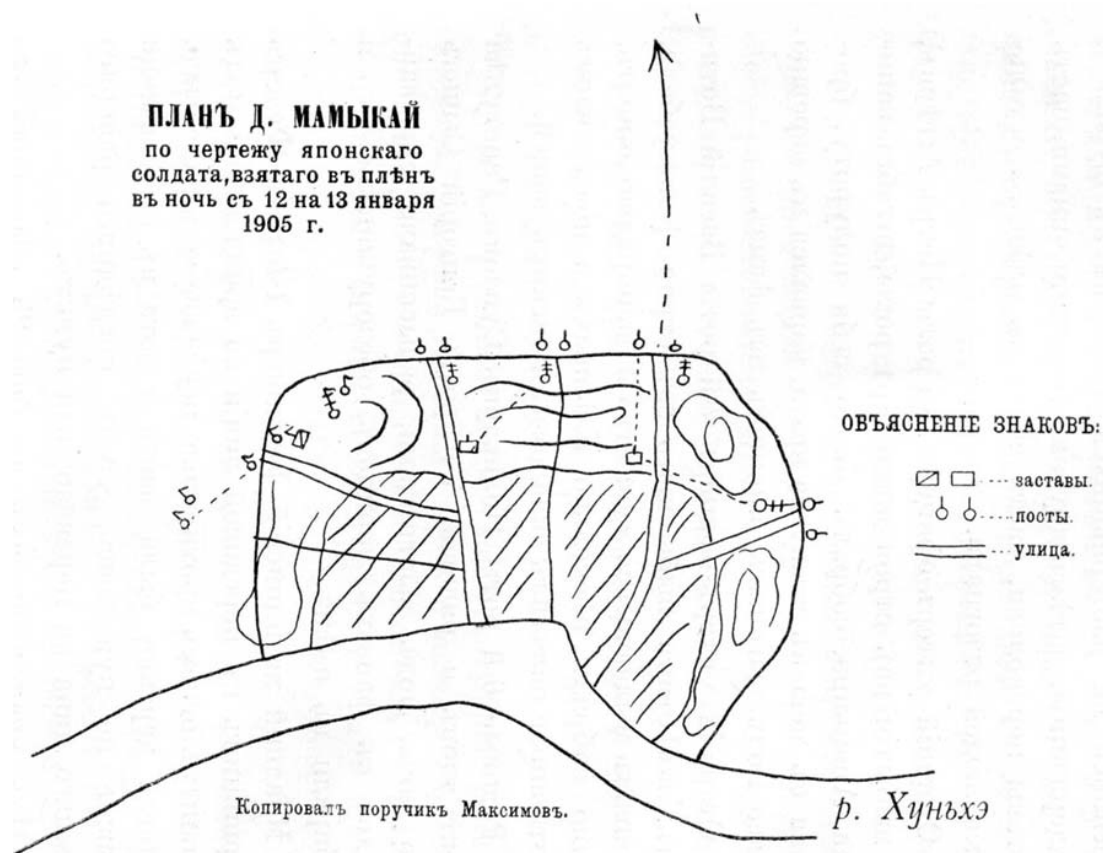
Действительно, исключая правый фланг, деревня Мамыкай была окружена непроходимыми засеками, волчьими ямами и сетью проволочных заграждений, на которые, как сказано выше, наткнулся 3-й батальон. За искусственными препятствиями находились основательные окопы и высокие глинобитные стены.

Очевидно, японцы предполагали наступление русских с северо-западной стороны, обстрелянной накануне артиллерией генерала Мищенко, так как здесь были возведены сильнейшие укрепления.

Бой этот, как знает уже читатель, замечателен геройством не только офицеров, но и нижних чинов.

За именами Щетинина и его охотников идет целый ряд серых героев, подвигами которых может гордиться полк.

Фельдфебели: Василий Лукьянов, Федот Крылов, Илья Сусликов, Василий Трухин; старшие унтер-офицеры: Григорий Павлов, Михаил Запорошук, Илларион Кисельников, Федор Карташев, Василий Фролов, Василий Владимиров, Дмитрий Харченко, Наум Калягин, Иван Суслин, Федор Чебаненко, Иван Чарыков, Кузьма Спиридонычев, Андрей Калемалкин, Иван Купряшев, Родион Крючков, Александр Пирожанский, Мирон Еремеев, и младшие унтер-офицеры: Яков Савельев и Василий Мельников первыми вбежали на неприятельский вал и примером неустрашимости увлекли за собой подчиненных. [137]



Ефрейтор 1-й роты Гайдай, рядовые той же роты Андрей Ларионов, Филипп Оноприенко и рядовой 8-й роты Михаил Баранов самостоятельно напали на японский пост, открывший по ним стрельбу, захватили в плен часового и подчаска, одного японца убили, а остальных людей поста обратили в бегство. [138]

Ефрейтор 12-й роты Алексей Мещанчиков и рядовой той же роты Митрофан Андреев ворвались первыми в занятую неприятельской заставой фанзу, бросились на растерявшихся японцев в штыки и, поддержанные затем другими нижними чинами, часть заставы перекололи, часть взяли в плен, а остальных людей разогнали.

Старший унтер-офицер 3-й роты Петр Аггеев, по выбытии из строя командира роты, штабс-капитана Ананьина, собрал около себя полуроту, бросился с нею в атаку на врага, ворвался в деревню и всю ночь выгонял японцев из фанз.

Старший унтер-офицер 7-й роты Василий Вотяков, заместив выбывшего из строя фельдфебеля, проявил выдающееся мужество и распорядительность, лично забрал несколько пленных и под огнем противника овладел складом японских вещей.

Рядовые 6-й роты Поликарп Суслов, Генетулла Фектуллов и рядовой 7-й роты Григорий Сычев всю ночь, под выстрелами, разыскивали скрывавшихся в фанзах японцев, обезоруживали их и забирали в плен.

Младший медицинский фельдшер 1-й роты Федор Вершинин в передовой линии во время атаки, под сильным огнем противника, перевязывал раненых, а когда деревня была взята и рота в его помощи больше не нуждалась, увел последнего раненого нижнего чина на перевязочный пункт.

Из участвовавших в бою 25 офицеров ранено 4, контужен 1; нижних чинов убито 23, ранено 88.

Патронов выпущено 8000. [139]

Все раненые к утру 13-го января были доставлены на полковой перевязочный пункт, открытый в деревне Сяодомынь. В виду отдаленности места сражения (до железнодорожной ветки, соединенной со станцией Мукден, было более 45 верст), раненые транспортировались в течение 3-х дней и при том исключительно средствами полкового санитарного обоза. Первый транспорт был привезен в деревню Сыфантай, где находился полковой околосок.

Накормив и обогрев раненых, старший врач хотел сопровождать транспорт дальше, но наплыв массы раненых различных частей, действовавших под деревней Сандепу, задержал его в деревне Сыфантай.

Ему одному пришлось принять в этой деревне свыше 300 человек наших раненых и около 100 человек пленных японцев.

Когда все раненые были уже осмотрены, размещены в фанзах, напоены чаем и накормлены, в деревню прибыл 1-й подвижной госпиталь, главный врач которого обратился к старшему врачу полка с обычной просьбой снабдить госпиталь перевозочными средствами.

В средствах этих не менее, чем подвижной госпиталь, нуждалась и санитарная часть полка.

После хлопот и пререканий, полковой врач, на собственный риск, распорядился употребить на перевозку раненых несколько четырехколесных фургонов, имевшихся при полковой хлебопекарне, и несколько полковых хозяйственных двукошек, но они все-таки не могли вполне удовлетворить ощущавшейся нужде. [140]

Дело окончательно наладилось лишь тогда, когда пришел на помощь арбяной транспорт.

Раненых уложили в арбы и повозки и увезли к железной дороге для передачи в

санитарные поезда.

13-го января полк в полном составе оставался в деревне Мамыкай, выставляя сторожевое охранение в сторону противника.

14-го января, по распоряжению генерала Косаговского, 2-й батальон перешел в деревню Сяодомынь, а 3-й батальон в деревню Сантайцзы.

Вся добыча, взятая у японцев, была отвезена в обоз 2-го разряда, находившийся у деревни Ляндяпу.

Счастливые дни полка совпали с днем производства подполковника князя Амилахори в чин полковника. Высочайший приказ состоялся 14-го января, о чем главнокомандующий уведомил князя Амилахори телеграммой:

«По ходатайству моему последовало Высочайшее соизволение на производство вас в полковники. Сердечно поздравляю.

Генерал-адъютант Куропаткин».

По поводу славного мамыкайского дела, командующий 2-й армией, генерал-адъютант Гриппенберг, передал начальнику отряда по телеграфу, что о столь блестящем деле Бузулукского полка им донесено на Высочайшее имя.

От командующего 54-й пехотной дивизией, генерал-майора Артамонова, сменившего генерал-майора Столица, командир полка получил такой отзыв: [141]

«С искренним удовольствием прочел я вашу реляцию о бое 12-го января у деревни Мамыкай. Прошу вас принять от имени службы мою искреннюю признательность за отличное руководство полком в бою. Передайте мою сердечную благодарность всем гг. батальонным и ротным командирам и младшим офицерам. Сердечно благодарю зауряд-прапорщика Щетинина за молодецкую службу. Всем дорогим мне молодчикам-бузулукцам сердечное спасибо».

Не безынтересно, между прочим, официальное письмо командира сводного кавалерийского корпуса, генерал-адъютанта Мищенко, от 11-го сентября 1905 года за № 3254, адресованное на имя командующего дивизией, генерала Артамонова, и характеризующее мамыкайский бой и его значение:

«Ваше превосходительство,  
Леонид Константинович!

12-го января настоящего года, по диспозиции, данной командующим 2-й армией, я должен был вблизи деревень Мамыкай и Читайза перейти через реку Хуньхэ, дабы движением на деревни Сюэрпу и Ландагоу облегчить операции 1-го Сибирского корпуса, действовавшего у деревни Хегоутай, к югу от Сандепу.

Деревни Мамыкай и Читайза, сильно укрепленные, были заняты гарнизонами японцев, и переправа могла быть выполнена лишь по взятии этих деревень. Вследствие этого, вечером 12-го января я обратился к генерал-майору Косаговскому, предлагая утром совместно атаковать Мамыкай и Читайза. Ответа я не получил, но к утру 13-го числа узнал, [142] что ночной атакой деревня Мамыкай взята Бузулукским полком, под начальством полковника князя Амилахори, а деревня Читайза - Орским полком.

Таким образом, вверенный мне отряд получил свободный доступ на левый берег реки Хуньхэ к выполнению дальнейшей задачи.

Следуя затем мимо Мамыкай, я лично видел сильную позицию деревни, укрепленную окопами и искусственными препятствиями (волчьи ямы, засеки и проволочные заграждения). Здесь же для меня выяснилась доблестная атака бузулукцев, решительно без выстрела

бросившихся на эти укрепления, чем и обеспечился успех атаки с небольшими потерями для полка и с тяжким уроном для японцев, трупы которых я видел сложенными рядами вдоль укреплений. Об этой заслуге полковника князя Амилахори и его доблестного полка считаю долгом свидетельствовать перед вашим превосходительством.

Прошу принять уверение в глубоком моем уважении и преданности  
Павел Мищенко.

Занятие деревни Мамыкай, тесно связанное с начавшимся в то время общим наступлением частей 2-й армии, являлось делом первостепенной важности; оно открывало свободный доступ для операций за рекой Хуньхэ, с левого фланга и с тыла японских армий, но неудачный для нас бой у деревни Сандепу совершенно изменил наши стратегические планы.

Полк оказался выдвинутым слишком далеко на юго-запад и ему угрожала опасность быть рано или поздно отрезанным. [143]

На этом основании полку надлежало покинуть деревню Мамыкай и постепенно отходить на прежние позиции у деревни Сыфантай.

Ночью, 14-го января, от генерала Косаговского было получено приказание:

«Командующий 2-й армией приказал пешие части в селениях Мамыкай и Читайза сменить конными частями, почему завтра утром одному батальону вверенного вам полка выступить в селение Сантайцзы, а другой батальон оставить авангардом в Мамыкае с находящейся там сотней. Оставшийся затем батальон будет сменен 24-м Донским казачьим полком и 4 конными орудиями.

Начальник отряда,  
генерал-майор Косаговский».

По дополнительному приказанию начальника отряда, 1-й и 4-й батальоны перешли 15-го января из деревни Мамыкай в деревню Сантайцзы, откуда, после ночлега, ранним утром 16-го числа выступили вместе со всем отрядом по направлению к деревне Сыфантай, на поддержку 1-го армейского корпуса.

На пути к полку присоединились 2-й и 3-й батальоны.

Из деревни Цыюто полк был направлен в деревню Хоупинтай, где временно разместились штаб полка и 1-й, 2-й и 3-й батальоны, а 4-й батальон, за недостатком места, перешел в деревню Лунгуань.

Штаб Ляохейского отряда расположился в деревне Сыфантай.

[144]

## **XVII.**

### **Накануне мукденских боев.**

С возвращением Ляохейского отряда в деревню Сыфантай, батальоны полка заняли деревни Сыфантай, Хаумахулинца, Матюенца, Ченмахулинца, Чандиопа.

Оставленная нами деревня Мамыкай снова была занята японцами, передовые части которых продвинулись несколько вперед и вошли в соприкосновение с передовыми частями Ляохейского отряда.

Между нами и противником днем и ночью происходила ружейная перестрелка и

нередко бывали мелкие стычки.

Бурный ветер и морозы свирепствовали непрерывно до 20-го января. Потом погода улучшилась, ветер стих и морозы уменьшились до 10° R.

Настроение офицеров и солдат было превосходное. Успех мамыкайского боя очень благотворно отразился на всех. Полк, пополненный еще в отряде генерала Грекова запасными, состоял теперь преимущественно из солдат-хохлов, честных, самолюбивых и храбрых, с прямою, неспорченной душой.

Установившиеся гуманные, сердечные отношения между офицерами и солдатами как-то незаметно сблизили тех и других, образовав одну общую, хорошую семью. На биваке было всегда весело и оживленно. Играла духовая музыка, слышалось хоровое малороссийское пение. [145]

Бывало, соберется хор человек в сто и затянет такую стройную, мелодичную песню, что слушал бы ее долго, долго, без конца, наслаждаясь сердечной грустью или веселием ее мотива, плавно выливавшегося из грубой груди солдат.

С удовольствием вспоминаешь этот период боевой жизни полка, когда все, как один, были одухотворены самыми чистыми, благородными побуждениями, когда невзгоды и угрожавшие отовсюду опасности были так ничтожны, что о них совсем забывали под наплывом более высших чувств и потребностей, под пробудившимся сознанием как можно лучше и честнее выполнить святой долг перед родиной.

22-го января, около 10-ти часов утра, 11-я, 12-я и 15-я роты вытеснили из деревни Сантайцзы расположившиеся в ней японские заставы и заняли деревню. Японцы отступили к впереди лежавшей сопке, но и оттуда были прогнаны артиллерийским огнем.

Перед наступлением рот, ефрейтор Алексей Крепак с тремя товарищами добыл точные и ценные сведения о силах и укреплениях деревни Сантайцзы, сбил неприятельский пост, захватил японскую винтовку и вынес с товарищами из-под огня противника четырех раненых казаков, участвовавших в разведке.

Тогда же 10-я рота, вместе с охотничьей командой, заняла деревню Сяодомынь, где находился неприятельский разъезд.

Как той, так и другой деревнями роты овладели без потерь. После этого, 8-я рота разместилась в деревне Цыюто, 3-я рота - в деревне Матюенцза, 10-я рота и [146] охотничья команда - в деревне Сяодомынь, а 11-я и 12-я роты - в деревне Сантайцзы.

28-го января партия охотников, под начальством унтер-офицера Акима Якимчука, атаковала сопку, находившуюся к юго-востоку от деревни Сяодомынь и служившую наблюдательным пунктом японцам.

Японцы бежали, потеряв трех человек ранеными. Охотники захватили две неприятельских фуражки и ранец с письмами.

По занятии сопки, на ней был выставлен казачий пост.

С 1-го по 9-е февраля японцы неоднократно производили ночные нападения на деревню Сяодомынь и Сантайцзы, но всякий раз отбивались нашими ротами.

В начале февраля среди нижних чинов было обнаружено три случая заболеваний сыпным тифом, появившихся одновременно с такими же заболеваниями в Орском полку и среди местных китайцев. В виду этого, в деревню Сыфантай был приглашен из штаба 5-го корпуса врачебный отряд, который дезинфицировал фанзы. - и заболевания прекратились.

10-го февраля в командование Ляохейским отрядом вступил, вместо заболевшего генерала Косаговского, генерал-майор Толмачев.

11-го числа новым начальником отряда, в присутствии командиров отдельных частей, были

осмотрены позиции у деревень Ченмахулинца, Хаумахулинца, Чандиопа и Сыфантай и намечены места для возведения новых укреплений. Но к постройке этих укреплений приступлено не было, так как 12-го [147] февраля Ляохейский отряд был расформирован, а в 3 часа 30 минут пополудни командир полка получил от начальника отряда следующее приказание:

«№ 487. 1905 года, 12 февраля, 3 часа 30 минут дня, деревня Сыфантай.  
Командиру 215-го Бузулукского полка.

Согласно телеграммы начальника штаба 2-й маньчжурской армии № 1066, предлагаю вам, с получением сего, выступить из селения Сыфантай в селение Шуанго (Шуансуто), где должен полк расположиться с 5-й батареей 28-й артиллерийской бригады. Дежурная рота останется в Сыфантае н, по смене ее кавалерией, догонит вас.

Начальник отряда,  
генерал-майор Толмачев».

В 5 часов вечера командиры отдельных частей были приглашены к начальнику отряда, и последний отдал им словесное распоряжение:

«По приказанию командующего 2-й армией, сегодня, 12-го февраля, с наступлением темноты, 215-й и 241-й полки и 5-я батарея 28-й артиллерийской бригады, по возможности скрытно, должны выступить по маршруту: деревни Шуанго - Таваньганьпу - Лидяпу - Сантапу - Айдяпу - Сухудяпу. Теперь же выслать квартирьеров для расквартирования частей, при чем, в Шуанго должен быть расположен весь 215-й Бузулукский полк с 5-й батареей. Названные части войдут в состав общего резерва армии. 215-му полку идти на деревни Туэрто и Сяосиньминтурль».

За выбытием из строя командира полка, полковника князя Амилахори, страдавшего тяжким, закоренелым [148] недугом и подавшего еще 8-го февраля рапорт о болезни, полк и 5-я батарея, под командой подполковника Святицкого, выступили в 11 часов вечера из деревни Сыфантай и направились песчаной дорогой к месту назначения.

Ночь была темная, холодная.

Дул встречный ветер, осыпавший людей пылью.

Шли медленно, вяло, с трудом переставляя ноги, которые вязли в глубоком песку.

Пройдя версты три, солдаты уже устали. Их душило тяжелое снаряжение, навьюченное на человека, как на животное, и при том громоздкое, неуклюжее и плохо приспособленное, нестерпимо сдавливающее и грудь, и шею и спину, и живот, словом, все те части тела, чрезмерное стеснение которых ведет к полнейшему обессилению.

Сделали привал.

Солдаты, как шли, так и повалились прямо наземь, в волны сыпучего песку. Но отдых продолжался недолго; через несколько минут двинулись дальше.

И чем дальше шли, тем больше движение замедлялось, люди качались из стороны в сторону, как пьяные, отставали, привалы делались продолжительнее. Многих одолевала жажда, но напиться было негде.

В 6 часов утра 13-го февраля измученный 22-х верстным ночным переходом полк прибыл в деревню Шуанго и разместился квартирно-бивачным порядком в фанзах.

В 10 часов утра командующий полком, подполковник Святицкий, явился в штаб 2-й армии, в деревню Матурань, и получил от начальника штаба, генерал-лейтенанта Рузского, словесное приказание: [149]

«Полку и 5-й батарее оставаться в деревне Шуанго. О том, под чье начальство войдет

общий резерв 2-й армии, будет сообщено, а до назначения начальника резерва доносить обо всем в штаб армии».

Три дня простоял полк в деревне Шуанго.

Солдаты подкрепились отдыхом и пищей, привели себя в порядок и выглядели молодцами.

За 14-е февраля на имя командующего полком было прислано два письменных приказа, одно - в 9 часов утра, другое - в 11 часов утра.

1-е приказание. «1905 года, 14-го февраля. 8 часов 20 минут утра (без №). Деревня Матурань. Полк, диспозицией № 7, назначен в состав общего резерва 2-й армии и должен теперь же сосредоточиться в деревне Шуанго. Прошу сообщить, где в настоящее время полк и когда прибудет в Шуанго. Выслать мне от полка ординарца. конного офицера или нижнего чина: Матурань, фанза № 18. Сообщите 5-й батарее 28-й артиллерийской бригады, что она назначена в общий резерв и должна прибыть в деревню Таваньганьпу, выслав ко мне одного ординарца нижнего чина.

Начальник общего резерва,  
генерал-майор Сидорин».

2-е приказание: «1905 года, 14-го февраля, 10 часов 10 минут дня, № 1. Деревня Матурань. Если обоз 2-го разряда против Эльтхайцзы, то пусть там и останется. По диспозиции, обозы 2-го и 3-го разрядов сосредоточиваются между Сухудяпу и Эльтхайцзы. [150]

1-й разряд должен быть, по общему положению, с частью.

Начальник общего резерва 2-й армии,  
генерал-майор Сидорин».

Около 7 часов вечера 15-го февраля было передано ординарцем приказание командующего 2-й армией:

«Бузулукскому полку немедленно выступить из деревни Шуанго и идти в деревню Питайцзы, на присоединение к сводному стрелковому корпусу».

В 9 часов вечера полк покинул деревню Шуанго и к 11 часам вечера подошел к деревне Сяоляпуца. Здесь офицер-ординарец передал приказание командира сводного стрелкового корпуса: безостановочно двигаться на деревню Питайцзы.

При приближении к этой деревне. было получено словесное приказание от начальника штаба корпуса, генерал-майора Рихтера:

«Полку продолжать движение на деревню Чжаньтань, где поступить в распоряжение начальника 1-й стрелковой бригады».

К 1-му часу ночи полк прибыл в Чжаньтань и занял юго-восточную окраину деревни.

Вблизи, на позициях, слышалась сильная ружейная перестрелка.

Все фанзы деревни были битком набиты солдатами-стрелками. Об отдыхе и думать было нечего.

Наших солдат ввели в полуразрушенные дворы фанз и поставили под открытым небом.

Близость неприятеля лишала возможности зажечь костры.

Люди, не смыкая глаз, дрогли на холоде до утра, когда полк из деревни Чжаньтань выступил на [151] деревню Сыфантай, на ту самую деревню, которую занимал раньше отряд генерала Косаговского и откуда полк вывели четыре дня тому назад.

Приказание о движении командующий полком получил около 3 1/2 часов ночи.

Оно было следующего содержания:

«№ 108 - р. Командиру Бузулукского полка. 3 ч. 15 м. у /16-го февраля.

По приказанию командующего армией, командир корпуса предписывает вам с полком теперь же, немедленно, выступить в Сыфантай, взяв с собой одну батарею 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона. Независимо сего, теперь же выступить в Сыфантай двум батареям стрелковым и одной батарее 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона.

Сообщаю для сведения. О времени выступления немедленно донесите. Два пограничных солдата должны быть у вас проводниками.

Генерал-майор Рихтер».

В виду запоздания назначенных батарей, полк тронулся в путь в 5 часов утра, придерживаясь прямой и ближайшей дороги на деревню Сыфантай.

Всходило солнце.

Пробуждалось тихое, безоблачное утро, слегка туманное, слегка морозное, залитое блеском ослепительных лучей.

Как грозные раскаты грома, доносились отовсюду орудийные выстрелы, одинокие и редкие, производимые нашей артиллерией, а в промежутках между ними надоедливо тараторила ружейная трескотня.

Неприятельская артиллерия молчала.





к синевшим слева, на горизонте, верстах в трех и далее, сопкам, за которыми находился противник.

Не больше, как через полчаса, японцы позавтракали.

Сотни орудий, наших и неприятельских, подняли по всему фронту ошеломляющий грохот, чудовищным гулом и воем потрясший окрестности.

Земля вздрагивала, точно рушилась.

Солдаты инстинктивно прижимались друг к другу, набожно крестились, бормоча молитвы.

Многие оборачивались назад и видели, как там и сям вспыхивали молнией бледные огоньки, и белые облачка дыму плавно вздымались в высь, таяли и снова появлялись.

Это рвались неприятельские снаряды у деревни Чжаньтань, и смерть витала в воздухе, с жадностью пожирая невинные жертвы войны.

За час ходьбы наша колонна, удаленная вначале от сферы артиллерийского огня, поравнялась с деревней Синьюпао.

Вдали показались сыфантайские холмы.

В этот момент японцы из деревни Хаумахулинца обстреляли нас беглым артиллерийским огнем. До сорока шрапнелей лопнуло высоко вверх над серединою колонны, не принеся нам вреда.

Полк без задержки продолжал движение и в 7 часов утра прибыл в деревню Сыфантай. Волею судеб, у стен этой деревни было положено начало кровавому пути вынужденных отступлений [155] на север, пути, на котором разыгрался не один акт знаменитой мукденской трагедии с плачевным эпилогом для наших армий и с изумительным героизмом для полка.

## **XVIII.**

### **Бой у деревни Сыфантай, 16-го февраля.**

Радостно улыбается мягкое февральское утро.

Солнце слепит глаза, плавит застывший в холоду воздух, играет на глади желтых, полосатых полей, однообразных и необозримых.

Дышится легко и свободно, утомленность исчезает, уступая место нервному возбуждению, подъему духа.

У деревни Сыфантай необычайное оживление.

Из конца в конец на взмыленных конях скачут всадники, лихо, с шумом и треском, переезжает с позиции на позицию артиллерия, стройными рядами проходит пехота и расплзается у стен, валов и окопов.

Все куда-то торопятся, чего-то ищут, суетятся.

С холмов и с сопки группы офицеров, вооруженных биноклями, что-то высматривают, выслеживают.

Невдалеке редкая ружейная перестрелка, и видно, как впереди, на равнине, отходят отстреливаясь наши разъезды, теснимые наступающими с северо-запада передовыми частями противника.

Отряд генерал-майора Эйхгольца, занявший сыфантайские позиции, приготовился к обороне. [156]

В 7 1/2 часов утра Бузулукский полк, по распоряжению начальника сыфантайского отряда, был введен в деревню Сыфантай и составил общий резерв отряда.

К полку присоединилась пешая охотничья команда (2-я), под начальством зауряд-

прапорщика Щетинина, вышедшая вместе с 8-й ротой, под командой зауряд-прапорщика Панкова, 13-го, 14-го и 15-го февраля в деревне Хаумахулинца, под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника, и отбившая яростные его атаки на эту деревню.

Полк занял юго-западную окраину деревни, укрывшись за холмами.

Наши батареи расположились приблизительно с западной, северной и восточной сторон деревни.

Около 9 часов утра завязался жестокий и упорный артиллерийский бой между небольшим отрядом генерала Эйхгольца и громадными силами японцев, массивной дугой обложившими деревню Сыфантай с юга, юго-запада и даже впоследствии с северо-запада.

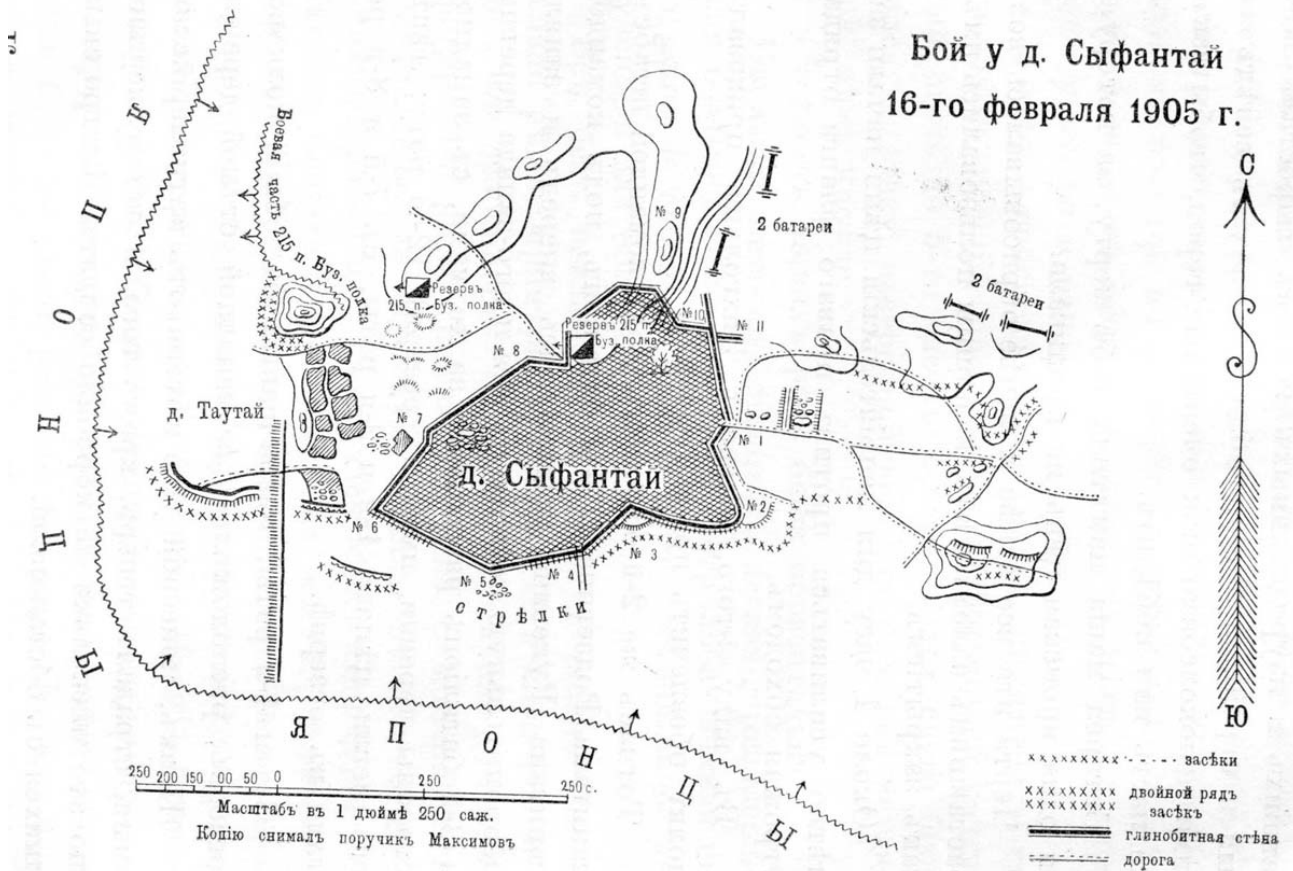
Тучи шимоз и шрапнелей разряжались над деревней градом пуль и осколков, разрушали крыши фанз, глинобитные стены, бороздили промерзшую землю и сметали с лица ее все, что не могло противостоять им.

Ружейная стрельба разгоралась своим чередом.

Несметные, густые цепи японцев усеяли окрестности деревни.

Неприятельская артиллерия громила нас с юга, из деревни Хаумахулинца, и с юго-запада.

Наши батареи отвечали опустошительным встречным огнем, причем, одна из батарей, кажется, [157] казачья, обстреливала беглым огнем главным образом японские цепи, буквально уничтожая их.



Картина, которую мы наблюдали, была достойна кисти художника. [158]

Посмотрели бы вы, как спокойно и систематически вел наступление противник, как на горах павших и изуродованных воинов вырастали живые и стройные линии, гибли они, а уж вслед за ними непоколебимо шли очередные герои, чтобы так же пасть или победить.

Батарея наша наметила себе черту, за которую ни одна японская цепь не проникала.

Черта эта все яснее и яснее обрисовывалась возрастающим валом тел, и японцы пользовались им, как закрытием.

Около 1 часу дня неприятельские цепи начали заметно усиливаться против правого фланга отряда, угрожая обходом.

В виду этого, генерал Эйхгольц приказал полку обеспечить правый фланг.

Тотчас же 2-й батальон, под командой штабс-капитана Родзевича, и 4-й батальон, под командой капитана Рукевича, выдвинулись вперед и заняли оборонительную позицию с юга и юго-запада деревни, а 3-й батальон рассыпался за холмами, с западной стороны деревни, имея в резерве 12-ю роту; левее его легли цепями 1-я и 2-я роты, с 7-й и 8-й ротами в резерве.

3-я и 4-я роты, назначенные в общий полковой резерв, расположились за западной стеной деревни.

Полк, понесший уже потери от артиллерийского огня, страдал теперь, кроме того, и от ружейного, но это нисколько не коробило солдат, быстро свыкшихся с обстановкой.

Роты действовали в высшей степени энергично, и огонь наш расстраивал противника. [159]

До 3-х часов дня японские цепи держались на расстоянии 600-700 шагов от боевой линии полка, не подпускаемые ближе метким, непрерывным огнем рот и батарей, а затем, сосредоточив в одном месте огромные силы, бросились в атаку на занимаемые полком позиции, но разбились о залпы наших рот и в беспорядке отступили, потеряв несколько сотен убитыми и ранеными.

Подкрепившись свежими силами, противник с прежних позиций продолжал убийственный пачечный огонь до 5-ти часов вечера, когда снова бросился в атаку, завершившуюся еще большей неудачей, чем прежде.

Стойкость наших рот была поразительна.

Бешеные натиски японцев, адская артиллерийская бомбардировка и ружейная стрельба пачками ни на шаг не сдвинули боевой части, отстаивавшей порученный для обороны участок.

Все без исключения офицеры и нижние чины являли редкие примеры мужества. Из нижних чинов в особенности отличились: старший унтер-офицер 1-й роты Павел Петров, следивший весь день с сопки за падением наших пуль и за движением противника; сопка засыпалась снарядами, но Петров неподвижно стоял на месте, прекрасно исполняя свое дело; младший медицинский фельдшер той же роты Федор Вершинин, ефрейтор 2-й роты Филат Бугров и рядовой 9-й роты Иван Подвисоцкий спокойно и безотлучно перевязывали раненых на передовой позиции, где им угрожала явная опасность быть убитыми; рядовые 4-й роты Степан Козубов, Кирилл Полонецкий, старший унтер-офицер 8-й роты Марк Барановский и ефрейтор той [160] же роты Сергей Карасев подносили из резерва, по открытому, сильно обстреливаемому пространству, патроны в цепь. Было еще много других молодых нижних чинов, честно и беззаветно служивших родине, но всех их не перечислить.

В 5 1/2 часов вечера, во время новых атак японцев, блестяще отбитых нами, командующий полком, подполковник Святицкий, получил от начальника отряда письменное приказание:

«В 6 часов вечера начнет отходить от Сыфантая артиллерия, Орский полк и

стрелковые полки. 215-му Бузулукскому полку оставаться на позиции до 7-ми часов вечера и только тогда незаметно и тихо начать отходить, задерживаясь на позициях.

Генерал-майор Эйхгольц».

В 6 часов вечера отряд генерала Эйхгольца, уложив за этот день на сыфантайских полях более тысячи японцев, выступил из деревни Сыфантай, а Бузулукский полк остался один, окруженный с трех сторон противником.

В дополнение к приказанию начальника отряда, получились две записки:

Первая: «Командующему Бузулукским полком.

1905 года, 16-го февраля (час, номер и место отправления не обозначены). Немедленно выслать две роты деревней для прикрытия отступающих батарей на деревню Туэрто.

Командир 1-го стрелкового полка, полковник (фамилия неразборчива)».

Вторая: «Командующему Бузулукским полком.

1905 года, 16 февраля, № 139 (час и место отправления не обозначены). Карта 2 вер. в дюйме. [161]

С получением сего, вверенному вам полку медленно отходить назад цепями, незаметно, причем по возможности без шума, задерживаясь на позициях. По отступлении, полку направиться в район расположения 10-го корпуса.

Командир 1-го стрелкового полка,  
полковник  
(фамилия неразборчива)».

Согласно этих приказаний, 1-й, 2-й и 4-й батальоны стянулись у северной окраины деревни.

Последним покинул позицию 3-й батальон, прикрывавший своим огнем отход первых трех батальонов.

Одновременно с этим полковой перевязочный пункт, работавший с утра в деревне Туэрто, в 2 1/2 верстах к северо-востоку от Сыфантая, прекратил свою деятельность и, забрав всех раненых, двинулся на деревню Шуанго.

По пятам за перевязочным пунктом обходные части японцев вошли в деревню Туэрто.

Около 8-ми часов вечера выступил к деревне Шуанго и полк по хорошо знакомой песчаной дороге.

Наша колонна двигалась в близком соприкосновении с авангардными колоннами обходной армии генерала Ноги, шедшей несколько севернее нас на Мукден.

Разъезды то и дело доносили, что японцы близко, но мы, голодные и усталые, не придавали этому ровно никакого значения.

Всю дорогу солдаты, обращаясь к офицерам, задавали один и тот же мучительный для всех вопрос:

- Ваше благородие, зачем мы отступаем? Так всю Маньчжурию отдадим... Ведь мы их побили!.. [162]

Но что же мы, офицеры, могли ответить бедным солдатам, когда сами не знали, зачем, зачем мы отступаем.

- Так приказано, братцы...

1-й, 2-й и 4-й батальоны полка шли вместе, а 3-й батальон, дав возможность нам отступить, вместо того, чтобы следовать за нами, сбился в темноте с пути и принял влево, на деревню Туэрто, которую заняли японцы.

У этой деревни батальон подвергся сильному ружейному обстрелу и потерял около 30 нижних чинов убитыми и ранеными.

Батальон спасся от гибели только благодаря тому, что быстро свернул на восток, и присоединился к полку утром 17-го февраля, в деревне Шуанго.

Не прошел полк и пяти верст, как позади запылал грандиозный багровый костер.

То горела деревня Сыфантай, подожженная казаками.

Боже мой, какой болезненной тоской сжались наши сердца!

Помню, как многие останавливались, устремляли скорбный взор на пожарище и навзрыд плакали, посылая последнее «прости» сроднившейся с нами деревне...

В бою 16-го февраля полк понес следующие потери: из 29 бывших налицо офицеров контужены осколками снарядов штабс-капитан Родзевич и подпоручики Гогин и Казанский, нижних чинов убито 7, ранено 54.

Патронов выпущено 38 тысяч.

[163]

## **XIX.**

### **Бой у деревни Цаеньза (Чаничан), 17-го февраля.**

После изнурительного ночного перехода из деревни Сыфантай, после двух бессонных ночей и голодовки, полк в 8 часов утра, 17-го февраля, остановился в деревне Шуанго (Шуансудо) и, по распоряжению командующего 2-й армией, поступил в отряд генерал-майора Голембатовского, состоявший из Минского, Замосцкого и Орского пехотных полков и 5-й батареи 28-й артиллерийской бригады.

За час до формирования отряда генерал Голембатовский был вызван в штаб 2-й армии, где в 8 часов 30 минут утра получил письменное приказание (№ 53), подписанное начальником штаба:

«Командующий армией поручает вам принять начальство над отрядом из Минского, Замосцкого, Бузулукского и Орского полков, собираемых в деревне Шуанго, и с означенным отрядом немедленно, по сборе его, выступить и проследовать в деревню Салинпу, куда, согласно диспозиции № 7, направляются и остальные войска 8-го корпуса. Передвижение совершить ст. принятием всех мер охранения, имея в виду возможность появления противника с запада».

Части отряда генерала Голембатовского были расположены:

215-й пехотный Бузулукский полк 241-й в деревне Шуанго  
пехотный Орский полк 5-я батарея 28-й  
артиллерийской бригады

[164] 54-й пехотный Минский полк - в деревне Матурань;

60-й пехотный Замосцкий полк - в деревне Сатхайза.

К 11-ти часам утра все четыре полка собрались в деревне Шуанго, куда к тому времени прибыл и генерал Голембатовский и отдал распоряжение о движении отряда на деревню Салинпу.

Но так как положение дел быстро изменилось, и японцы, двигаясь по обоим берегам реки Хуньхэ, с 972 часов утра потеснили расположение армии как с фронта, так и с правого фланга, командующим 2-й армией было отдано, в 1 час 20 минут пополудни, новое приказание генералу Голембатовскому:

«Тем частям войск, которые еще не выступили из деревни Шуанго на север или северо-восток, остаться на месте, впредь до особого приказания, и занять позицию на нравом

берегу Хуньхэ, дабы остановить наступление противника с юга, вдоль этого правого берега. Правый фланг 8-го корпуса занимает Теутайцзы. Главные силы моего резерва на севере, у деревни Салинпу».

По получении этого приказа, генерал Голембатовский распорядился: «60-му пехотному Замосцкому полку занять южную окраину деревни Шуанго; 215-му пехотному Бузулукскому полку занять западную и северо-западную окраины деревни Шуанго; 54-му пехотному Минскому полку оставаться до выяснения обстановки в деревне Шуанго; 241-му пехотному Орскому полку: одному батальону занять промежуток между Замосцким полком и рекою Хуньхэ, двум батальонам составить [165] общий резерв, которому стать за северо-восточной окраиной деревни Шуанго».

Полки заняли указанные им позиции на окраинах деревни.

Задержанный артиллерийским огнем противник не решился двигаться дальше и стал накапливать и группировать свои силы у деревень Чаничан, Сантайцзы, Пейтхоцзы, лежащих против деревни Шуанго, на ровном и гладком поле.

Вскоре неприятельская артиллерия открыла довольно сильный, но не меткий огонь по деревне Шуанго, постепенно усиливавшийся.

Под напором громадных сил противника с фронта и с флангов, из деревни Чжаньтан отступали разрозненные части стрелковых полков, понесших накануне большие потери.

Отовсюду длинными вереницами плелись раненые, и вид их был ужасен. Тех, кто не мог идти, тащили на носилках, на ружьях, на руках, на палках, на чем попало. Большинство раненых шли сами кучками, вразброд и в одиночку.

Толпы здоровых и больных людей путались и смешивались в одну общую массу с обозными повозками, выючными транспортами, с артиллерийскими орудиями и зарядными ящиками и т.п., и все это тянулось в деревню Шуанго, под защиту отряда генерала Голембатовского.

- Ваше благородие, где перевязочный пункт?.. Братцы, перевязочный пункт где? - надорванным голосом выкрикивали раненые, впиваясь мутным взглядом то в офицеров, то в солдат, сидевших в окопах. [166]

- Не можем знать, валите дальше! - отвечали солдаты.

И несчастные ковляли дальше, одни сжимая обеими руками окровавленную голову, другие прихрамывая, третьи, опустив как плети раздробленные руки, четвертые, согнувшись в три погибели от боли в пробитом животе, груди.

Сурово и безучастно смотрели мы на изменявшиеся перед нами, как в калейдоскопе, страшные сцены погрома и, собственно, ничего не понимали, что творится вокруг, - настолько велика была физическая и нравственная усталость, притупившая все живое в человеке.

Около 3-х часов пополудни генерал барон Каульбарс передал командование 2-й армией генералу фон-дер-Лауницу, а сам поехал к войскам, сосредоточенным к западу от Мукдена, чтобы лично руководить ими.

Генерал Лауниц, получив сведения, что 8-й корпус, будучи тесним японцами с фронта и с правого фланга, находится в большой опасности, решил помочь ему и в 3 часа 35 минут пополудни послал генералу Голембатовскому приказание за № 62:

«Полкам вверенного вам отряда. имея в резерве два стрелковых полка, занять позицию Цаеньза - Пейтхоцза, фронтом на юго-запад, и выставив на позицию всю артиллерию».

На основании этого, генерал Голембатовский в 4 1/2 часа пополудни отдал словесное приказание:

«Орскому и Замосцкому полкам атаковать деревню Пейтхоцза, Бузулукскому - деревню

Цаеньза (она же Чаничан); Замосцкому полку двигаться правее Орского и левее Бузулукского, уступом назад, и обеспечить [167] охват флангов этих полков; Минскому полку двигаться вперед на запад, занять деревню, что к северу от деревни Цаеньза, и тем способствовать атаке последней Бузулукским полком».

Командующий полком. подполковник Святицкий, собрал около себя всех офицеров полка, ознакомил вкратце с задачей и приказал выводить батальоны из деревни, сняв предварительно снаряжение.

В 5 часов вечера полк красиво развернулся в боевой порядок и стройными, густыми цепями, со знаменем в центре, начал наступление, имея справа 1-й батальон, под командой подполковника Козлова, слева 4-й батальон, под командой капитана Рукевича. и в общем резерве, продвигавшемся непосредственно за боевую часть, 2-й батальон, под командой капитана Плевако, и 3-й батальон, под командой подполковника Лисичкина.

Быстрым и твердым шагом, держа равнение и даже дистанции, точно парадирюя, безостановочно двигались батальоны, со своими офицерами во главе, по открытому полю на видневшуюся впереди, на расстоянии 2-х верст, неприятельскую деревню.

День был какой-то неопределенный. Солнце освещало нас справа, в то время, как над японцами повисла черная грозовая туча, обещавшая либо снег, либо дождь.

С 2000 шагов противник обдал нас лавой свинца из 8-ми пулеметов, 24-х скорострельных орудий и из ружей нескольких батальонов пехоты, расположившихся на окраинах деревни Чаничан, справа, слева и впереди ее, за буграми.

В первые минуты не верилось, что полк выдержит этот адский, стихийный огонь, охвативший [168] все пространство между нами и атакуемой деревней, но батальоны шли так же красиво и твердо, с ружьями на плечо, и только ряды судорожно падавших, как скошенная трава, солдат редили и укорачивали цепи.

Дальнейшее наступление шагом было немыслимо, и офицеры, взмахнув шашками, крикнули:

- Вперед! Бегом!

Цепи перебежали речонку и очутились в 300 шагах от противника.

- Ложись! - раздалась команда.

Батальоны остановились, упали на землю и открыли пачки.

Однако, наша стрельба была мало действительна, между тем японцы в этом месте наносили нам жестокие потери.

Представлялось два исхода: бежать вперед или же поворачивать назад.

В одно мгновение поднялись 1-й, 2-й и 4-й батальоны, люди сплотились по-ротно и с криком «ура» устремились на деревню.

Тут ничего не могло сдержать бешеной атаки разъяренного полка.

- Бей их, братцы! - гаркнул подполковник Святицкий.

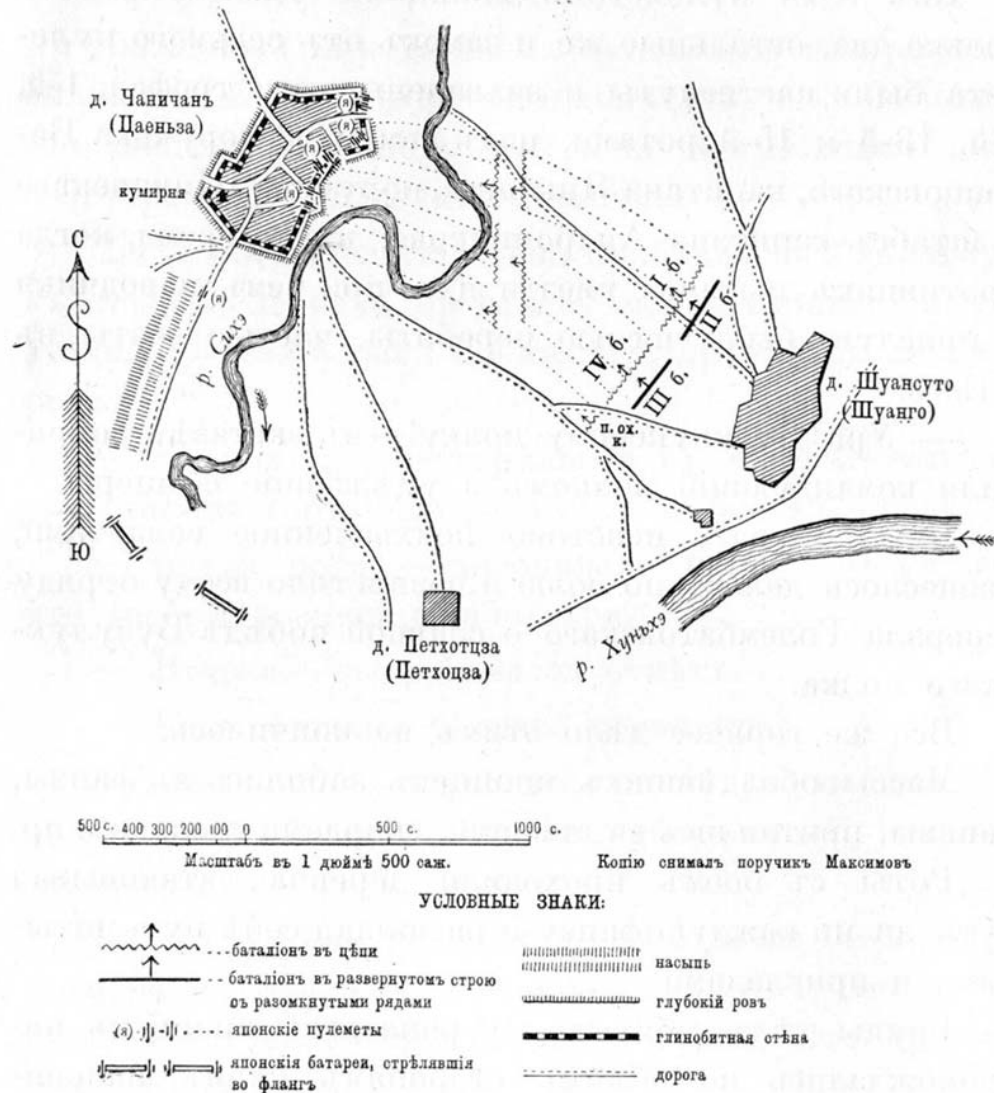
- Бей их!.. бей!.. - с пеной у рта заорали солдаты и бросились на глинобитные стены северо-восточного угла деревни.

Подполковники Святицкий и Козлов, капитан Рукевич, штабс-капитаны Янышев и Андронников, поручики Багриновский, Шиманский и Фплиповский и подпоручики Ананьев, и Сазонов, цвет и [169] гордость полка, первыми вскочили на неприятельский вал и увлекли за собой нижних чинов.

Солдаты карабкались на стены, перепрыгивали через канавы и валы, гнали, кололи, топтали растерявшегося [170] врага, обрывки которого отбегали ко второму валу и обстреливали нас оттуда пачками.



**Атака д. Чаничанъ  
17 февраля 1905 г.  
215-мъ пѣх. Бузулукскимъ полкомъ.**



Роты приостановились за первым валом и, минуто передохнув, вторично бросились в штыки и обратили врага в беспорядочное бегство.

Из 8-ми пулеметов японцам удалось увезти только два, остальные же и замок от седьмого пулемета были настигнуты и захвачены, как трофеи, 1-й, 5-й, 13-й и 15-й ротами, под командой поручика Багриновского, капитана Янышева, поручика Шиманского и штабс-капитана Андронникова. в то время, когда противник пытался увезти их, при чем наводчики и прислуга были частью перебиты, частью взяты в плен.

- Ура Бузулукскому полку! - в экстазе прокричали командующий полком и уцелевшие офицеры.

И это «ура», неистово подхваченное солдатами, разнеслось далеко по полю и

возвестило всему отряду генерала Голембатовского о славной победе Бузулукского полка.

Все же горячее дело этим не кончилось.

Массы обалдевших японцев забились в фанзы, канавы, притаились за стенами, скирдами гаоляна и пр.

Роты с боем проходили деревню, атакующая чуть ли ни каждую фанзу и расчищая себе путь штыками и прикладами.

Груды тел убитых и раненых японцев нагромождались по обеим сторонам улиц, напоенных ручьями крови.

Громя и уничтожая все на своем пути, роты вышли на южную, юго-западную и юго-восточную окраины деревни и заняли здесь позицию за стенами и валами. [171]

Правый фланг нашего расположения был прикрыт сотнею 2-го Дагестанского полка и охотничьей командой Минского пехотного полка; левый фланг охранялся двумя ротами 3-го батальона.

Затихшая было стрельба возобновилась с наступлением темноты.

Изгнанный из деревни, противник подкрепился свежими частями, засел в канавах, в 800 шагах от наших позиций, и всю ночь обстреливал нас непрерывным пачечным огнем.

Часто неприятельские цепи приближались вплотную к стенам деревни, бросались в энергичные контратаки, но всякий раз отбивались дружными залпами рот.

- Бузулукцы, не стреляйте в своих! - слышались иногда гортанные возгласы у самых стен.

- Какая рота? - спрашивали наши, недоумевая, кто говорит, японцы или свои.

- Вторая! - выкрикивался ответ.

- Как фамилия ротного командира?

Вместо ответа, после небольшой паузы, посылаясь вдруг брань: «Ах вы, оборванцы!» сопровождаемая ружейными пачками.

Ни один бон, кажется, не обходился без подобного надувательства со стороны японцев. Они всегда были прекрасно осведомлены о том, кто против них действует.

Около 9 часов вечера, когда забранные полком трофеи не были еще приведены в известность, под-полковник Святицкий доносил генералу Голембатовскому: [172]

«Начальнику отряда.

В деревню Шуанго из деревни Чаничан.

С ординарцем.

1905 года, 17-го февраля, 9 часов 20 минут вечера, № 25. Деревня взята нами вся. Японцы бежали, часть переколота и взята в плен. Взято два пулемета. Часть японцев заперлась в одной фанзе; утром надеюсь взять их. Японцы продолжают стоять против деревни и стреляют по нас; мы отбиваемся залпами. Прошу прислать какой-либо резерв.

Временно-командующий полком,  
подполковник Святицкий».

Позже, на имя командующего полком от Минского полка были присланы два письма, не лишенные интереса.

1)»Подполковнику А.И. Святицкому.

„№ 36.

Сердечно поздравляю героя сегодняшнего дня. Атака бузулукцев неопишима. Это был ураган, перед которым никто не мог устоять. Затвор от пулемета, представленный мне рядовым 5-й роты Демьяном Помощниковым, представлен мною генералу Голембатовскому. Полковник Зубковский.

(Командир Минского полка)».

2)«Командиру Бузулукского полка.

Немедленно сделал распоряжение выслать все носилки подобрать ваших раненых и убитых. Горжусь, [173] что такому храброму полку оказал услугу своей пешей командой. За вами следит весь Минский полк, впереди я с 1 - 2 батальонами. Все в восторге от вашей блестящей атаки.

Подполковник. ....

(фамилия неразборчива)».

Итак, полк подвизался у деревни Чаничан, вполне обеспечив стремительной атакой правый фланг 8-го корпуса, которому, в виду этого, было приказано без особого распоряжения позиций не очищать, а в тылу, у деревень Шуанго и Лидяпу, кипела иного рода деятельность, более скромная, чем боевая, но зато трудная, ответственная и высоко-гуманная.

Я говорю о деятельности перевязочных пунктов нашего и Минского полков.

Наши врачи, Кочкин и Просвирнин, работали в деревне Лидяпу, в четырех верстах северо-восточнее деревни Шуанго, а в последней - врачи Минского полка.

Оба перевязочные пункта или, вернее, обе деревни, были завалены ранеными всего отряда генерала Голембатовского, и не только в фанзах, но на дворах и на улицах не было уголка, где бы не сидели, не стояли, не лежали солдаты и офицеры, из которых многие тут же умирали.

Можно иметь понятие о непосильном труде врачей Кочкина и Просвирнина, если они вдвоем приняли за ночь свыше 400 раненых.

Столько же, если не больше, было принято и перевязочным пунктом Минского полка. [174]

Дело осложнялось тем, что ни госпиталей, ни лазаретов, ни летучих отрядов, ни санитарных транспортов поблизости не было, так что вся тягота по перевязке, пропитанию, размещению, уборке с поля сражения и транспортированию раненых к железной дороге легла на полковых врачей и их помощников: фельдшеров и санитаров.

Санитары, например, выносили раненых из самых опасных, сильно обстреливаемых мест и не один раз, а в течение всего боя, без передышки путешествуя с носилками от перевязочного пункта до позиции и обратно.

С таким самоотвержением относились к делу служения ближним санитары: Ефим Данильченко, Иван Фролов, Андрей Матюхин, Дмитрий Лаптин, Прокофий Степанов, Николай Осипов, Петр Вахреев, Яков Кривонос, Яков Абросимов, Андрей Рыбалка, Андрей Потапов, Андрей Дубинин, Николай Спалкин, Николай Ватрушкин, Алексей Амарханов, Федор Демидов, Иван Макаров, Михаил Тепликов, Яков Портянко, Иван Комендант, Никифор Кириченко, Василий Курганов и Петр Ерошкин.

Три офицера, поручик Вилинский, прапорщики Чесский и Чернышев, и до 300 нижних чинов выбыли из строя ранеными, не доходя деревни. Убрать их всех своевременно, несмотря на старания врачей и санитаров, не было возможности, так как уборка производилась ночью, и раненые лежали не в одном определенном месте, а были разбросаны по всему полю.

Выпавший вечером небольшой снежок усугубил положение несчастных и, хотя случаев обмороживания [175] не было, но тем не менее многие простудились.

Прапорщика Чесского, истекшего кровью, вынес с поля из-под убийственного ружейного огня и доставил на перевязочный пункт старший унтер-офицер Михаил Дегтяр через 8 часов после поранения.

Из деревни, которую занял полк, раненые выносились скорее, потому что их было легче заметить, да и потери в нижних чинах здесь были гораздо меньше.

Из офицеров в деревне были тяжело ранены: подполковник Козлов, поручики Шиманский и Филиповский и убит подпоручик Сазонов.

Пораженный тремя пулями - в руку, ногу и бедро, с переломом кости, подполковник Козлов, на земле, не переставал командовать батальоном до тех пор, пока не сдал его поручику Багриновскому.

Младший унтер-офицер Иван Демахин о двумя другими нижними чинами перевязал под огнем противника раны героя-мученика и унес его на перевязочный пункт...

За несколько часов ожесточенного боя, разыгравшегося во всех направлениях, взаимное положение наших и японских армий приняло иной характер, в виду чего главнокомандующий около 9 часов вечера приказал по телефону генералу фон-дер-Лауницу: «2-й армии принять более сосредоточенное расположение, заняв линию деревень Тусанпу - Туэльпу, с резервом у Сухудяпу и с авангардом у Таваньганьпу». [176]

На основании распоряжения главнокомандующего, генерал Лауниц в 2 часа 40 минут ночи послал генералу Голембатовскому приказание о немедленном отходе отряда на деревню Тусанпу.

Генерал Голембатовский, в свою очередь, отправил письменное приказание подполковнику Святицкому в деревню Цаеньза:

«Бузулукскому и Орскому полкам, под моим начальством, приказано следовать на деревни Шуанго, Лидяпу и Тусанпу, для чего двум батальонам Бузулукского полка отойти с занимаемых позиций к деревне Туанто, на правый фланг, вслед за отходом с позиции Минского полка. Два остальных батальона составят боковой авангард и следуют на ту деревню, которую занимал сегодня Минский полк, и далее-параллельно движению колонны главных сил. Боковому авангарду выступить в 4 1/2 часа ночи. При отходе полка, подобрать всех раненых на руках или двуколках. Завтра прошу доставить сведения об убитых и раненых».

На это подполковник Святицкий, запиской за № 26, ответил:

«Доношу, что отходить из занятой деревни придется под выстрелами, а потому прошу разрешения отойти всему полку прямо на деревню Шуанго<sup>2</sup>.....полк все время подвергается сильному обстреливанию, и японцы несколько раз переходили в контратаку.....»

Вслед за запиской № 26 командующий полком послал записку за № 27, следующего содержания: [177]

«В дополнение к записке моей № 26, доношу, что все вещевые мешки, теплые валенки и одеяла оставлены мною в деревне Шуанго, на той позиции, какую мы занимали перед атакой для обороны. Что прикажете делать с ними? Жду указаний.

В дополнение записки моей за № 25, доношу, что в Шуанго мною отправлены еще четыре пулемета и 15 ружей, всего нами взято 6 пулеметов<sup>3</sup>, 75 ружей и 68 пленных. У нас потери приблизительно до 450 человек».

Записка эта была возвращена начальником отряда обратно с надписью на ней карандашом:

«Мешки забрать с собой и отходить без потерь.

Генерал Голембатовский».

Все это приказывалось и доносилось во время усиленных контратак противника, и

естественно, что при отходе потери были и много раненых осталось незабранными, так как свободных двуколок близко не имелось, а переноска всех раненых на руках строевыми нижними чинами задержала бы отступление полка.

В 4 1/2 часа утра 18-го февраля подполковник Святицкий приказал выводить постепенно роты из деревни Цаеньза, чередуя четные номера с нечетными, дабы не ослаблять сразу огонь на каком-либо участке.

Последними вышли 6-я рота и пешая охотничья команда (2-я), прикрывавшие отход полка и удерживавшие [178] противника, который открыл по дороге сильный перекрестный ружейный огонь.

Разумно задуманный и мастерски выполненный план отступления предохранил полк от перехода противника в наступление.

В 5 1/2 часов утра полк в полном составе прибыл в деревню Шуанго, откуда в 6 часов утра весь отряд генерала Голембатовского направился на деревню Тусанпу.

Полковому перевязочному пункту, находившемуся в деревне Лидяпу, было приказано немедленно сниматься и двигаться за отрядом.

За недостатком санитарных перевозочных средств, раненых укладывали на патронные двуколки, на вьючные носилки, садили на верховых лошадей; многие раненые были взяты на носилки санитарями, многие пошли пешком, однако, человек двадцать тяжело раненых, вместе с 7-10 человеками плененных раненых японцев, было оставлено в деревне.

Длинный транспорт, нагруженный несчастными, потянулся по берегу реки Хуньхэ к железнодорожной станции Сухудяпу.

Легко раненые шли толпами по сторонам дороги, силясь поспеть за едущими.

Сотня дагестанцев и взвод нашего полка, под командой поручика Максимова, прикрывали движение.

Японцы наступали по пятам, подгоняя многочисленную печальную процессию.

Раненые пешеходы, выбившиеся из сил от предыдущих гололовок, бессонных дней и ночей, от потери крови и едва переводившие дух, часто останавливались и спрашивали: [179]

- А далеко ли до станции?

- Кто его знает, верст десять, а то и больше, - слышался неопределенный ответ.

Другой раненый идет, идет да прямо на дороге и ляжет.

- Замаялся?

- Х-ху!.. Тяжело, братцы. Ноги, как колоды, - не поднимешь...

- Что ноги! Иди! Не то к япошкам угодишь.

И бедняга, запуганный «япошками», судорожно поднимается и как-то странно, неестественно переставляет ноги, шатается и снова падает.

- Ребята, Бога вы не боитесь! Видите, человек идти не может. Помогите! - укоризненно скажет сердобольная душа.

Раненого берут под руки и тащат.

Счастливая, благодарная улыбка светится на его бледном, вспотевшем лице, и он с удвоенной энергией болтает одеревеневшими ногами.

А вот два солдатика, обнявшись как девицы, опережают раненого офицера. У одного из них под мышкой большущий каравай хлеба. У офицера глаза разгораются. С каким аппетитом съел бы он кусочек черного хлеба!

- Братцы, дайте мне корочку, есть хочется! - обращается он к солдатам.

Те впиваются в него мутным, бессмысленным взглядом.

- Ваше благородие, с полным бы нашим удовольствием, да ножа нет, отрезать нечем! Мы вот тоже голодаем и ничего поделывать не можем, потому, ножа нет. И тащить-то эту штуку, хлеб,

тяжело. [180]

- Отломите!..

Нужно было видеть ту ребяческую радость, какая охватила солдат, когда офицер сказал: «отломите!» Они с жадностью набросились на хлеб, мигом разорвали его на части и стали есть.

- Ваше благородие, покорнейше благодарим вас...

- Отломите!.. И впрямь отломить, а мы не сообразили... Э-эх, обалдели мы, совсем обалдели!..

И сколько таких примеров обалдения приходилось наблюдать на войне!

Измотается человек - и Бог знает, чего только с ним не творится.

С горем да с бедой добрели, наконец, раненые до станции Сухудяпу и без особых хлопот были приняты в санитарный поезд, увезший всех их в Мукден.

В бою 17-го февраля полк понес потери: из 25 участвовавших офицеров ранено 6, убит 1: нижних чинов ранено 370, убито 49 и без вести пропало 58.

Патронов выпущено 78 тысяч.

Из состава офицеров выбыли лучшие силы.

С глубоким соболезнованием оплакивал полк славную смерть подпоручика Сазонова, пораженного неприятельской пулей в висок.

Этот юноша окончил в 1904 году курс московского военного училища и в сентябре месяце был назначен в Бузулукский полк. Чистой душой своей отдался он опасному делу и, в конце концов, ради этого дела, пожертвовал своею жизнью.

Сверстник его по летам и двойник по душе, подпоручик Лебедев, посвятил памяти незабвенного юноши простое, но искреннее стихотворение, выражающее [181] те чувства, которые питали мы к погибшему товарищу.

Вот оно:

«Ты приехал в наш полк, точно счастье  
И веселье, и юность принес,  
Зронив в наше царство ненастья  
Искры милых, пленительных грез.  
Мы все так истомились душою,  
Состарелись в тяжелых боях,  
Что казалась нам дерзкой мечтою  
Юность в этих ужасных краях.  
Вечный бой, крики, стоны, страданье,  
Ходим сутками точно в чаду,  
Лишь одно только чести сознание  
Не терялося в этом аду.  
И как вдруг лучезарной звездой  
Меж измученных боем людей  
Ты пришел, ободряя простою,  
Детски чистой душою своей.  
К нам как будто бы вновь заглянула  
На минутку шалунья весна  
И, как в старые годы, вдохнула  
Веру в счастье и юность она.  
При твоём появлении первом,  
Веселей стали лица у всех,  
И на отдых истрепанным нервам  
Беззаботный полился твой смех.

Но в бою за стеной Чаничана,  
В том бою, где геройский наш полк  
Проявил мощь и волю титана,  
Юный голос навеки умолк.  
Спи, товарищ, спи, милый ребенок,  
Между нами живет образ твой:  
Так же чист, так же мил, так же кроток,  
Так же манит вперед за собой!»

Как ни велико было численное ослабление полка после чаничанского боя, как ни дороги были принесенные этому делу человеческие жертвы, духовная мощь полка сохранилась в прежней силе.

В строю остались целыми и невредимыми герои Чаничана: командующий полком, подполковник Святицкий, [182] капитаны: Рукевич, Янышев, штабс-капитан Андронников, поручик Багриновский, подпоручик Ананьев и другие, а также много нижних чинов, на горбу своем безропотно вынесших всю тяжесть боя.

Назову имена их:

Зауряд-прапорщики: Сиротин, Федосиенко, Панков, Чеботков; старший унтер-офицер из вольноопределяющихся Александр Головин; фельдфебеля: Алексей Зуйков, Иван Круглов, Иван Семенычев, Андрей Петров; старшие унтер-офицеры: Степан Демидов, Петр Аггеев, Федор Игнатьев, Иван Кузнецов, Емельян Фомичев, Филимон Трошин, Михаил Васильев, Алексей Иванов, Федор Бураков, Михаил Гусаров, Петр Поляруш, Никон Енченко, Иван Ашмарин, Гавриил Чихирев, Федот Багринцов, Михаил Дегтяр, Иван Пономаренко, Марк Барановский, Федор Федоров, Евдоким Горбачов, Алексей Маслов, Иван Озернов, Акакий Букин, Василий Лукьянов, Иван Дадин, Иван Фоменко. Иван Борисов, Герасим Ефремов; младшие унтер-офицеры: Яков Савельев, Михаил Синицын, Семен Десятчинков, Павел Жданов, Яков Понежа, Иван Конев, Иван Каргалов, Артемий Колесников, Евтихий Бреус, Павел Ищенко, Тимофей Шелихманов и Алексей Ходырев при атаке деревни шли во главе своих взводов и отделений, в числе первых ворвались в деревню, отлично распоряжались в бою, служа примером храбрости для подчиненных.

Ефрейтора: Петр Кондратьев, Алексей Шашков, Иван Храмцов, Моисей Лиссер, Яков Матеров, Константин Платонов, Петр Обмоин, Иван Воронцов, Федор Остриков, Митрофан [183] Лаптев, Степан Иваненко, Трофим Ильченко, Иван Ворожцов, Василий Меркушов, Иван Бугров, Илларион Ильин, Ефим Плешанов, Илья Попков, Григорий Фрысин; рядовые: Прокофий Чинов, Григорий Симонов, Павел Оногенов, Иван Иванов, Василий Смолин, Кузьма Лифров, Василий Рогожин, Андрей Ларионов, Сергей Кузоваткин, Иван Сладков, Михаил Архипов, Семен Чесноков, Иван Роченко, Осип Сиденко, Пейся Школьник, Степан Козубов, Лев Хитрый, Яков Озолов, Яков Мурзаев, Анисим Голин, Федор Озолов, Салаатдин Шагоутдинов, Владимир Попов, Егор Корсаков, Анисим Сыркин, Иван Григорьев, Артемий Козлов, Иван Имахин, Федор Мещанинов, Иван Точенов, Алексей Осиечко, Василий Воробьев, Федор Айдинаер, Иван Григорьев, Иван Зиновьев, Илларион Прохоров, Никифор Москаленко, Василий Горбачев, Василий Зотов, Иван Ибаур и Роман Березняк впереди других вбежали в атакуемую деревню, сбили противника с позиций и, когда подоспели остальные нижние чины, выгнали его из деревни.

Старшие унтер-офицеры: Михаил Гусаров, Каленик Заирожец, Петр Шапочников, Василий Владимиров, Степан Землянов; младшие унтер-офицеры: Михаил Черкасов, Евдоким Ханин; ефрейтора: Семен Дорошин, Федор Волков; рядовые: Сергей Евдокимов,

Даниил Помощников, Семен Музилев, Оленик и Михаил Малендо вырвали из рук японцев увозимые ими пулеметы, при этом часть прислуги перекололи, часть взяли в плен. Почти все из поименованных нижних чинов награждены знаками отличия военного ордена различных степеней.

[184]

## **XX.**

### **18-е февраля.**

В 9 часов утра 18-го февраля отряд генерала Голембатовского подошел к деревне Тусанпу и сделал здесь привал.

Около 8-ми часов утра перед деревней Тусанпу, со стороны деревень Лидяпу и Цаодяпу, появились передовые части противника.

Генерал Голембатовский словесно приказал:

«Орскому полку занять позицию к востоку от деревни Тусанпу, фронтом на юг. Бузулукскому полку занять юго-западную окраину деревни Тусанпу и далее до роши, севернее ее, фронтом на запад».

Позиции были немедленно заняты.

В 11 часов утра начальник отряда получил из штаба 2-й армии письменное приказание:

«Временно-командующий армией возлагает на вас задачу прикрытия Сухудяпу с севера и северо-запада, заняв для этого позицию на правом берегу Хуньхэ. Прошу обрекогносцировать позицию и осведомить штаб о предполагаемом занятии ее. Поддерживайте связь налево с генерал-лейтенантом Ивановым и сообразуйте свои действия с ним во время его нахождения на левом берегу Хуньхэ, у Сухудяпу».

В 12 часов дня японская артиллерия открыла сильный огонь по деревне Тусанпу. Две наши батареи быстро выехали на позицию и ответили беглым огнем, настолько метким и разрушительным, [185] что японцы приостановили наступление и даже отошли несколько назад, а батареи их, сбитые нашим артиллерийским огнем, принуждены были сняться с позиций - и прекратили стрельбу.

В то же время, к северу от деревни Сухудяпу, было замечено движение небольших частей противника, угрожавших обходом фланга отряда, вследствие чего генералу Голембатовскому в 2 часа пополудни было дано из штаба 2-й армии новое приказание:

«Благоволите принять немедленные меры для исполнения распоряжения временно-командующего армией, относительно обеспечения Сухудяпу с севера и северо-запада. По сведениям конницы, к северу от Сухудяпу уже появились части противника, открывшие артиллерийский огонь, не долетавший до Сухудяпу всего только на одну версту».

По получении сего, генерал Голембатовский распорядился:

«241-му пехотному Орскому полку отойти на деревню Айдяпу, которую и занять для обороны; 215-му пехотному Бузулукскому полку отойти на деревни Хлады-Далинпу; артиллерии прикрывать отход и затем занять позицию к югу от деревни Хлады».

Как только отряд занял указанные позиции, японцы открыли по деревне Айдяпу сильный артиллерийский огонь, на который наши батареи удачно отвечали.

В 4 часа пополудни, для обеспечения Сухудяпу с севера и северо-запада, временно-командующий армией приказал генералу Голембатовскому отвести отряд на высоту деревни Тунхайца (к северо-западу от Сухудяпу). [186]



Начальник отряда сделал распоряжение:

«Орскому полку отойти и занят Южную Тунхайцза, а Бузулукскому, с 5-й батареей 28-й артиллерийской бригады и 4-й Забайкальской казачьей батареей - северную Тунхайцза. Я. буду находиться при 215-м полку».

Полки и батареи отошли в сумерках, а около 9-ти часов вечера заняли деревни.

Вечером наши разъезды, высланные к деревне Сухудяпу, донесли, что эта деревня оставлена нашими войсками и занята противником.

Генерал Голембатовский, предполагая, что утром японцы могут перейти значительными силами в наступление и припереть отряд к реке, из-за опасения за участь артиллерии, решил отвести ее ночью же на левый берег Хуньхэ, откуда и прикрыть ее огнем отход пехоты отряда, если противник атакует его.

Ночью 5-я батарея 28-й артиллерийской бригады и 4-я Забайкальская казачья батарея, с одним батальоном полка, переправились на левый берег Хуньхэ между деревнями Сухудяпу и Эльтхайцзы и заняли позицию между последней деревней и Худяпу (против деревни Ляндяпу).

Три батальона полка расположились по фанзам деревни Северная Тунхайцза, а один батальон был выставлен в сторожевое охранение бивака.

[187]

## **XXI.**

### **Бой у деревни Тунхайцза, 19-го февраля.**

Около 2-х часов утра 19-го февраля разъезды 2-го Дагестанского полка, всю ночь следившие за противником, сообщили о движении больших неприятельских колонн к реке Хуньхэ, по направлению к деревне Сухудяпу.

Генерал Голембатовский, получив эти сведения, - словесно распорядился:

«Артиллерии немедленно, под прикрытием одного батальона Бузулукского полка, отходить на деревню Мадяпу: остальным батальонам полка оставаться в деревне Северная Тунхайцза. Я буду при артиллерии».

Во исполнение сего приказа, артиллерия и 1-й батальон полка тотчас же выступили на деревню Мадяпу.

Около 4-х часов утра, со стороны деревни Сяодяпу, густые неприятельские цепи повели наступление на занимаемую полком деревню, а со стороны деревни Айдяпу (с северо-запада) показалась японская кавалерия.

По приказанию подполковника Святицкого, 2-й и 4-й батальоны заняли боевым порядком западную и северную окраины деревни, а 3-й батальон составил резерв и расположился непосредственно за боевой частью.

В 6 часов утра две батареи неприятельской артиллерии встали между деревнями Сяодяпу и Айдяпу [188] и открыли по деревне Северной Тунхайцза сильнейший перекрестный огонь.

Деревня заволочлась черным, удушливым дымом лопавшихся шимоз и шрапнелей, и не было местечка, которое не засыпалось бы осколками снарядов и шрапнельными пулями.

Невысокие, полуразрушенные глинобитные стены деревни плохо защищали полк от действия неприятельской артиллерии, а так как у нас ни одного орудия не было, то японцы совершенно беспрепятственно развили артиллерийский огонь до крайней степени меткости, силы и скорострельности.

В то же время около дивизии японской пехоты с пулеметами и несколько эскадронов кавалерии обложили деревню Северную Тунхайцза с западной, северо-западной и южной

сторон и открыли пачечный ружейный и пулеметный огонь.

Полк отвечал беспрерывными меткими залпами, приостановившими наступление противника.

Между тем Орский полк, занимавший деревню Южную Тунхайца и понесший за это утро ничтожный урон, неожиданно покинул деревню и начал быстро отходить на восток.

Узнав об этом, командующий полком приказал прикрыть отступление орцев ружейными пачками, принудившими японские цепи поспешно отойти назад.

С отходом Орского полка, наши батальоны остались одни лицом к лицу с превосходными силами противника, который вскоре сильными колоннами, под прикрытием густых цепей, перешел в наступление на деревню Северную Тунхайца из-за деревень Сяодяпу и Айдяпу, при чем боковые неприятельские [189] части, пехотные и кавалерийские, постепенно охватывали нас с флангов, с намерением отрезать путь отступления.

В 8 часов 20 минут утра командующий полком отправил через ординарца донесение генералу Голембатовскому:

«С юга наступает на деревню Большую Тунхайца до двух полков пехоты. С запада, от Сяодяпу, видны густые цепи и оттуда стреляют японская артиллерия и пулеметы. Деревня Тунхайца сильно обстреливается ружейным и артиллерийским огнем. Командир Орского полка прислал с офицером сказать мне, что он отходит назад».

Посланный с этой запиской казак 2-го Дагестанского полка начальника отряда не нашел и возвратил записку командующему полком.

В течение трех часов батальоны отбивались залпами и пачками от энергичных натисков противника, и замечательно, что японцы, несмотря на громадный перевес в войсках разного рода оружия, не могли совладать с горстью брошенных на произвол судьбы голодных и переутомленных людей.

В 10 1/2 часов утра подполковник Святицкий, не получая никаких распоряжений от начальника отряда и не имея ни с кем никакой связи, решил, в виду критического положения полка, окруженного с трех сторон неприятельской пехотой, артиллерией и кавалерией, очистить деревню Северную Тунхайца.

Едва только наши роты стали отходить на северо-восток, как японцы заняли покинутую нами деревню и преследовали нас беглым артиллерийским [190] огнем с близких расстояний, а также сильным пачечным ружейным огнем продвигавшихся вперед пехотных частей.

Полку угрожала опасность быть настигнутым и раздавленным врагом.

Поэтому, подполковник Святицкий остановил полк, не доходя деревни Мадяпу, и приказал занять находившийся у дороги подковообразный вал.

Приказание было мгновенно исполнено, и батальоны встретили цепи преследовавшего нас противника убийственными пачками.

Такой внезапный для японцев сюрприз повернул их обратно в деревню Тунхайца.

Тогда полк снова начал отходить, но у деревни Таюшепу подвергся фланговому нападению трех эскадронов неприятельской кавалерии.

Эскадроны бросились на нас в атаку, но своевременно произведенными ружейными залпами были быстро рассеяны, после чего батальоны переправились у строившегося деревянного моста через р. Хуньхэ и в 12 1/2 часов дня подошли к деревне Мадяпу.

Здесь на имя командующего полком получила записка:

«№ 70 (год, число, месяц и место отправления не проставлены). Командующий армией приказал отвести вверенный вам полк в общий резерв 2-й армии, в деревню Сатхоза.

Полковник

(фамилия неразборчива)».

Согласно этой записки, полк безостановочно продолжал путь и вскоре прибыл в деревню

Сатхоза, [191] где от генерал-лейтенанта Рузского было получено приказание такого содержания:

«Командиру 215-го пехотного Бузулукского полка.

1905 года, 19/II, 4 час. 20 мин. дня (без номера). Временно-командующий армией приказал: отходящим частям вверенного вам полка войти в состав общего резерва армии, находящегося под общим начальством генерал-майора Ганненфельда».

Полк остановился на ночевку в поле, у деревни Сатхоза.

Солдаты составили ружья и зажгли костры.

Около 7 часов вечера, по приказанию генерала Ганненфельда, две роты, 9-я и 10-я, были назначены в прикрытие к стоявшей невдалеке 5-й Сибирской поршневой батарее.

В бою 19-го февраля полк понес потери: из участвовавших 18 офицеров ранены: подполковник Лисичкин и поручик Богдановский и забраны в плен ранеными: штабс-капитан Тетерин и поручики Колосовский и Трофимов; нижних чинов убито 20, ранено 132, без вести пропало 59.

Патронов выпущено 50 тысяч.

Большинство раненых осталось на поле сражения, некоторые же были подобраны полковыми врачами Кочкиным и Просвирниным, при помощи санитаров: Дмитрия Лисина, Кузьмы Балабашина, Семена Семдянова, Артемия Иванова, Ивана Коменданта, Никифора Кириченко, Ефима Иванова, Андрея Модина и других.

Из нижних чинов в этом бою отличились выдающейся храбростью, находчивостью и распорядительностью старшие унтер-офицеры: Иван Фоменко, Василий Краснов, Тихон Гусев, Михаил Безруков, [192] Никифор Тупиков, Трофим Бурдейный, Александр Карпов; младшие унтер-офицеры: Артемий Каленик, Иосиф Даниленко, Григорий Карташев, Иван Евстюшкин, Василий Мельников, Алексей Ионов, и рядовые: Григорий Петровнин, Исак Русан и Андрей Ларионов.

## **XXI.**

### **Бой у деревни Янсынтунь, 21-го февраля.**

Ночь с 19-го на 20-е полк провел без сна у зажженных в поле костров.

Начиная с 16-го февраля офицеры и солдаты не видели горячей пищи, не знали ни сна, ни отдыха.

Запас сухарей тоже истощился. По пути в деревню Сатхоза удалось достать у проходивших частей немного мясных консервов, но ими едва ли удовлетворилась даже меньшая половина полка.

Единственно, чем поддержали свои истощенные силы солдаты, так это чаем, приготовленным в эту ночь на кострах.

Не поддаются описанию те ужасы и лишения, которые претерпел полк за время с 16-го по 20-е февраля.

Оборванные и грязные, с желтыми, исхудалыми лицами, с воспаленными глазами, блестящими, как в горячке, лихорадочным огнем, офицеры и солдаты в красном свете костров были похожи не на людей, а скорее на выходцев с того света.

Требовался продолжительный, безмятежный отдых, требовалось своего рода лечение, чтобы исцелить [193] их духовные и физические недуги, чтобы сколько-нибудь привести всех их в нормальное состояние, но, увы! - ни того, ни другого не предвиделось.

В 5 часов утра 20-го февраля генерал Ганненфельд отдал словесное приказание:

«Бузулукскому полку, вместе с Минским и Замосцким полками, под моим начальством, немедленно выступить на деревню Таапу, в резерв отряда генерала Церпицкого. Я буду при Минском полку».

На рассвете полк, с присоединившимся к нему 1-м батальоном, командированным накануне в охрану артиллерии, выступил на деревню Таапу, куда прибыл около полудня и расположился у восточной окраины деревни.

В то же время Минский полк занял деревню Янсынтунь, версты на две западнее деревни Таапу.

Обе деревни и промежуток между ними с утра до вечера обстреливались сильным, сосредоточенным огнем неприятельской артиллерии.

Ранним утром 21-го февраля японцы возобновили артиллерийскую стрельбу, а к полудню довели ее до небывалого напряжения.

Не выходя из сферы артиллерийского огня, полк до 2-х часов дня бездействовал; минцы же отбивали бешеные атаки японской пехоты на деревню Янсынтунь.

К 2-м часам дня противник в превосходных силах охватил дугой занятую минцами деревню и готов был задавить стойко сопротивлявшийся полк.

Тогда Бузулукскому полку было приказано немедленно развернуться и двигаться на помощь минцам. Подполковник Святицкий вывел батальоны из-за деревни и рассыпал их цепями. [194]

Вдруг, в этот момент, на поле, в дыму рвавшихся неприятельских снарядов, показалась кавалькада всадников, с необыкновенной быстротой приближавшаяся к полку.

- Молодцы-бузулукцы! Я слышал о вашей доблести! - прогремел могучий голос одного из всадников, с обнаженной седой головой влетевшего, стоя на стременах, в ряды изумленного невиданным зрелищем полка.

- Молодцы-бузулукцы, на минцев насаждают японцы. Помогите им!.. С Богом!.. Ура!..

Слова эти принадлежали симпатичному старику-генералу Церпицкому и были произнесены с таким горячим воодушевлением, что офицеры и солдаты, точно наэлектризованные, с криком «ура» неудержимо, как вихрь, бросились вперед.

Во главе цепей, верхом на лошади, мчался командующий полком, подполковник Святицкий, вдогонку за ним неслась боевая часть из 1-го батальона, под командой штабс-капитана Янышева, и 11-й и 12-й рот; в непосредственном резерве за ними следовали 2-й батальон, под командой капитана Плевако, и 3-й батальон, под командой поручика Загуляева.

Японцы с дальнего расстояния осыпали батальоны адским артиллерийским и ружейным огнем, но все попытки врага остановить движение оказались тщетными.

Через четверть часа батальоны широкой волной влились в цепи Минского полка, моментально отбросили японцев от деревни Янсынтунь и преследовали расстроенные и обращенные в бегство цепи противника учащенными ружейными пачками, нанеся им громадный урон. [195]

Велика была общая радость, когда наша помощь доблестному Минскому полку, поддержавшему нас в деле 17-го февраля, принесла столь блестящие результаты в настоящем бою.

В сумерках Бузулукский полк, совместно с Минским, занял оборонительную позицию на окраинах деревни и выставил впереди сторожевое охранение.

Артиллерийская стрельба противника прекратилась, а ружейная значительно ослабела.

Около 7 часов вечера к полку подошли, наконец, походные кухни с горячей пищей, которая и была роздана офицерам и нижним чинам.

Ночью японцы опять перешли в наступление на деревню Янсынтунь и ими было произведено от 6-ти до 8-ми энергичных атак, успешно отбитых нашим ружейным огнем, при этом редкой отвагой и распорядительностью отличались, помимо офицеров, нижние чины: зауряд-прапорщики: Бухало и Чечельницкий; фельдфебеля: Григорий Павлов и Илья Сусликов; старшие унтер-офицеры: Иван Мищенко, Василий Вотяков, Иосиф Явецкий, Василий Григорьев, Иван Гребенюк, Иван Чарыков, Аюп Ехимбаев, Кузьма Спиридонычев, Павел Городянский, Павел Петров, Осип Попов; младшие унтер-офицеры: Василий Фомин, Осип Коваленко, Тимофей Федоренко, Артемий Колесник, Павел Ищенко; ефрейтор Николай Башев и рядовые: Степан Савушкин, Андриан Иващенко, Степан Рынковский, Кондратий Караученко, Иван Зиновьев, Кузьма Окунев, Сафиулла Гузеев, Герасим Вертков и Семен Семдянов.

Около часу ночи, когда угрожавшая Минскому полку опасность миновала и японцы успокоились, 1-й, [196] 2-й и 3-й батальоны Бузулукского полка, согласно приказа командира Минского полка, полковника Зубковского, отошли к деревне Таапу, а 4-й батальон, впредь до особого распоряжения, остался в деревне Янсынтунь.

В бою 21-го февраля полк понес потери: из 10 участвовавших офицеров ранен поручик Багриновский; нижних чинов убито 25, ранено 328, без вести пропало 12.

Патронов выпущено 32 тысячи.

Раненые доставлялись на полковой перевязочный пункт, открытый с 4-х часов пополудни 21-го февраля в деревне Ляндиопа.

За ночь врачи Кочкин, Просвирнин, Трейман, Блитштейн и Пономарев приняли свыше 300 раненых и к утру следующего дня транспортировали всех их в Мукден.

### **XXIII.**

#### **Бой у деревни Кандятунь, 22-го, 23-го и 24-го февраля.**

Около 2-х часов ночи с 21-го на 22-е февраля полк, выполнив возложенную на него задачу, возвратился из деревни Янсынтунь в деревню Таапу и здесь тотчас же получил словесное приказание генерала Ганненфельда:

«Немедленно идти в деревню Кандятунь, которую занимает 56-й пехотный Житомирский полк, и поступить в распоряжение генерал-лейтенанта Русанова». [197]

Спустя час, полк прибыл в деревню Кандятунь, где от генерала Русанова было получено следующее письменное приказание:

«Командиру 215-го Бузулукского полка.

1905 года, 22-го февраля, № 173, 1 час 20 минут утра.

Один батальон Бузулукского полка должен быть оставлен в Фугонтуне для ночных работ и дежурным, три остальных батальона приведите немедленно в Кангыатунь; из них 6 рот должны поступить теперь же в распоряжение командира Житомирского полка и стать в промежутке селений Кангыатунь и Саосатхоза, для прикрытия на ночь от прорыва между ними и колонною генерала Петрова. На рассвете эти три батальона возвращаются в Таапу и составляют резерв участка обороны линий Янсынтунь-Кангыатунь, в моем распоряжении<sup>4</sup>.

Генерал Русанов».

По дополнительному приказанию генерала Русанова, 4-й батальон, под командой капитана Рукевича, продолжал оставаться в деревне Янсынтунь вместе с минцами, а 9-я и 10-я роты прикрывали 5-й мортирный полк; 1-й батальон, под командой штабс-капитана Янышева, немедленно усилил боевую линию Житомирского полка у деревни Кандятунь; 2-й батальон,

под командой капитана Плевако, и 11-я и 12-я роты вошли в общий резерв, поставленный позади деревни Кандятунь. [198]

С рассветом усиленно загрохотали наши и японские орудия.

Весь день деревни Кандятунь и Янсынтунь забрасывались неприятельскими снарядами и обстреливались непрерывным ружейным огнем, на который мы отвечали пачками и залпами.

К 6-ти часам вечера артиллерийский огонь прекратился, но ружейный поддерживался неослабно.

В 8 часов вечера 5-я и 6-я роты полка и пешая охотничья команда были выдвинуты к югу от деревни Кандятунь, для заполнения прорыва между нами и Замосцким полком и для связи с сим последним, 11-я и 12-я роты выдвинулись к северу, для связи с Минским полком; в общем резерве остались 7-я и 8-я роты.

Часов около 9-ти вечера густые неприятельские цепи повели наступление на линию деревень Кандятунь-Янсынтунь, обхватили наши фланги и бросились в атаку на нас, но повсеместно были отбиты ружейным огнем с большим уроном.

У деревни Кандятунь противник подходил вплотную к занимаемым нами окопам, поэтому, некоторые из рот полка вышли из-за прикрытий и бросились в штыки на японцев, отогнали их, захватили в плен 8 раненых 3-х здоровых нижних чинов и подобрали брошенные неприятелем 18 ружей и пачки патронов.

В 9 1/2 часов вечера командующий полком отправил под конвоем ружья, а также 6 пулеметов, взятых у деревни Чаничан, в штаб 10-го армейского корпуса при записке такого содержания: [199]

«В штаб 10-го армейского корпуса.

1905 года, 22-го февраля, 9 часов 20 минут вечера, № 58. Из деревни Кандятунь.

При сем препровождаю 6 пулеметов и 75 ружей, отбитых 215-м полком от японцев в деревне Чаничан, 17-го февраля, а также 18 ружей и патроны, взятые у японцев при отбитии совместно с Житомирским полком их атак на деревню Кандятунь, в ночь с 21-го на 22-е февраля. В получении 6-ти пулеметов и 93 ружей прошу дать расписку.

Кроме того, в эту ночь нами захвачено было 8 раненых и 3 здоровых пленных, которые были направлены на перевязочный пункт в деревню Лигоапу, а оттуда в штаб корпуса, но по ошибке всех их отвели в Мукден и сдали коменданту.

Временно-командующий полком,  
подполковник Святицкий»<sup>5</sup>.

В этот вечер главнокомандующим был отдан следующий приказ:

«Противник быстро сосредоточивается к своему левому флангу и продолжает теснить наш правый фланг, угрожая охватом с запада и даже с севера. Вследствие чего предписываю армиям перейти к Мукдену в ночь с 22-го на 23-е февраля и в течение 23-го числа исполнить:  
1) 3-й армии занять линию укреплений тет-де-пон<sup>6</sup> от реки Хуньхэ до укрепления № 5, что к [200] востоку от деревни Мучан, выделив стратегический резерв в Мукден 16 батальонов.

2) 1-й армии занять позиции Фулинскую и Фушунскую, имея свой правый фланг в укреплении № 5. Отрядам генералов Данилова и Маслова прикрывать пути от линии Фушун-Импань на Телин. 1-й армии выделить в стратегический резерв в Мукден 24 батальона.

3) 2-й армии и временно приданным к ней корпусам прикрывать это движение, удерживая противника на линии деревень Уанитунь – Цаохотунь – Юхуантунь – Янсынтунь – Сатхоза, с крайним упорством задерживая противника на своем правом фланге.

4) Тыловые пути для армий, в изменение районов, указанных телеграммой за № 2414, для сосредоточения дивизионных обозов предоставляются:

2-й армии - к западу от Мандаринской дороги, не занимая ее;

3-й армии - Мандаринская дорога и пути до дороги Кученза – Фулин – Цунсючен – Хунсан - Сулинцы (карта 2 верстн.) – Лаошитунь – Янутунь – Шихуацза – Суятунь – Циютай - Чилитунь (карта 2 верстн., издание 2-е), не занимая последней дороги;

1-й армии - последняя дорога и все к востоку от нее.

5) Войскам 3-й и 1-й армии отойти главными силами в течение ночи совершенно скрытно, оставив на позициях сильные арьергарды, коим отходить только под напором противника, по возможности его задерживая».

Для обороны подступов к Мукдену с севера, главнокомандующим было приказано экстренно сформировать [201] особый отряд, под начальством генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница.

Отряду дана была задача: активно прикрывать подступы к Мукдену и препятствовать разрушению железной дороги, с какою целью атаковать противника и отбросить его.

Согласно приказа главнокомандующего, генерал-лейтенант Церпицкий, для действия на 23-е февраля, отдал в 12 часов 50 минут ночи распоряжение:

«Бузулукский полк, совместно с Минским, Житомирским полками и 52-мя скорострельными орудиями, должны упорно оборонять участок позиций от деревни Янсынтунь (исключительно) до деревни Саосатхоза (исключительно)». (Диспозиция № 6).

В течение ночи с 22-го на 23-е полк отбил четыре неприятельских атаки на деревню Кандятунь.

На рассвете японцы отступили, и тогда 5-я, 6-я, 11-я и 12-я роты и пешая охотничья команда, заполнявшие промежуток между соседними деревнями, отошли за деревню Кандятунь, в общий резерв.

С 9 часов утра и до 5-ти часов вечера 23-го февраля противник, как и накануне, сильно обстреливал нас артиллерийским огнем, принесшим, впрочем, небольшие потери.

Состав офицеров и нижних чинов полка к этому времени до того уменьшился, что полк, приказанием генерал-лейтенанта Русанова, был сведен в двухбатальонный состав.

Офицеров в строю находилось всего 7 человек: подполковник Святицкий, капитаны Рукевич и Плевако, штабс-капитаны Янышев и Андронников, поручик Загуляев и подпоручик Казанский. [202]

В 8 часов вечера командующий полком получил от полковника Трегубова письменное приказание:

«1905 года, 23-го февраля, 7 часов 50 минут вечера № 23-3. Кынгантунь.

Начальник дивизии приказал ваш полк теперешнего двухбатальонного состава распределить следующим образом: один батальон дать в распоряжение начальника правого боевого участка, полковника Зубковского, а другой - в распоряжение начальника левого боевого участка, полковника Короткевича. Батальон, при котором пожелаете состоять, предоставляется вашему усмотрению».

В исполнение сего приказания, 1-й батальон, совместно с Житомирским полком, оставался в деревне Кандятунь и занимал окопы; 5-я, 6-я и 7-я роты были выдвинуты к югу от этой деревни, для связи с Замосцким полком, а 11-я и 12-я роты - к северу, для связи с Минским полком; 5-я рота составила общий резерв.

Воспользовавшись некоторым затишьем и прекращением со стороны противника артиллерийской стрельбы, командующий полком приказал подвезти из деревни Тапу полковые походные кухни с горячей пищей. Кухни прибыли в деревню Кандятунь около 8

часов вечера.

Японцы, словно узнав об этом, обстреляли деревню артиллерийским огнем, продолжавшимся часа два. Однако, пища была роздана, и кухни благополучно уехали к прежней стоянке, в деревню Таапу. Поздно вечером несколько рот Житомирского полка и наша охотничья команда были высланы к деревне Улинпу для разведки противника. [203]

Команда и роты скоро вернулись назад, так как в 11 часов вечера японцы перешли в наступление на деревню Кандятунь.

За эту ночь мы отбили до 5-ти ожесточеннейших атак и нанесли японцам очень большой урон.

С рассветом противник отошел назад, к своим позициям, и снова открыл страшный артиллерийский и ружейный огонь по деревням Кандятунь и Янсынтунь.

24-го февраля японцы главный удар направили против центра и правого фланга генерала фон-дер-Лауница.

В особенности сильно обстреливались ружейным и артиллерийским огнем участки обороны генералов Церпицкого и Топорнина.

Мы удержали по всей линии свои позиции и нанесли японцам тяжкие потери.

Вечером войскам 2-й армии был отдан приказ:

«Противник, наступавший в обход нашего правого фланга, остановлен у железной дороги нашими отрядами, взявшими фланг японцев под перекрестный огонь. В то же время в тылу противника, с севера, отряд генерала Грекова занял несколько деревень. Все атаки японцев на наши позиции отбиты. Завтра войскам 2-й армии упорно удерживать свои позиции, а отряду генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница действовать по особым указаниям главнокомандующего».

В 7 1/2 часов вечера полк принял то же расположение, что и в предыдущую ночь.

В 8 часов вечера на имя командующего полком была прислана записка без обозначения номера, года, числа и часа: [204]

«В виду невыгодного положения в отношении противника Мукдена и сосредоточения в последнем всяких грузов и обозов в огромном числе, представляется необходимым очистить Мукден от всего того, что может стеснять движение и маневрирование войск, как-то: обозов и транспортов. Так как с удалением обозов нам придется вести бой без подвоза в течение нескольких дней....., главнокомандующий приказал обеспечить людей и лошадей носимым на себе довольствием в возможно большей пропорции, дней на 5-6, за счет всего иного носимого, за исключением боевого снаряжения, оружия, патронов и шанцевого инструмента. Об изложенном сообщая для исполнения.

Начальник отряда,  
генерал-лейтенант Русанов».

Около 9 часов вечера к деревне Кандятунь приблизилась японская цепь и обстреляла нас ружейным огнем.

Наши дружные залпы и пачки быстро прогнали японцев - и перестрелка прекратилась.

В 1 час 50 минут ночи командующий полком получил записку (без номера):

«Готовьте полк к немедленному движению на север от Мукдена. Диспозиция будет сейчас прислана.

Полковник Трегубов».

Вместо диспозиции, в 2 1/2 часа утра 25-го февраля была получена вторая записка (без



обозначения номера, года, числа и часа отправления): [205]

«Командиру Бузулукского полка.

Полку выступить за Минским полком в Таапу и Тидяинцзу; за вами пойдет артиллерия и Житомирский полк. Начальник дивизии будет при Минском полку.

Полковник Трегубов».

В 3 часа утра 25-го февраля полк, под командой подполковника Святицкого, выступил с мерами охранения на деревню Таапу и далее к Мукдену, имея впереди себя Минский полк, а сзади Житомирский.

За трое суток боя у деревни Кандятунь потери полка выразились: ранен поручик Скорняков; нижних чинов убито 4, ранено 52.

Патронов выпущено 90 тысяч.

Полковой перевязочный пункт в полном составе врачей и фельдшеров с 4-х часов дня 21-го до 3-х часов утра 25-го февраля действовал в деревне Ляндиопа, а затем, сдав раненых в санитарные поезда, двинулся, по приказанию начальника отряда, через Мукден на север, по Мандаринской дороге.

## **XXIV.**

### **Отступление от Мукдена.**

25-го февраля свирепствовал лютый песочный буран.

Ветер с необычайной силой и яростью бушевал в охладевшем воздухе, выхватывал целые глыбы разрыхленной земли и песку, гнал их грязно-желтыми, бесформенными громадами к самым облакам, заслоняя ими и окутывая непроницаемой мглой [206] и солнце, и прозрачную лазурь неба, кружил, рвал эти громады на мелкие части и рассыпал их обильным дождем в пространстве. Песок сыпался отовсюду: снизу, сверху, со всех сторон, набивался в уши, в рот, в нос, в глаза, проникал под одежду. Люди гнулись, как солома, задыхались от пыли, а лица их покрылись толстыми земляными масками, и казалось, что не только человек, но и вся остальная жизнь трепетала, как ничтожество, и рабски подчинялась стихийной силе вихря, неудержимо и властно разыгравшегося в этом беззащитном уголке Южной Маньчжурии.

Полк двигался проселочными дорогами и в 7 часов утра, при переходе через железнодорожное полотно у деревни Линдунтунь, был встречен генералом Церпицким, который сердечно поблагодарил каждую роту за молодецкую службу.

В 8 часов утра полк подошел к городу Мукдену и был задержан здесь до 11 часов утра для того, чтобы дать возможность пройти вперед артиллерии и войсковым обозам, а затем направился на север, не входя в состав никакого отряда. У Но едва батальоны вытянулись на Мандаринской дороге, как невдалеке, точно нагнанные ветром, показались японцы и открыли по отступавшим частям и обозам сильный перекрестный ружейный и артиллерийский огонь.

Батальоны, вместе с присоединившейся к ним скорострельной батареей, заняли позицию у дороги и обстреляли наступавшего цепями противника учащенным огнем и залпами.

Появившиеся с западной стороны несколько эскадронов японской кавалерии бросились на нас в [207] атаку, но были отбиты залпами выдвинутых против них 15-й и 16-й рот - и скрылись.

Так же быстро были прогнаны пехотные цепи противника, и лишь одна батарея продолжала некоторое время осыпать нас снарядами, но метким огнем нашей батареи и она принуждена была замолчать.

На позиции у Мандаринской дороги полк оставался до позднего вечера, пропуская мимо себя войска, обозы и артиллерию.

Около 2-х часов дня, с западной стороны дороги, опять появились густые цепи противника и артиллерия, с которыми полку пришлось вести оживленную перестрелку до наступления темноты.

Около восьми часов вечера к нашей позиции подошел Люблинский пехотный полк и вместе с Бузулукским составил отряд, под начальством командира Люблинского полка, как старшего в чине.

В 10 часов вечера отряд выступил на север.

Переутомление людей было настолько велико, что за час ходьбы Бузулукский полк потерял всякую возможность продолжать движение и заночевал у какой-то дереvушки.

За этот день полк потерял нижних чинов убитыми 5, ранеными 55 и без вести пропавшими 111.

Патронов выпущено 33 тысячи.

В затруднительном положении при отступлении от Мукдена оказался полковой обоз 2-го разряда.

Осень и зиму обоз стоял в деревне Ляндяпу, 17-го же февраля, вследствие обхода японцами правого фланга наших армий, было приказано вывезти его со всем накопленным имуществом и фуражом в деревню Янсынтунь. Из Янсынтуня обоз перешел [208] в Мукден, откуда вечером 24-го февраля выступил на север, но, пройдя несколько верст, остановился на ночевку у деревни Эртайцзы, в полуверсте от Мандаринской дороги.

С раннего утра 25-го февраля Мандаринскую дорогу запрудили обозы самого разнообразного состава и характера.

Тут было и имущество русско-китайского банка, и имущество полевых казначейств, госпиталей, штабов, всевозможных казенных учреждений и частных лиц, и санитарные арбы, и двуколки, и артиллерийские повозки, и понтонные парки, и неисчислимое количество войсковых обозов. Все это, облепленное наносимой ветром землей и застланное песочным туманом, в больном беспорядке спешило к Телину, опережало, давило друг друга под гнетущим сознанием близости японцев и отступления наших войск.

В 5 часов утра начальник обоза Бузулукского полка, капитан Беглюк, не получая никаких распоряжений о дальнейшем движении и видя в то же время поспешное отступление других обозов, решил немедленно отправить вверенный ему обоз на север.

При содействии командира нестроевой роты, штабс-капитана Софронова, полкового казначея, поручика Лукинского, и прапорщика Козлова, капитану Беглюку удалось кое-как втиснуть обозные двуколки и арбы в общую двигавшуюся массу.

До реки Пухэ, пересекающей Мандаринскую дорогу, в полковом обозе, несмотря на окружающую сумятицу и давку, поддерживался полный порядок. [209]

Но вот, когда голова обоза, около двух часов дня, подошла к переправе через реку, вблизи, со стороны, появились японцы.

Как стрела, вылетела на позицию неприятельская артиллерия обстреляла переправу и дорогу беглым огнем.

Это внезапное нападение произвело неописуемую панику.

Через час - полтора японцы были прогнаны огнем нашей артиллерии, и в обозах водворился некоторый порядок, после чего движение продолжалось без всяких инцидентов и приключений.

Обоз полка в этом печальном происшествии пострадал в сравнении с другими очень мало: были разбиты снарядами и налетевшими телегами и брошены одна парная повозка,

одна хозяйственная двуколка, 27 арб с нагруженным на них имуществом и запряженными в них 20 лошадьми, 27 мулами и 4 осликами.

Человеческих жертв в обозе не было.

Заслуживает внимания скромный подвиг церковника полковой церкви, унтер-офицера Ивана Глухова, и обозного конюха, ефрейтора Петра Вдовина.

Во время убийственного артиллерийского огня противника и паники среди обозов, сломалась ось у двуколки с церковными вещами, и двуколка опрокинулась посередине дороги, как раз у самой переправы.

Ежеминутно нужно было ожидать, что двуколка, вместе с прижавшимися к ней Глуховым и Вдовиным, затрется карьером проносящимися артиллерийскими и понтонными парками, или рассыплется в щепки от рвущихся вокруг снарядов. Но Вдовин и Глухов не трусили, не растерялись, как другие. Первый из них остался при двуколке, а другой, заметив вблизи брошенную новенькую понтонную повозку с [210] шанцевым инструментом, преспокойно разгрузил ее и, при помощи Вдовина, переложил туда церковные вещи, запряг в нее уцелевших при сломанной двуколке лошадей и вывез в сохранности доверенное ему имущество. За такой самоотверженный поступок оба они, Глухов и Вдовин, представлены к наградам.

26-го февраля, около 3-х часов дня, полк присоединился у железнодорожной станции Синтайцзы к своей дивизии, входившей в состав 3-й армии, и продолжал движение на север вдоль полотна железной дороги, с восточной ее стороны, составляя с 216 пехотным Инсарским полком арьергард армии.

Многочисленными упорными боями 54-я пехотная дивизия, руководимая генералом Артамоновым, заслужила себе прочную репутацию опытной и надежной части.

За время с 17-го по 27-е февраля включительно дивизия и приданная к ней 28-я артиллерийская бригада потеряли убитыми и ранеными 127 офицеров (два командира полков смертельно ранены и почти все штаб-офицеры выведены из строя) и 5749 нижних чинов, то есть 60,5 % офицеров и 45,7 % нижних чинов наличного состава дивизии.

Дивизия отступила от Мукдена в числе последних арьергардных эшелонов отряда генерала Мылова и сохранила все свои знамена, все орудия и почти полностью полковые обозы.

На одном из письменных докладов о действиях дивизии на реке Шахэ и в период мукденских боев генерал-адъютант Куропаткин сделал заключение, что, по его мнению, «теперь 54-я пехотная дивизия может считаться вполне боевой и надежной войсковой частью». [211]

Новый же главнокомандующий, генерал-от-инфантерии Линевиц, на представленной ему переписке положил такую резолюцию: «Объявить начальнику 54-й пехотной дивизии, что я названную дивизию не только теперь, но и всегда считал способной разгромить японцев».

Совместно с дивизией полк двигался на север и северо-запад до 16-го марта, когда остановился у деревни Чандяфыньфань.

Переходы, совершенные полком, были в высшей степени тяжелы и изнурительны.

Дни и ночи люди находились под открытым небом, плохо ели и плохо спали и нуждались в предметах первой необходимости.

Довольствие офицеров и нижних чинов было поставлено неважно.

В походных кухнях варили большею частью свинину, покупаемую ротами у местных жителей-китайцев, а иногда из интендантства получались мясные консервы, и ими заменяли говядину.

Доставка хлеба производилась неисправно, так что людям часто приходилось питаться

сухарями.

Весь март погода стояла скверная.

Выпадет снежок, станет холодно, потом пригреет солнышко, снег растает, появится слякоть, сырость, потом опять снег, холод, ветер, - злющий, пронизывающий ветер, с клубами слепящей пыли.

Словом, испытание за испытанием, одно горше, безжалостнее другого, выдерживал полк, и диву даешься, откуда только брались у переутомленных, исстрадавшихся людей силы стоически переносить все эти беды. [212]

К 1-му марта наличный состав полка был следующий: в строю находилось 16 офицеров и 5 врачей, вне строя, на хозяйственных должностях, 6 офицеров; строевых нижних чинов 2727<sup>7</sup> и нестроевых 213.

В марте месяце прибыло на укомплектование полка 7 обер-офицеров.

В таком приблизительно составе полк и подошедший к нему обоз 2-го разряда встали 16-го марта биваком у деревни Чандяфыньфань.

## **XXV.**

### **После мукденских боев.**

С бивака под деревней Чандяфыньфань полк 20-го марта перешел на 5 верст юго-западнее и занял по-батальонно четыре деревушки: Чаодиопа, Ляодиопа, Тациана, Чандиопа.

Офицерам и солдатам были отведены фанзы, нельзя сказать, чтобы просторные и удобные для жилья, но, после перенесенных лишений, и они являлись драгоценным благом, ибо люди, по крайней мере, имели кров и место, где могли хотя немного отдохнуть и укрыться от непогоды и холода.

За несколько дней более или менее урегулированной жизни полк заметно окрепнул, исправил и дополнил одежду, снаряжение и амуницию и уже на смотре нового главнокомандующего, произведенном 29-го марта, представился в прекрасном боевом [213] виде, за что офицеры и нижние чины удостоились горячей благодарности генерал-от-инфантерии Линевица.

В апреле месяце и в начале мая полк занимал прежнее расположение.

Перед праздником св. Пасхи офицеры и нижние чины говели по-батальонно при полковой церкви, а светлую пасхальную заутреню, в ночь с 16-го на 17-е апреля, встретили в Инсарском полку.

На 2-й и 3-й дни Пасхи для нижних чинов были устроены, под руководством офицеров, разнообразные полевые игры и спектакль с музыкой и пением.

27-го апреля командующий 3-й армией, генерал-от-инфантерии Батьянов, произвел смотр 5-му Сибирскому армейскому корпусу.

Внимательно осмотрев Бузулукский полк, командующий армией призвал к себе всех начальствующих лиц, от офицера до отделенного начальника включительно, в ярких чертах напомнил каждому о долге и об обязанностях и пожелал успеха и славы в дальнейших делах против японцев.

11-го мая полк передвинулся к деревне Гяодиопа.

Штаб полка поместился в фанзах деревни, а батальоны встали биваком вблизи нее, на

возвышенном месте, среди зеленевших всходами гаоляна и чумизы полей.

В этом районе полк бивакировал в продолжение пяти месяцев, до заключения мира с Японией, и в боевых столкновениях с противником больше не участвовал, так как 3-я армия составляла резерв 1-й и 2-й армий, значительно удаленный от передовых позиций. [214]

Офицеры и солдаты жили в походных палатках по-батальонно. Каждый батальон занимал известный участок, тщательно распланированный и сохранившийся в образцовой чистоте, с соблюдением всех требований лагерного устава.

Палатки постоянно проветривались и просушивались и в них были устроены невысокие, сплетенные из лозы нары, с подстилкой чумизной или гаоляновой соломы. В каждой роте имелись кипяильники и погребка для охлаждения кипяченой воды, хотя солдаты игнорировали советами и приказаниями врачей и офицеров употреблять исключительно кипяченую воду и предпочитали ей, по врожденной привычке, мутную, сырую, добываемую в китайских колодцах.

Вследствие этого, да еще дождливого лета, в полку сильно развилась местная болезнь, так называемая «шаньхань», или «маньчжурка».

Болезнь эта выражается в головокружении, ломоте в суставах, острых, судорожных желудочных болях и позыве к рвоте.

«Маньчжуркой» переболело много нижних чинов, но все случаи заболеваний кончились благополучно. Обыкновенно больной хворал дня три-четыре, а затем быстро выздоравливал.

Пищевое довольствие полка за все время стоянки у деревни Тяодиопа было удовлетворительно. На обед и ужин приготовлялась в походных кухнях обильная и вкусная горячая пища из мяса, овощей и чумизной, либо пшенной каши, приправленной свиным салом. По мере надобности, в роты выдавался плиточный чай и ежедневно, по 9-ти золотников на человека, сахар. [215]

Пожаловаться можно было разве только на хлеб, не всегда аккуратно отпускаемый интендантством и зачастую плохой выпечки и заплесневелый, поэтому, от времени до времени, нижние чины, вместо хлеба, получали сухари.

Летом и осенью от полка наряжался поочередно один батальон на земляные работы по устройству дорог в районе расположения 3-й армии. Свободные от наряда батальоны ежедневно производили строевые ученья - батальонные и ротные.

2-го июля полки и батареи 6-го корпуса участвовали в двухстороннем маневре, на котором присутствовал командующий армией, генерал-от-инфантерии Батьянов.

17-го июля на укомплектование полка прибыли из России маршевые команды молодых солдат в числе 1251 человек, из них 13-го августа 340 человек было переведено в 214-й пехотный Мокшанский полк.

К 1-му августа в полку состояло налицо: офицеров 42, нижних чинов 3815.

Вообще, за лето, наши армии, обессиленные и удрученные мукденским поражением, укомплектовались непрерывно прибывавшими из России многочисленными эшелонами молодых солдат и свежими корпусами.

Армии воспрянули духом, удрученность сменилась бодрим настроением, хотя уверенность в нашей конечной победе над врагом исчезла безвозвратно, особенно в тех частях, славные предыдущие дела которых и любовно принесенные этим делам безграничные человеческие жертвы наглядно показали нелепость дальнейшего кровопролития. [216]

- Мы жаждали победы, самоотверженно, от всей души выполняли свой долг, страдали и гибли, но что же из этого вышло? - рассуждали офицеры и солдаты, болезненно вспоминая две совершенно противоположные, изученные горьким опытом истины: чудеса храбрости и героизма отдельных частей и наряду с ними - полнейшая неспособность использовать то, что добывалось крайним упорством и чудовищными жертвами.

Неудивительно, поэтому, что начавшиеся в августе в Портсмуте между русскими и японскими уполномоченными переговоры о мире приветствовались армией, как разумный для России выход из критического положения, созданного военными неудачами и возникшими внутри государства в широких размерах смутами и волнениями.

23-го августа уполномоченные обеих воюющих сторон пришли к мирному соглашению, утвержденному 1-го октября Государем Императором.

В Высочайшем манифесте о восстановлении мира Государь Император всемилостивейше объявлял:

«В 23-й день августа сего года, с соизволения Нашего, заключен Нашими уполномоченными в Портсмуте и в первый день текущего октября утвержден Нами окончательно мирный договор между Россией и Японией.

В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. [217]

Ныне эта столь тяжкая борьба прекращена, и Восток державы Нашей снова обращается к мирному преуспеянию в добром соседстве с отныне вновь дружественною Нам Империей Японской.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, Мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящие Нам, совместно с избранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства в России.

Дан в Петергофе октября 5-го дня в лето от Рождества Христова 1905, царствования же Нашего в 11».

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:  
«Николай».

После ратификации мирного договора, нашим армиям приказано было отойти с занимаемых позиций на север и расположиться квартирно-бивачным порядком по обеим сторонам участка Китайской Восточной железной дороги, между станциями Харбином и Куанченцы.

14-го октября, в 6 часов утра, полк, вместе с обозами 1-го и 2-го разрядов, выступил из деревни Тяодиопа и направился через деревни Ляопенган – Юнченпу – Лалаты – Далин - Судианца - Вампашань - Тудиченца к железнодорожной станции Яомынь. Этот 180-ти верстный переход был совершен в 10 дней. [218]

24-го октября полк подошел к станции Яомынь и был размещен по-батальонно вблизи нее, в заранее оборудованных, светлых, теплых и просторных фанзах деревень Лунгфуншань, Умынчжань, Сыдагоу-Логванда, Чунганца, в ожидании отправления по железной дороге в Россию.

Переходом на зимние квартиры военно-походная жизнь полка в Маньчжурии

заканчивается.

В заключение, словами поэта-солдата, рядового Бузулукского полка Ивана Шабанова, остается сказать:

«Ирошай, далекая чужбина, прощай, китайская страна!  
Прощайте, братские могилы, прощайте, еду от вас я!  
Могилы ваши сиротами остались, братцы, навсегда  
И не оплачут их слезами родные семьи никогда.  
Свои вы души положили за Русь святую, за Царя,  
А нам теперь пора настала расстаться с вами навсегда.  
Идем мы к станции спокойно, и сердце радостью цветет,  
И ждем с большим мы нетерпением, когда к нам поезд подойдет.  
И мы столпились на вокзале, не видя, время как идет,  
И вдруг без шума перед нами к платформе поезд пристает.  
Тогда мы все засуетились, садиться стали по местам,  
В вагонах все мы разместились, - звонок раздался, - слышно нам:  
За ним второй уж повторился, а с третьим поезд нас помчал. -  
Слеза от радости скатилась, пропала на сердце печаль.  
Вези, машина, нас скорее, - Байкал ведь нужно обойти,-  
И все тогда мы дружно крикнем: Ура!.. Маньчжурия, прости!..  
В Сибирь мы только заявили, страна родная рада нам.  
Повсюду села и деревни встречаться стали по холмам.  
Чем дальше едем по Сибири, тем местность кажется родней;  
Мы мимо Омска прокатили и сердцу стало веселей.  
Вон речка в крутизне сверкает, и город Златоуст над ней,  
И в нем огромные заводы блестят все золотом огней.  
И Златоуст остался сзади, за ним Уфа встречает нас,  
И не успели осмотреться, в Самару поезд мчит как раз.  
В Самаре полк наш собирался под знамя Русского Вождя,  
На брань с японцем отправлялся, стоял он грудью до конца.  
Теперь мы точно вдруг воскресли, спешим в свояси напоказ,  
Самары храмы золотисты сияют уж у наших глаз.  
Собор с кафедрою великой, на нем всего тринадцать глав,-  
Он смотрит так на нас приветно, под кров свой манит, всех узнав.  
[219] Симбирцы в Сызрань покатали, спешат скорее по домам,  
Их ждут отец, жена, мать, дети: придут, про все расскажут нам.  
Иду и я к селу родному, на храме Божьем крест горит,  
Мое забилось ретивое, слеза из глаз моих катит.  
В село мы только показались, народ гурьбою нас встречал  
И сыпал нам свои вопросы, на кои я им отвечал.  
Одни вопят: скажи про сына, другие мужа назовут,  
И на ответ им только скажешь: они к вам больше не придут...  
Они остались, в поле бранном, под глиной мерзлою могил,  
Над ними белый крест поставлен, их враг навеки усыпил.  
И слезы потекут рекою по лицам жен и матерей,  
Но безутешные рыдания не в силах воскресить людей...  
И вот семья моя родная твердит: настал беде конец,  
И все ласкают меня детки, крича: ведь к нам пришел отец!  
От радости забилось сердце, не знаю, как, с чего начать,  
И я в восторге начинаю подряд семью всю целовать»...

С апреля месяца по 1-е ноября 1905 года, в пользу семей убитых на войне нижних чинов полка, священником полковой церкви собрано во время богослужений добровольных офицерских и солдатских пожертвований 750 рублей, каковые деньги со списками убитых представлены протопресвитеру военно-морского духовенства для соответствующего распределения их.

[220]

**Гг. офицеры и чиновники 215-го пехотного Бузулукского полка, принимавшие участие в делах против японцев.**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
<b>Полковники:</b>			
1	Павел Николаевич <b>Малюженко</b> (бывший командир полка)	Со _____ дня мобилизации.	Уволен в отставку Высочайшим приказом в ноябре 1904 г.
2	Георгий Давыдович кн. <b>Амилахори</b> (команд. полка)	С 22 сентября 1904 г.	Контужен 3-го октября 1904 г., остался в строю.
<b>Подполковники:</b>			
3	Исидор Исидорович <b>Хоментовский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20 августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
4	Виктор Павлович <b>Соколов</b>	Со _____ дня мобилизации.	Убит 20-го августа 1904 г.
5	Павел Захарьевич <b>Акацатов</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
6	Алексей Дмитриевич <b>Лисичкин</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 19-го февраля 1905г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 29-го ноября 1905 г.
7	Николай Александрович <b>Козлов</b>	С 4 октября 1904 г.	Ранен 17-го февраля 1905г., эвакуирован в Россию.
8	Альберт Леопольд Карлович <b>Цесарский</b>	Со _____ дня мобилизации.	—
9	Александр Иванович <b>Свяицкий</b>	С 18 октября 1904 г.	Контужен 12-го января 1904 г., остался в строю. В отпуску по болезни на 4 месяца с 26-го ноября 1905 г.
10	Владимир Васильевич <b>Крючков</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 3-го октября 1904 г., эвакуирован в Россию.
<b>Капитаны:</b>			
11	Лев Иванович <b>Львов</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен и взят в плен 20-го августа 1904 г.
12	Фома Антонович <b>Щерба</b>	Со _____ дня	Убит 20-го августа 1904 г.



		мобилизации.	
13	<b>Михаил Иосифович Савицкий</b>	Со _____ дня мобилизации.	Убит 20-го августа 1904 г.

221

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С _____ какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
14	<b>Роберт Викентьевич Борковский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
15	<b>Владимир Алексеевич Чередеев</b>	Со _____ дня мобилизации.	Убит 20-го августа 1904 г.
16	<b>Степан Андреевич Гуминский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Умер 19-го июля 1905 г.
17	<b>Игнатий Антонович Барановский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., остался в строю. 7-го января 1905 г. по болезни эвакуирован в Россию.
18	<b>Николай Алексеевич Кромиды</b>	Со _____ дня мобилизации.	20-го августа 1904 г. по болезни эвакуирован в Россию.
19	<b>Михаил Викентьевич Беглюк</b>	Со _____ дня мобилизации.	4-го октября 1905 г. командирован в Россию для обучения молодых солдат.
20	<b>Александр Александрович Рылов</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 3-го октября 1904 г., эвакуирован в Россию.
21	<b>Михаил Иванович Стражевский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г.»эвакуирован в Россию.
22	<b>Эммануил Викентьевич Бокщанин</b>	Со _____ дня мобилизации.	20-го августа отправлен по болезни в госпиталь, эвакуирован в Россию.
23	<b>Владимир Александрович Лозовой</b>	С 11 декабря 1904 г.	Ранен 12-го января 1905 г. Умер от ран 6-го мая того же года.
24	<b>Николай Иванович Ананьин</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., остался в строю. Ранен 12-го января 1905 г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 17-го апреля 1905 г.
25	<b>Эдуард Степан Воцлавович Плевако</b>	Со _____ дня мобилизации.	—
26	<b>Константин Николаевич Малахов</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 12-го января 1905 г., эвакуирован в Россию.
27	<b>Николай Александрович Тренин</b>	Со 2 января 1905 г.	—
28	<b>Андрей Петрович Лоди</b>	С 14 октября	Ранен 12-го января 1905

		1904 г.	г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 21-го марта 1905 г.
29	Сергей Онуфриевич <b>Янышев</b>	Со 2 января 1905 г.	–
30	Александр Семенович <b>Андронников</b>	С 14 октября 1904 г.	–

-222-

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
<b>Штабс-капитаны:</b>			
31	Евгений Михайлович <b>Родзевич</b>	Со _____ дня мобилизации.	Контужен 16-го февраля 1905 г., эвакуирован в Россию.
32	Матвей Осипович <b>Богданович</b>	Со _____ дня мобилизации.	13-го мая 1905 г. эвакуирован по болезни в Россию.
33	Михаил Николаевич <b>Кутуков</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
34	Константин Павлович <b>Софронов</b>	Со _____ дня мобилизации.	–
35	Александр Николаевич <b>Лукинский</b>	Со _____ дня мобилизации.	–
36	Валентин Вильгельмович <b>Барклай</b>	Со _____ дня мобилизации.	12-го января 1905 г. эвакуирован по болезни в Россию.
37	Петр Дмитриевич <b>Шадрин</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
38	Михаил Васильевич <b>Черкасов</b>	Со _____ дня мобилизации.	11-го ноября 1904 г. эвакуирован по болезни в Россию.
39	Петр Александрович <b>Тетерин</b>	?	Ранен и взят в плен 19-го февраля 1905 г.
40	Ванифатий Михайлович <b>Оловянишников</b>	С 18 октября 1904 г.	Контужен 17-го февраля 1905 г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 8-го июля 1905 г.
41	Александр Иванович <b>Вилинский</b>	Со _____ дня мобилизации.	Ранен 6-го сентября 1904 г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 30-го октября 1904 г. Ранен 17-го февраля 1905 г., эвакуирован в Россию.
42	Дионисий Семенович <b>Багриновский</b>	?	Ранен 21-го февраля 1905г., эвакуирован в Россию.

43	Павел Васильевич <b>Скорняков</b>	Со дня мобилизации.	Ранен 22-го февраля 1905г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 30-го марта 1905 г.
41	Николай Протович <b>Шиманский</b>	?	Ранен 17-го февраля 1905г., эвакуирован в Россию.
45	Александр Давыдович <b>Асилов</b>	С 18 октября 1904 г.	–
<b>Поручики:</b>			
46	Александр Петрович <b>Филипповский</b>	С 18 октября 1904 г.	Ранен 17-го февраля 1905г., эвакуирован в Россию

**-223-**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
47	Григорий Николаевич <b>Петров</b>	Со дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 27-го февраля 1905 г.
48	Алексей Филиппович <b>Галиотов</b>	Со 2 января 1905 г.	В командировке в 213 п. Оровайском полку с 30-го июля 1905 г.
49	Владимир Алексеевич <b>Одоев</b>	Со дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
50	Александр Петрович <b>Максимов</b>	С 25 ноября 1904 г.	–
51	Яков Павлович <b>Богдановский</b>	Со дня мобилизации.	Ранен 19-го февраля 1905г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 13-го марта 1905 г. 4-го октября 1905 г. командирован в Россию для обучения молодых солдат.
52	Иван Васильевич <b>Колосовский</b>	?	Ранен и взят в плен 19-го февраля 1905 г.
53	Николай Петрович <b>Серяков</b>	?	1-го сентября 1904 г. переведен на укомплектование 1-го Сибирского армейского корпуса.
54	Николай Михайлович <b>Алашеев</b>	?	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 5-го февраля 1905 г. В отпуску на 2 месяца с 23-го ноября 1905 г.
55	Павел Алексеевич <b>Добротворцев</b>	?	Ранен 18-го октября 1904 г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 11-го июля 1905 г.
56	Николай Николаевич <b>Трофимов</b>	?	Ранен и взят в плен 19-го февраля 1905 г.
57	Владимир Тимофеевич <b>Загуляев</b>	С 18 октября 1904 г.	В командировке в пулеметной роте с 10-го ноября 1905 г.
58	Иван Иванович <b>Воейков</b>	С 18 октября 1904 г.	–

59	Виктор Львович д'Андре	С 14 октября 1904 г.	1-го декабря 1904 г. командирован в 40-ю сотню пограничной стражи. Ранен 4-го декабря 1904 г., отправлен в госпиталь и возвратился в 40-ю сотню 12-го января 1905 г.
----	------------------------	----------------------	--

**-224-**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
60	Владимир Иванович Лебедев	С 18 октября 1904 г.	Контужен 15-го февраля 1905 г., остался в строю. 4-го октября 1905 г. командирован в Россию для обучения молодых солдат.
<b>Подпоручики:</b>			
61	Александр Лукьянович Ишков	С 18 октября 1904 г.	Ранен 30-го декабря 1904 г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 12-го августа 1905 г. 4-го октября 1905 г. командирован в Россию для обучения молодых солдат.
62	Петр Александрович Казанский	С 18 октября 1904 г.	Контужен 16-го февраля 1905 г., остался в строю.
63	Семен Дмитриевич Ананьев	Со дня мобилизации.	–
64	Алексей Иванович Гогин	Со дня мобилизации.	Контужен 16-го февраля 1905 г. В отпуску на 2 месяца с 19-го ноября 1905 г.
65	Петр Петрович Шкурко	Со дня мобилизации.	1-го сентября 1905 г. переведен на укомплектование 1-го Сибирского армейского корпуса.
66	Сергей Маркович Агеев	Со дня мобилизации.	Убит 20-го августа 1904 г.
67	Федор Александрович Любимов	С 14 октября 1904 г.	–
68	Владимир Григорьевич Чаплыгин	Со дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
69	Константин Дорофеевич	Со 2 января	4-го октября 1905 г.

	<b>Воронцов</b>	1905 г.	командирован в Россию для обучения молодых солдат.
70	Владимир Дмитриевич <b>Федоров</b>	Со дня мобилизации.	1-го сентября 1905 г. переведен на укомплектование 1-го Сибирского армейского корпуса.
71	Михаил Дмитриевич <b>Языков</b>	Со дня мобилизации.	Ранен 20-го августа 1904 г., эвакуирован в Россию.
72	Борис Петрович <b>Верхолетов</b>	Со дня мобилизации.	6-го декабря 1904 г. по болезни эвакуирован в Россию.
73	Дмитрий Львович <b>Сазонов</b>	С 23 сентября 1904 г.	Убит 17-го февраля 1905 г.

**-225-**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
<b>Прапорщики:</b>			
74	Вротислав Францевич <b>Адамский</b>	Со дня мобилизации.	Контужен 3-го октября 1904 г., остался в строю.
75	Николай Исаакович <b>Чернышев</b>	?	Ранен 17-го февраля 1905 г., эвакуирован в Россию.
76	Фридрих Фридрихович <b>Герман</b>	?	Ранен 3-го октября 1904 г., эвакуирован в Россию. Возвратился в полк 23-го сентября 1905 г.
77	Петр Федорович <b>Чесский</b>	С 27 декабря 1904 г.	Ранен 17-го февраля 1905 г., отправлен в госпиталь. Возвратился в полк 5-го июля 1905 г.
78	Иван Евгеньевич <b>Розов</b>	С 27 сентября 1904 г.	—
79	Николай Петрович <b>Козлов</b>	Со дня мобилизации.	—
80	Сергей Архипович <b>Кряжев</b>	Со дня мобилизации.	Произведены в чин прапорщика за отличия в делах против японцев.
81	Владимир Александрович <b>Былинский</b>	Со дня мобилизации.	
82	Александр Михайлович <b>Алашеев</b>	Со дня мобилизации.	
83	Александр Максимович <b>Огородников</b>	Со дня мобилизации.	
84	Сергей Ильич <b>Серебряков</b>	Со дня мобилизации.	

85	Иван Андреевич <b>Кладухин</b>	С 12 ноября 1904 г.	
86	Владимир Александрович <b>Мухортов 1-й</b>		
87	Вадим Александрович <b>Мухортов 2-й</b>		
88	Ричард Игнатъевич <b>Освецимский</b>	С 12 октября 1904 г.	
89	Евгений Иванович <b>Явшиц</b>	С 12 октября 1904 г.	
90	Александр Лукич <b>Желнин</b>	Со дня мобилизации.	
91	Константин Тимофеевич <b>Тищенко</b>	Со дня мобилизации.	
92	Иван Иванович <b>Михайловский</b>	Со дня мобилизации.	
93	Иван Варфоломеевич <b>Карнаухов</b>	Со дня мобилизации.	

**-226-**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в мобилизованном полку.	Отметка.
<b>Полковой священник:</b>			
94	О. Иоанн Васильевич <b>Сергиевский</b>	Со дня мобилизации.	Отправлен по болезни в госпиталь 25-го февраля 1905 г. Возвратился в полк 22-го апреля 1905 г.
<b>Классные чиновники:</b>			
95	Старший врач, коллежский асессор Вячеслав Петрович <b>Кочкин</b>	Со дня мобилизации.	С 8-го ноября 1905 г. находится по болезни в отпуску на 4 месяца.
96	Младший врач, коллежский асессор Валентин Иванович <b>Просвирнин</b>	Со дня мобилизации.	—
97	Лекарь Лейба Абрамович <b>Блитштейн</b>	Со дня мобилизации.	—
98	Лекарь Фердинанд Карл Роберт Густавович <b>Трейман</b>	Со дня мобилизации.	—
99	Лекарь Андрей Алексеевич <b>Пономарев</b>	Со дня мобилизации.	—
100	Делопроизводитель, титулярный советник Антон Станиславович <b>Соколовский</b>	Со дня мобилизации.	15-го декабря 1904 г. по болезни эвакуирован в Россию.
101	Оружейный мастер, титулярный советник Арсений Николаевич	Со дня мобилизации.	—

	<b>Григорьев</b>		
--	------------------	--	--

**-227-****Гг. офицеры 215-го пехотного Бузулукского полка, в делах против японцев не участвовавшие.**

№ п/п	Чин, Имя, Отчество и Фамилия.	С какого времени состоит в полку.
<b>Капитаны:</b>		
1	Евгений Константинович <b>Колюбакин</b>	?
2	Самсон Харитонович <b>Жвания</b>	С 24-го марта 1905 г.
3	Михаил Александрович <b>Ветошников</b>	С 28-го марта 1905 г.
<b>Поручик:</b>		
4	Андрей Владимирович <b>Кононович</b>	С 12-го марта 1905 г.
<b>Подпоручики:</b>		
5	Константин Иванович <b>Толмачев</b>	С 12-го марта 1905 г.
6	Андрей Викентьевич <b>Пецнер</b>	С 13-го марта 1905 г.
7	Селиверст Владимирович <b>Попов</b>	С 21-го марта 1905 г.
8	Михаил Федорович <b>Короткий</b>	С 21-го марта 1905 г.
9	Василий Дмитриевич <b>Барановский</b>	С 21-го марта 1905 г.
10	Валерьян Михайлович <b>Яхонтов</b>	С 28-го марта 1905 г.
11	Владимир Иулианович <b>Данилевич</b>	С 7-го марта 1905 г.
<b>Прапорщики:</b>		
12	Иван Иванович <b>Радугин</b>	Со дня мобилизации.
13	Иван Иванович <b>Кулев</b>	С 13-го марта 1905 г.



## Примечания:

1. Диспозиция № 6 в полку не сохранилась.
2. На некоторых подлинных записках текст, написанный карандашом, местами стерся и в настоящем очерке обозначен пунктиром.
3. Когда посылалось это донесение, не было еще известно, что затвор от седьмого пулемета сдан рядовым Помощниковым командиру Минского полка.
4. Записка эта запоздала вследствие того, что посланный повез ее в деревню Янсынтунь, потом вслед за полком в деревню Таапу и вручил ее по принадлежности, по прибытии полка в деревню Кандятунь.
5. Записка, пулеметы и ружья не были приняты, так как штаб корпуса в эту ночь переходил в другую деревню, на север, и все это было возвращено в полк.
6. Предмостное укрепление.
7. Состав пополнился офицерами и нижними чинами, возвратившимися из госпиталей и из командировок.